

АРИСТАРХ РИДДЕР

АВАНТЮРИСТ
КАЛИФОРНИЯ

Здравствуй и встречай Калифорния! Никак не ожидал, что окажусь тут, но вот он я! А это значит, подвиньтесь, в городе новый шериф!

Продолжение приключений нашего современника, оказавшегося в теле Александра Гамильтона, первого министра финансов...

Аристарх Риддер

Авантюрист. Калифорния

Пролог и Глава 1

Первое июля тысяча восемьсот восьмого года. Новая Мангазея (бывшая Миссия Долорес), Верхняя Калифорния.

— Пожалуй, это всё Николай Петрович, давайте прощаться. Угля мы вам загрузили столько, что до самого Петербурга хватит. Даже если на одних машинах идти будете, всё равно хватит.

— Очень на это надеюсь, Александр Иванович. Всё-таки считай, пол кругосветки сделать придётся. Как раз то, что не я не добрал с Крузенштерном.

— Письмо Государю Императору при вас?

— Как можно? Конечно оно у меня.

Резанов расстегнул камзол и достал из внутреннего кармана письмо, которое я ему дал полчаса назад.

— Вот и славно. Ну, с Богом!

Я крепко пожал Резанову руку, и тут дверь распахнулась, в мой кабинет буквально влетел Плетнев.

— Фух, успел! Боялся что ты без меня отчалишь, — с ходу выпалил он обращаясь к Резанову.

— Я и не сомневался, что ты успеешь, Иван.

Втроем мы прошли на пристань. Там, под охраной четырёх вооружённых семинолов ждал груз в Петербург: почти пятьдесят пудов пушнины и десять пудов золота. Всё это мы собрали, чтобы показать Александру первому полезность Русской Америки.

Кроме того погрузку ждали пять десятков винтовок, десять револьверов, десять ящиков патронов и двадцать килограмм нитроцеллюлозы, мой личный вклад в снаряжение экспедиции и вполне очевидный намёк царю, что я очень хочу дружить.

Резанов пойдёт домой восточным маршрутом, через Тихий и Атлантический океан. Для этого путешествия мы подготовили два корабля. Старую добрую «Святую Луизу» и новенький угольный танкер «Кадьяк». Именно он гарантия того что Николай Петрович доберется без приключений и достаточно быстро.

Машины на обоих кораблях стоят новенькие, все необходимое для ремонта практически любой степени сложности у экспедиции имеется. В общем, мы по максимуму подготовили Резанова, надеюсь, что сюрпризов не будет.

Надеюсь, в этот раз у него получится попасть в Петербург, теперь ему не нужно рвать жилы и изо всех сил спешить в Петербург. Юная Кончита, которая теперь уже Мария отправляется с ним...

Вот и всё корабли, скрылись за горизонтом, пора возвращаться к текущим делам. У меня тут война как никак!

Двадцать пятое мая тысяча восемьсот шестого года. Залив Сан-Франциско, Верхняя Калифорния.

Сказать, что наше прибытие стало большим сюрпризом для местных, это всё равно, что промолчать. Еще бы, маленькая испанская миссия до сих пор под большим впечатлением от прибытия русских под командованием Николая Резанова, а это даже не вчерашняя новость.

А тут, откуда не возьмись, четыре огромных, окутанных дымом корабля, которые как к

себе домой заходят в бухту, становятся на якорь и как будто так и надо начинают разгрузку!

Как и полагается испанскому маркизу и путешественнику, практически без пяти минут конкистадору, я высадился на берег в первой шлюпке. Католического священника и испанского флага со мной, конечно, не было, но я даже не знаю что более солидно, эти традиционные атрибуты или пяток вооруженных до зубов семинолов, охраняющих меня и моих спутников.

На берегу нас встречала целая делегация. В ней особенно выделялись два офицера, испанский и русский. Первым ко мне подскочил испанец:

— Хосе Дарио Аргуэльо, комендант форта Сан-Франциско, простите, с кем имею честь?

— Очень приятно, Маркиз Алехандро де Каса Альмендарес. А это мои спутники: моя жена Мария Мануэла, камердинер Барри О'Салливан, и командир моего флагмана Иван Плетнев, — я поворачиваюсь к своим спутникам и вижу странную картину:

— Николая! Чертяка! Ты как здесь оказался, — Иван Петрович спрыгнул с шлюпки, пробежал пару метров и с разбегу обнял русского.

— Иван, у меня к тебе тот же вопрос! Ты же в Адмиралтействе служишь.

— То дела прошлые, это очень долгая история, я теперь служу вот этому человеку, — Плетнев подошёл ко мне и представил своего, очевидно если не друга, то приятеля:

— Мистер Гамильтон, разрешите вам представить моего старинного друга, Николая Петровича Резанова.

Вот это поворот! Хотя о чем это я, учитывая, как называются корабли, которые я увидел, очевидно, что и Резанов должен быть тут. Другое дело, что это очень большое совпадение что Резанов и Плетнев знакомы.

Хотя, с момента моего переноса в это время вся моя жизнь это череда сплошных совпадений, почему бы не случится очередному из них.

— Здравствуйте, Николай Петрович, очень рад познакомиться, — ты смотри, как удивился, еще бы! Я же поздоровался на русском. Ну ничего дорогой граф, это только начало, я вас еще не раз удивлю. И ни два, и ни три...

— Взаимно, мистер Гамильтон, — Резанов хотел что-то сказать но его перебил комендант местного форта:

— Маркиз, позвольте спросить, с какой целью вы прибыли в Верхнюю Калифорнию? И есть ли у вас какие-либо инструкции относительно меня? — в принципе, очень логичный и правильный вопрос задал этот испанец. Ведь что он видит перед собой?

А видит он целую эскадру, с которой, пока мы разговариваем, началась разгрузка. Шлюпки сделали первый рейс, и сразу же ушли на второй. На берегу постепенно становится тесно от грузов и людей.

И что он может подумать, видя всё происходящее? Только одно, в Мехико что-то решили насчёт этого Богом забытого места. И это для него считай прямой приказ, ведь именно из Новой Испании идёт сейчас снабжение не только Нижней, но и Верхней Калифорнии.

— Конечно есть, сеньор Аргуэльо, как не быть. Мне поручено передать вам это письмо, достаю из кармана конверт и передаю его коменданту.

Хосе Дарио достает из кармана пенсне и начинает читать, чем дальше он продвигается по письму, тем выше его брови.

А кто бы на его месте не удивился. Сам вице-король Новой Испании, Егс

Превосходительство Хосе Хоакин Висенте де Итурригарей и Аrostеги написал это письмо, о чем свидетельствует подпись и печать.

Я терпеливо жду, письмо длинное и очень информативное. Я знаю его содержимое, еще бы, оно было написано в моем присутствии.

Ну всё, молодец Хосе Дарио, справился! По чтению тебе твердая пятерка, посмотрим, что на счет логики.

— Сеньор де Каса Альмендарес, в этом письме вице-король приказывает мне, — ох ты как комендант преисполнился гордости, — оказывать вам всевозможную поддержку и помощь, — ну так оказывай, чего ты ждёшь? — чем я могу быть вам полезен?

— Спасибо, господин комендант. Мы довольно давно в море, распорядитесь организовать хороший ужин для моих людей. Нас тут больше тысячи, — добавил я.

Да уж, бедняга Хосе Дарио. Накормить столько голодных ртов задача не из легких. Впрочем, я ему помогу:

— У нас еще осталось некоторое количество припасов. Думаю, будет разумно использовать их, — поворачиваюсь к Барри и продолжаю, — дружище, помоги коменданту.

— Конечно, мистер Гамильтон, сейчас сделаю.

* * *

Выгружались мы до позднего вечера, и постепенно берег залива превратился этакий аналог цыганского табора во время пожара.

Я активно принимал участие в разгрузке, и к вечеру моя спина уже не просто говорила, она кричала все, что обо мне думает. Хоть тело и изрядно помолодело, с тех пор как мой разум в нем оказался, но пожалуй, нагрузки были великоваты и для меня из двадцать первого века.

Впрочем, то какими глазами смотрела на меня Мария Мануэла... О, эти глаза обещали мне очень и очень многое... когда я отлежусь и буду способен хоть на что-то.

Правда, не только я изображал из себя смесь подъемного крана и мула, все мои люди исправно работали. Корабли настолько достали, что просто не передать словами. К чести Резанова и Хосе Дарио надо сказать, что и их люди приняли самое активное участие в разгрузке моих кораблей.

Но всё имеет свойство когда-то заканчиваться, закончился и этот логистический ад.

* * *

— Николай Петрович, если это не секрет, скажите пожалуйста. Как вы очутились в этом Богом забытом месте. Оно несколько далековато от границ Российской Империи. Вы не находите?

Мы сидим в обеденном зале ранчо, которое принадлежит коменданту Хосе Дарио Аргуэльо. В моем бокале плещется вино, которое мы привезли, но на этом наш вклад в праздничный стол практически закончен.

Ароматный и чертовски вкусный хлеб испечен из местной пшеницы, парочка оленей, мясо которых мы с аппетитом поглощаем, еще утром скакали по местным лесам. Вот

пряности и соль наши, этого не отнять.

— Какие уж тут секреты, мистер Гамильтон. Наша колония в Новоархангельске буквально бедствует. Вы не поверите, продукты мы через океан возим, из Охотска! Вот где Охотск и где Новоархангельск! — тут вы правы, дорогой Николай Петрович, это дурдом, не поспоришь.

— И что же? Вы тут нечто вроде фуражира?

— Хех, — Резанов залпом выпил вино, я сделал знак рукой и Барри младший тут же наполнил его бокал, — можно и так сказать. Видели два судна у пристани? «Юнону» и «Авось», я же их за собственные деньги купил и все припасы, которые уже по разу отсюда доставил Баранову тоже!

Что-то он очень уж экспрессивен, надо уточнить.

— А что это за Баранов? Вы так говорите сейчас, как будто злитесь.

— Я про Александра Андреевича ничего плохого сказать не могу, на Аляске всё на нем держится. Но как же она далеко! Наши люди там с голодудохнут, пока мы тут оленину кушаем. А это считай, край России!

Вот как, да вы Николай Петрович, оказывается радеть за отечество.

— Так в чем же дело? Если у вашего Баранова есть чем заплатить, Хосе Дарио тут же отгрузит ему всё что нужно, а Иван Петрович отвезёт, так ведь?

— Конечно, отвезу, мистер Гамильтон, как не отвезти! — ответил Плетнев, комендант форта Сан-Франциско ничего на это не сказал, говорили то мы по-русски.

— Ну вот и славно, господа, вы как хотите, а мы с Марией Мануэлой вас покинем, так ведь милая? — обращаюсь я к жене.

— Да, дорогой, конечно, давно пора, — ух ты как глаза горят у моей горячей испанки!

Мы зашли в поставленный нам двоим шатер, и Мария Мануэла на меня буквально набросилась...

Я чиркнул огнивом, искра попала на трут и я раскурил трубку от разгоревшегося пламени. Надо, кстати, озаботиться нормальными спичками, каменный век какой-то честное слово.

Так жена спит, можно и подумать, раскинуть мозгами, так сказать.

* * *

Я в Калифорнии, удивительно, честное слово. Что мне тут делать? Вот главный вопрос. Понятно, что и в Калифорнии и на Аляске есть золото, золотая лихорадка это не медицинский диагноз, это то что тут начнется лет через шестьдесят, или семьдесят, не помню.

Да и не важно это. Главное, что золото тут есть и его очень, просто неприлично, много. А если тут есть золото, моя задача наладить его добычу. А что еще?

А еще это очень благодатные места. Можно снимать по три урожая в год, пшеница, рожь, картофель, в конце концов. Ведь Резанов не просто так сюда поперся, он сам об этом стал рассказывать, ну пока не набрался.

Русской колонии на Аляске отчаянно нужно продовольствие. И я очень хочу её этим обеспечить. Это я только на публику играл, когда говорил, что всё отвезу, только если Баранов мне заплатит. Я и бесплатно наших на Аляске кормить готов, только этого никто не

поймет, вот и приходится шифроваться, да. Помогу я Баранову с продовольствием, тут нет вопросов. И повод для местных есть.

Насколько я помню, угля в Калифорнии нет, это очень печально, учитывая что он мне очень и очень нужен. Дрова для паровых машин, это как ни крути жуткий паллиатив, КПД на них ну очень низкий.

Да, угля тут нет, зато он есть на Аляске. это точно. Вот я и буду поставлять продовольствие в Новоархангельск по бартеру. Баранов мне уголек, а я ему пшеницу и другие дары природы. Пусть организовывает добычу полезных ископаемых силами местных жителей. Не все же им фауну Аляски истреблять, путь и в земле поковыряются.

Допустим, уголь у меня будет. А что дальше?

А дальше у меня стоит вопрос с железом. В Калифорнии его тоже особо нет, ну кроме болотного, но оно плюс минус везде есть, на него ориентироваться не стоит. А где железо есть?

Я точно знаю что оно имеется восточнее, В Сьерра-Неваде, до туда правда еще добраться надо, горы как никак. Но особых проблем, кроме чисто географических, я не вижу. Должны мы туда дотянуться. Просто обязаны.

Так, уголь и железо у нас, предположим, будут, с продовольствием тоже вопрос решим. А дальше-то что?

Что мне вообще делать в этой дыре, кроме того чтобы подкармливать пару сотен русских, которые по своей привычке залезли туда где лед, медведи и вот это вот всё?

На самом деле ответов на этот вопрос ровно три.

Первое: я сам того не желая послужил катализатором гражданской войны в Новой Испании. Ведь она же должна была начаться сильно позднее. Лет через пять точно, если не позднее.

И есть у меня теперь очень веская причина, почему я обязан очень плотно заняться Новой Испанией. Вон она моя причина, спит себе безмятежно и не знает, что я тут мозги себе ломаю.

Да, у моей Марии Мануэлы в Мексике и на Кубе осталась целая куча родни, и все они, на самом деле, не хило так мне помогли. Я им крепко обязан. А быть должником я очень не люблю, так что надо помогать сепаратистам.

Это не сложно. Всё что от меня будет требоваться это оружие. Винтовки, патроны и динамит, ну и сухопутный путь чтобы всё это доставлять в Мексику. Надо будет завтра у Хосе Дарио узнать, что мешает сообщению с Мексикой. Испанцы же не с бухты-баракты снабжают свои колонии тут исключительно морем.

Итак, с первым разобрались, помочь Мексике и Кубе в обретении независимости. Что еще?

А еще дядя Сэм, чтоб ему пусто было.

Очень скоро тут будет не протолкнуться от американцев, это же в будущем будет их штат. Вернее был, а теперь мы еще посмотрим.

Я много раз говорил Ахайе кто его настоящий враг. И сейчас я несколько не изменил свое мнение. Экспансию США на запад надо остановить, пусть сидят в своих тринадцати колониях и до посинения шлифуют свою протестантскую этику. А чтобы остановить США я должен придумать им противовес.

Ни Великобритания, ни Испания на эту роль не годятся. Испания уже слишком дряхлая, а Великобритания слишком занята борьбой с одним низкорослым корсиканцем, с

Наполеоном, да.

Хотя, лаймы ребята гордые и не известно чем в итоге закончилась моя провокация на Ямайке, может прямо сейчас английский флот во всю высаживает десанты в Нью-Йорке и Филадельфии. Если так, то я за вас, красномундирники, всей душой болею. Но вряд ли. Малс у англичан сил в Канаде. И остается только одно:

Попробовать консолидировать коренное население Северной Америки и направить их на борьбу с американцами.

Если бы я остался во Флориде, мне бы это сто процентов удалось бы. Я был бы намного ближе к месту развития событий, и плюс рычагов влияния было бы больше. Вакцинация от оспы, борьба с корью, поставки оружия, обучение медиков. Да много всего!

Но я в Калифорнии и теперь возможности сильно ограничены. Это не значит, что их нет. Просто надо подумать.

И третье. Русская Америка.

Я всё-таки русский и в некотором роде пассионарий. А это значит, что я просто обязан раздвигать границы нашей державы. Тем более, что в отличии от Баранова и всех остальных у меня просто фантастические возможности. Людей у меня много, при том многие из них технически грамотные, в средствах я не ограничен, ничего не мешает реализовывать любые, даже самые безумные планы.

Центр промышленной революции будет здесь. В бухте Золотой Рог. Даешь паровую долину на месте будущей кремниевой!

Мне бы еще русских людей сюда побольше, чтобы начать форт Росс строить, вернее нет, название затасканное. Что бы придумать?

Вот! Точно! Новая Мангазея! Вполне подходит для моего проекта!

Так, что-то мысли начали путаться, усталость берет свое. Перспективы Русской Америки я обдумаю завтра, а сейчас отдыхать.

Трубка давно потухла и небо начало загораться рассветом. Рассвет нового мира, пришла мне в голову пафосная мысль, я усмехнулся и пошёл спать.

Завтра, вернее уже сегодня, приступим к строительству этого нового мира.

— Значит, плохо на Аляске с продовольствием?

Мы снова собрались вместе с Резановым и испанцами и теперь обедаем, русские держится молодцом, хотя вчера они прилично так набрались, по Резанову это и не скажешь.

— Не то слово, мистер, Гамильтон, самый настоящий голод. Нельзя ни минуты медлить.

— Вам очень повезло, Николай Петрович. Мои корабли и больше и значительно быстрее, через пару дней на одном из них пойдёте к своему Баранову.

— Через пару дней никак невозможно, мистер Гамильтон, сейчас надо.

— Сейчас не получится. Надо осмотреть машины, понять какая в наилучшем состоянии и именно этот корабль использовать. У нас, собственно, всего три варианта, «Флорида» точно на Аляску не пойдёт, её машина изношена до самой последней крайности. «Селия», «Святая Луиза» или «Стелла Марис», вот из чего надо будет выбрать.

— Ну не знаю, вряд ли они настолько быстрее, чтобы из-за них стоило два, а то и три дня терять.

— Сколько вы шли из Новоархангельска?

— Две недели.

— И вас несло течение, значит, обратно вы будете идти месяц. Иван Петрович, я прав? — Плетнёв, присутствовавший при этом разговоре, молча кивнул. — Вот! А на моих кораблях дорога туда у вас займёт недели две максимум. Я гарантирую. Так что имеет смысл подождать.

— Я не уверен.

— Николя, поверь мистеру Гамильтону на слово. Эти его огнедышащие машины дают большую прибавку в скорости, особенно против течения. А на флейт, или один из наших фрегатов влезет провизии считай как на полторы твои «Юноны».

— Хорошо, мистер Гамильтон. Давайте подождём.

— Уверяю вас, вы не пожалеете. И у меня к вам просьба и предложение.

— Слушаю вас, мистер Гамильтон.

— Начну с предложения. Раз уж в тех краях голодно, почему бы вам не крикнуть охотников, да не перевезти их сюда? Я помогу, поставят тут форт, будут жить и хлеб выращивать для Новоархангельска, — пока промолчу, для чего мне на самом деле нужны русские.

— Идея хорошая, мистер Гамильтон, но мне странное от вас слышать, вы же испанский маркиз, а мы с испанцами враги. Да и как отнесутся местные к тому, что тут появится русское поселение? Я же поначалу испытывал трудности с закупкой, именно потому, что русский. Амбары у них зерном ломятся, их владельцы, чуть ли не на кулаках сходятся, чтобы мне зерно продать, а комендант не разрешает, враги мол. Пришлось к дипломатии прибегнуть.

Услышав это, я усмехнулся, ну-ну знаем мы ту дипломатию, вон девчонка эта испанская за Резановым ходит будто хвостик.

— Знаете, Николай Петрович, мне с некоторых пор совершенно наплевать на то, как отнесутся испанцы. Я, практически официально опасный заговорщик и враг испанской

короны.

— Но подождите, а как же письмо, которое вы передали коменданту? Оно, получается фальшивое?

— С чего вы взяли? Письмо самое настоящее, только оно от предыдущего вице-короля. Который сейчас арестован и ожидает суда.

— А вы-то, каким боком связаны с вице-королем. Мне Иван сказал, что вы раньше вообще министром финансов были в бывших тринадцати колониях.

— Это долгая история, но если вкратце, я женат на его племяннице и считаюсь его сторонником.

— А что вообще случилось?

— Старая власть в Новой Испании захотела пойти путем Новой Англии и получить независимость.

— Тогда понятно. А вы не боитесь, что вас могут тут попытаться арестовать?

— Кто? Да тут на обе Калифорнии, и на верхнюю, и на нижнюю, дай бог три сотни солдат если наберется и то уже хорошо. Вот сколько солдат в этом президио?

— Четверо, да и те ветераны. Мы когда тут появились, страху на них навели изрядно.

— Вот! А у меня одной только индейской пехоты почти двести человек да моряков еще пять сотен. Я при желании могу всю Калифорнию захватить, и никто мне ничего не сделает.

— С предложением мне понятно. Оно интересное и я передам его Баранову. А что насчёт просьбы?

— Дело в том, что у меня почти шестьсот греков, и все они православные. В Сент-Августине у них был священник, но он не захотел оставлять паству во Флориде и не пошёл с нами.

— Боюсь что и в Новоархангельске со священниками туго, но я узнаю. Но наши-то по-русски говорят, а у вас греки.

— Другого варианта для моих людей все равно нет.

— Хорошо, я постараюсь помочь.

— Отлично, как мы пойдем какой корабль и когда можно начинать погрузку, Иван Петрович вам тут же сообщит.

— Спасибо, мистер Гамильтон.

Я попрощался с Резановым и пошел в шатер, который Фултон делил с Лукой и еще двумя наиболее способными из моих инженеров.

Однако, как я мог перепутать даты? Мне почему-то казалось, что история с Резановым произошла на год раньше. Знал бы, может быть поторопился бы. Хотя и так неплохо получилось, мы же с ним в итоге встретились.

И это очень удачно, теперь мне не придется самому склонять на свою сторону руководство русской колонии на Аляске, у меня появился очень мощный сторонник, которому энергии не занимать.

Погруженный в мысли о Резанове я зашел в шатер, который оказался пуст. Интересно, где же Фултон и остальные мои самоделкины?

* * *

Все четверо оказались на одном из моих кораблей, а именно на «Флориде» и с

помощью полутора десятков рабочих занимались демонтажем машины. Как они будут снимать колеса, я даже не представлял. Но это и не мои заботы.

— Здравствуйте, Роберт, — поприветствовал я Фултона, когда поднялся на борт.

— Здравствуйте, мистер Гамильтон, как видите, мы убираем эту машину, на корабле она своё отработала.

— Задачу выполнила, и ладно, Скажите, а она совсем уже не годна ни на что?

— Ну почему? Я её приведу в порядок, и она еще послужит на берегу, может быть на лесопилке или еще где-то.

— Отличное предположение, и главное верное. Именно на лесопилку я ее и хочу поставить. Строительных материалов нам много понадобится, да и с местными досками торговать можно будет.

— И не только досками, столяров то у вас хватает, мебель тоже будет востребована.

— Вы читаете мои мысли Роберт. Попробуете угадать, о чем я сейчас думаю?

— Даже не буду пытаться, — засмеялся Фултон, — и о чем же.

— О том, что мне нужно чтобы вы срочно дали мне ответ на вопрос, какой из оставшихся трех кораблей наиболее пригоден к походу в полторы тысячи морских миль. Это в одну сторону.

— Если под парусами то любой, если нас паровом ходу, то никакой. Мне надо привезти в порядок машины.

— Ясно. А какой вы быстрее всего подготовите?

— Думаю что «Стеллу Марис», но надо осмотреть оба фрегата и флейт.

— Можете этим заняться прямо сейчас? Мне очень важно, чтобы хотя бы один корабль как можно скорее оказался на ходу.

— Конечно, — ответил Фултон и закричал куда-то вниз, где в трюме велись работы, — Лука! Лука! Заканчивайте там, у нас есть более срочное дело.

Через пару часов я получил ответ на свой вопрос. И наиболее быстро можно было привезти в порядок не фрегаты, а флейт этим Фултон с компанией и занялся.

Ну а я отправился к коменданту форта Сан-Франциско. Вокруг слишком много потенциальных смертников, надо с этим что-то решать.

С многоуважаемым Хосе Дарио Аргуэльо я встретился в главном здании Миссии Долорес, он что-то с увлечением объяснял местным жителям, одетым, при этом как вполне обычные крестьяне.

— Рад вас видеть, маркиз. Что привело вас ко мне?

— Взаимно, сеньор комендант. Мне нужна ваша помощь.

— Слушаю вас.

— Видите ли, мне очень нужно несколько десятков телят, я заплачу.

— Хотите заняться животноводством? Это похвально. Я распоряжусь.

— Отлично, спасибо. Но это не всё. Я хочу начать оспопрививание местного населения, как испанцев, так и коренных жителей.

— Оспо что?

— Оспопрививание, сеньор комендант.

— Никогда о подобном не слышал, — еще бы ты слышал, обитаясь на всяких задворках.

— А в письме от вице-короля ничего об этом не было?

— Ах да, точно, я просто как-то пропустил этот момент, — интересно он документы читает, но да ладно.

— То есть, это можно считать вашим согласием?

— Если вице-король об этом пишет, то да.

— Хорошо, сеньор комендант, значит завтра и приступим.

— Вы можете хоть объяснить что это и для чего? — делать нечего, пришлось просвещать что я буду делать.

Проблема принесенных извне вирусов стоит на западе континента так же остро, как и на востоке. Десятки, а то и сотни тысяч коренных жителей уже погибли и погибнут в будущем и если на востоке я еще могу надеяться, что примеру семинолов последуют другие, благо основам я их обучил, то тут, на западе, делать всё придется мне.

Хорошо хоть племена тут, в основном слабые, разрозненные и легко поддаются испанскому влиянию, если я займу место испанцев, то индейцы буду мои.

Телята мне, как и во Флориде нужны для создания оспенного стада и надо мне обсудить кое-что с моим заместителем по медицинской части.

Которым вот уже почти четыре месяца является мэтр Аменабар. Бывший личный врач моего тестя, маркиза де Кампо Аллегри, сам выразил желание пойти ко мне на службу. Как сказала мне Мария Мануэла, мэтр был поражен тем, как я спас её сначала после падения с лошади, а второй раз, проведя сложнейшую, для этого времени операцию, после попытки убийства.

После этих случаев мэтр Аменабар твердо уверен, что я величайший врач в истории, куда там Галену, Авиценну, Парацельсу и прочим. А уж когда он приехал во Флориду и я ему не только показал свои инструменты, но и провел подробную экскурсию по медицинской лаборатории, то всё.

Мэтр Аменабар стал моим с потрохами, если бы де Кампо Аллегри не отправил его ко мне, боюсь что, доктор за мной поплыл бы на шлюпке и всю дорогу до Калифорнии шел бы на веслах строго в кильватере «Стеллы Марис».

Этот жизнерадостный толстячок оказался настоящей находкой для меня. Хорошо подготовленный, находчивый, умный и в добавок, это очень редко встречается у людей нашей в профессии в это время, сострадательный. Мэтр Аменабар видел в больном не очередную загадку природы, которую он должен решить и утвердить свое превосходство, а живого человека, которого надо не только вылечить, но и пожалеть, если это необходимо.

— Сеньор Алехандро! Как я рад вас видеть! Чем могу быть полезен?

— Добрый день, мэтр. Завтра мы начинаем оспопрививание. Я только что от коменданта, и он дал добро.

— Чудесная новость. В этом деле никак нельзя медлить ни одной минуты!

— Я тоже так думаю мэтр. И у меня к вам поручение.

— Какое же? С радостью готов выполнить любое.

— Вы с помощниками должны будете провести тщательный медицинский осмотр абсолютно всех прибывших с нами людей и а потом и всех жителей Миссии Долорес и прочих окрестных поселений.

— И что я должен искать?

— Корь, мэтр Аменабар, вы будете искать малейшие признаки кори. Вы сами видели тот английский корабль охваченной эпидемией.

— Это да, маркиз! Я видел и в который раз поразился насколько вы..., — э нет, надо затыкать этот фонтан, мой восторженный поклонник может петь осанну часами.

— Мэтр, мэтр, мэтр. Я уже говорил, что не люблю этого.

— Прошу меня простить.

— Ничего страшного, с вашего позволения я продолжу. То, что я сделал на том корабле, вообще далеко не единственный и даже не основной метод борьбы с корью, сразу скажу, что говорю сейчас не о лечении одного конкретного больного, а борьбе с эпидемией.

— Думаю, вы говорите о карантинах.

— Да, но не только о них. Нельзя забывать о гигиене, санитарии и самое главное, о своевременном обнаружении очага заболевания. И это относится ко всем эпидемиям, без исключения. И сейчас есть вероятность того, что мы могли привезти корь с собой.

— Но ведь у нас никто не заболел.

— Болезнь может проявиться абсолютно внезапно. И давайте еще раз повторим симптомы, на которые вам нужно обратить внимание, — Я это не просто так говорю мэтру. Это с Резановым я мог ошибиться. Насчёт кори же я твердо уверен, в этом году будет, или уже началась эпидемия. Как на западе, так и на востоке.

— Сыпь, появляется сначала за ушами, а потом переходит на лицо, потом на шею и так далее... воспаление слизистых оболочек, и повышенная температура тела. Маркиз, это великолепно, что вы так много внимания уделяете температуре тела, и вы наверняка первый в этом, а уж эти термометры, которые вы изобрели. Это настоящее чудо техники!

— Мэтр! Я же просил вас! Буквально пять минут назад! И не в такой последовательности. Сначала повышение температуры, потом появление воспалений на внутренней поверхности щек, а только потом сыпь.

— И снова прошу меня извинить. Вы правы.

— Хорошо. Что делать в случае обнаружения заболевания вы знаете.

— Да, изоляция не только больного, но и всех кто с ним был в контакте, обильное теплое питье, с отваром цитрусовых, обработка спиртом всего, что было в контакте с больным.

— Верно. Сыворотку в случае необходимости я сделаю сам. И не забывайте про средства индивидуальной защиты. Маски, перчатки, фартуки.

— Да, да, маркиз я помню. У меня только один вопрос. Могу я его вам задать?

— Задавайте, конечно.

— А как мне быть с Марией Мануэлой? Мне её привлекать?

А вот это вопрос вопросов. Я люблю её и хочу, чтобы она была в безопасности, а опасность для неё есть. Мария Мануэла не болела корью и может заразиться, как и все остальные.

Но, к сожалению, или к счастью у моей красавицы жены настоящий талант, она будет очень хорошим врачом, одним из лучших в мире, сейчас я это вижу. Да еще к тому же она бесстрашная. Те события в Акапулько это хорошо показали.

Я могу ей запретить помогать мэтру Аменабару в обследовании вновь прибывших, и она подчинится. Но будет ли это правильно? Вопрос, вопрос.

* * *

— Ну что ж, Николай Петрович, припасы для Новоархангельска погружены, уголь мы на корабль погрузили, — правда, оставшиеся два остались без топлива, но тут уж ничего не поделаешь, — Плетнев вас с ветерком доставит до места.

— Надеюсь на это мистер Гамильтон. И мне интересно, обгонит ли ваша «Селия» мою «Юнону», шхуна то четыре дня назад ушла.

— Пари, Николай Петрович?

— Николая, не спорь, проиграешь, — кричит Иван Петрович, но Резанов азартен.

— Пари, мистер Гамильтон. Не верю я в ваши машины.

— И на что мы спорим?

— Давайте так, если выиграю я, то вы снаряжаете еще один такой же корабль с провизией, за свой счет.

— А если я?

— То тогда ваша «Селия» вернется сюда с грузом угля. Мы его добываем для отопления.

— Отлично! Идёт!

Мы пожали друг другу руки и Резанов с Плетневым сели в шлюпку, которая доставила их на борт «Селии»...

Подумав, мы всё-таки переиначили наш план. «Юнона» ушла к берегам Аляски груженная провиантом, «Селия» пошла как дополнение. Правда, когда флейт достигнет Новоархангельска, уже шхуна станет добавкой.

Всего на борт «Селии» мы погрузили следующее: две с половиной тысячи пудов пшеницы, пятьсот пудов ячменя, семьсот пудов бобовых и пять пудов еще неведомой для русского картошки. Учет велся именно в пудах, так русским было привычнее, мы же для них всё это грузили.

Если я правильно понимаю, всех этих запасов должно хватит Баранову и его людям как минимум на год. За который мы еще пару раз тудаходим. Я может быть, и сам как-нибудь прогуляюсь до Аляски, надо же воочию посмотреть, что к чему там.

Но это точно не дело ближайших шести месяцев. Сейчас, кроме вакцинации всех и вся от оспы, профилактики кори, есть еще кое-что нам нужно как можно скорее.

Возвести два, хотя бы деревянных форта, один на северном берегу, а другой на южном берегу пролива. В качестве вооружения будут использованы пушки с «Флориды», которую мы решили использовать как плавучий склад.

Эти форты должны обеспечить достаточно надёжную защиту залива от прорыва нежелательных гостей. Маловероятное, но все-таки возможное событие и мы должны быть к нему готовы. Фултон вернулся к демонтажу машину, и скоро у нас должна была появиться лесопилка. С её помощью строительство пойдёт быстрее.

К сожалению, этим планам было не суждено сбыться в намеченные сроки. Через три дня после ухода флейта, а именно седьмого июня тысяча восемьсот шестого года, у нас началась эпидемия кори. И одной из первых заболевших стала моя жена, Мария Мануэла.

Двадцать первое июня тысяча восемьсот шестого года, Миссия Долорес, Верхняя Калифорния.

— Доброе утро, дорогая.

— Доброе утро, ты опять всю ночь не спал?

— Что делать, больных много, а врачей наоборот всего трое. Ночью была моя смена.

— Еще и я тебя подвела.

— Чем же?

— Заболела.

— Не говори глупости. В этом нет твоей вины. Корью очень легко заразиться. А теперь пей, — я беру только что принесенный кувшин с отваром и наливаю целую кружку.

— Не хочу, надоел он мне, — Мария нарочито надула губки, получилось забавно, но мне не до смеха.

— Вот сейчас ты меня подводишь. Пей давай. Я уже говорил, сейчас тебе надо пить не меньше галлона жидкости, а лучше даже больше.

— А почему нельзя просто воды?

— И это я уже говорил. Это отвар из трав, который помогает тебе справиться с болезнью. Он не устраняет причину, но помогает бороться с симптомами.

— Эх, ну хорошо, давай сюда.

Не знаю, что там может не нравиться, вкус и запах вполне себе ничего, но у каждого свои предпочтения.

Мария Мануэла выпила большую кружку отвара, и я подал её тарелку с завтраком. Аппетит у неё появился, это хорошо, совсем скоро она поправится.

— Ты сейчас пойдёшь отдыхать? — спросила она, прежде чем приняться за еду.

— Конечно, я же не железный, — соврал я жене. Нет у меня времени для отдыха, совсем нет. Сотни людей от меня зависят.

* * *

Мэтр Абенамар, на наше счастье он, как и я переболел этой гадостью в детстве и имел иммунитет, приступил к выполнению моей просьбы и тут же выявил второй случай кори. Он думал, что это первый, но когда он пришёл с этой новостью ко мне, то узнал что это уже второй больной. Первым была Мария Мануэла.

Она проснулась посреди ночи от того что у неё жар, и нет бы сразу разбудить меня! Нет, она решила подождать утра, «ведь ты так устаёшь и я решила тебя не будить», зла не хватает! Странный и глупый поступок умной женщины, надеюсь, что в будущем этого больше не повторится.

Так или иначе, когда я проснулся, Мария сообщила что у нее температура. Я еще раз померил, да почти тридцать восемь,

— Открой рот, — так и есть пятна Бельского-Филатова-Коплика, хорошо различимые и не оставляющие сомнений. Это корь, — ты заразилась корью. Немедленно в постель, теперь

тебе нельзя с людьми контактировать, по меньшей мере, две недели.

— Что теперь будет?

— К сожалению, прямо сейчас у меня нет лекарства. Та сыворотка которой я пользовался на английском судне изготавливается из крови заболевших, но уже выздоравливающих людей, — сказал я имея ввиду свое подобие сыворотки Дегквица. Поэтому скорее, что я буду брать кровь у тебя, чтобы помочь другим, как бы ни ужасно это ни звучало, но это так. Других лекарств нет, но симптомы я постараюсь облегчить, ты только лежи.

Как только стало известно о первых случаях кори, я тут же запретил любые контакты с местными. Скорее всего было уже поздно, кто-то из моих людей точно заразил жителей Миссии Долорес, но это всё равно поможет в борьбе с распространением инфекции. Затем мы организовали карантин, изолировали больных и стали ждать обнаружения новых случаев.

Которые постоянно выявлялись, и к концу третьего дня у нас на карантине находилось почти пятьдесят человек, а еще через два дня четыреста. На этом, впрочем, распространение инфекции остановилось, сработали вовремя организованные карантинные мероприятия.

Конечно, ни о какой работе по плану говорить не приходилось, сначала надо справиться с эпидемией, а потом уже строить, развивать и создавать.

Чем еще, помимо сыворотки можно помочь больным корью сейчас, когда нет ибупрофена, парацетамола, аспирина и прочих достижений цивилизации? Только одной вещью, вернее двумя, но они связаны.

Обильное теплое питье, при том не просто питье а отвар растений содержащих салицилаты плюс отвар цитрусовых. Второе мы изготовили очень быстро, в Миссии Долорес были хорошие фруктовые сады. С моря дул достаточно сильный ветер и для защиты от него построили стены за которыми росли и апельсины и лимоны, то что нужно сейчас.

Да, с цитрусовыми проблем не было а вот с природными заменителями аспирина пришлось повозиться, прежде чем их изготовить. Я вообще, сначала сомневался что удастся хоть что-то сделать, но природа Калифорнии мне очень сильно помогла.

Отвар у нас получился трехкомпонентный: кора калифорнийского родственника осины, местная ромашка и побеги салмонберри, ягодного кустарника из того же семейства что и обычная малина. Это варево мы готовили буквально тысячами литров, каждый день пока шла эпидемия. Пришлось организовывать целые заготовительные экспедиции по местным лесам, что бы обеспечить нужное количество ингредиентов.

Мария Мануэла болела очень тяжело, пару дней температура держалась больше тридцати девяти градусов. И как бы мне не хотелось, я не мог всё время находиться у ее постели, слишком много людей нуждались в помощи, поэтому спал я по два-три часа в день. Впрочем, она справилась и пошла на поправку. И стала капризничать. Но это очень хорошо, значит всё в порядке.

Мы справились, вспышка эпидемии была потушена, карантин и сыворотка Дегквица сработали великолепно. Правда, не обошлось и без потерь, два взрослых и один ребенок вот какую цену мы заплатили. Вполне в пределах статистики двадцать первого века и фантастически мало для века девятнадцатого где от этой напасти люди гибли тысячами.

Особенно большие потери от эпидемий кори несли индейцы, не имевшие никакого представления что это такое и как с этим бороться. Да и не могли они ничего сделать, по большому счету. Единственной действенной мерой является карантин а его организация невозможна без государства. Которого у коренных жителей Северной Америки не было.

Вернуться к выполнению намеченных планов по строительству поселения на южном берегу пролива, рядом с Миссией Долорес, мы смогли только в начале августа.

* * *

Первое сентября тысяча восемьсот шестого года.

— А не плохо работает, Роберт! — пытаюсь перекрычить визг циркулярных пил, сказал я Фултону.

— Да, мистер Гамильтон, производительность выросла в двенадцать раз, только успевай дерево подвозить.

— Прекрасно, просто прекрасно! Огромное вам спасибо. И зайдите ко мне вечером. Есть разговор.

Ну хоть что-то идет по плану. Фултон как всегда меня радует. Он демонтировал-таки машину «Флориды» и, проведя ее тех. обслуживание, установил на лесопилку. Теперь она работает круглые сутки и пилит, пилит, пилит.

Строительства форта на южном берегу пролива идет полным ходом. Думаю, что к концу сентября мы закончим и сразу приступим к сооружению такого же на северном берегу.

Параллельно с этим строится и наш поселок. В центре поставим школу, именно она станет центром притяжения всего поселения, рядом две церкви, католическая и православная для моих греков, больница и многофункциональное здание. В нем планируется мэрия, большой зал для собраний и банк. Раз уж мы в Калифорнии то не надо забывать о наиболее ценном с точки зрения людей этого времени ресурсе, о золоте.

Золота тут много и примерно понятно, где его искать. Но прежде чем заняться его добычей, мне необходимо поставить под контроль местные испанские миссии. Вот почему мы сразу не пошли вглубь залива, а остановились тут, в Миссии Долорес.

Да, поселок классической радиальной планировки, с четко обозначенным центром и кварталами, составленными из двухэтажных многоквартирных домов. Удобства и кухни будут пока на улице, во дворах, если быть точнее, но дома мы строим с расчетом их модернизации. Для руководителей поселка строились отдельные дома, А для меня отдельная усадьба.

Кроме того, станки нашего универсального производства уже стоят на своих местах, стены завода построены и подводится крыша, машины тоже сейчас собираются, мы привезли их из Флориды, они намного менее мощные, чем та, которая работает на лесопилке.

Работать эти машины будут на том же топливе, которое мы используем на лесопилке и которое кидаем в топки наших пароходов. А именно на угле, который привез мой флейт.

Да, Иван Петрович неделю как вернулся из Новоархангельска и «Селия» была нагружена углём. Конечно, он легко догнал и обогнал «Юнону», придя на неделю раньше и Резанову пришлось выполнить условия нашего с ним спора. Впрочем. он не шибко-то и расстроился. Все таки цена продовольствия, которое привезла «Селия», намного превышала его расходы связанные с углем.

Вообще, Резанов явно какие-то планы строит в отношении меня, в Россию он даже не собирается, пока, во всяком случае, и все время проводит то в Миссии Долорес, то возле меня или в нашем поселке.

А я сижу над картой и думаю, пытаюсь понять что и как мне производить и где мне взять для этого ресурсы.

Первым пунктом нашей программы идёт оружие. Пушки, винтовки и пистолеты с так до сих пор не придуманными револьверами. Для его производства нужно железо. Месторождений поблизости нет, ближайшее рядом с озером Тахо. Туда пока не попасть, да и как его найти быстро?

Но есть вариант с болотным железом. Вопрос только есть ли оно в Калифорнии, по идее должно быть, но тут надо уточнять у местных. Качество, если оно есть, будет так себе, абсолютно не знаю, какой из болотного железа получится чугун и сталь, но это лучше чем ничего.

А значит надо договариваться с местными, чтобы они его искали и доставляли. Чем больше, тем лучше.

Вообще, железо это основное, без него в принципе ничего не произведешь, будь у тебя хоть десять заводов.

С углем, вопрос решили, русские на Аляске будут нам его добывать. Плетнев уже отправился обратно, за второй партией. Угля нам нужно много.

Дальше: оружие без боеприпасов ничего не значит. Нужны патроны, снаряды и взрывчатые вещества.

Ядра будем отливать чугунные, пули стальные, свинца все равно у нас нет. И кстати можно будет перейти на пули нормальной формы, не вечно же круглыми пользоваться. Дальность опять же повысим.

Теперь о порохе и взрывчатых веществах.

Черный порох, казалось бы, самое простое решение, но я его не хочу. Что бы его производить, нужны сера, селитра и древесный уголь. Всё это можно найти, или в случае с древесным углем произвести. Но если у нас будет сера и селитра, то это значит что и серная с азотной кислотой у нас тоже будут.

А раз так, то логичнее сразу посмотреть на уровень выше и задуматься о нитроцеллюлозе, то есть о бездымном порохе.

Ведь что это такое, бездымный порох? Это одна из разновидностей нитроцеллюлозы. А для её производства нужна целлюлоза, серная и азотная кислота

Целлюлозу мы можем уже производить, благо ничего сложного там нет. Всего лишь сварить деревянную щепу в щелоке. Который производится из древесной же золы. Технология не то, что простая. Примитивная.

Парадоксально, но получение азотной кислоты уже налажено. В миссии Долорес я обнаружил несколько достаточно больших селитряниц. Испанцы тут делают селитру и используют её в качестве удобрений. Надо будет выяснить, какой светлой голове принадлежала эта идея и чемнибудь наградить этого человека.

Остается только решить вопрос с серной кислотой. Но я точно знаю, где её найти.

Во время моего последнего отпуска, закончившегося переносом сюда, я побывал в Калифорнии. Это был не первый визит в золотой штат, но именно этот я посвятил тому, что покатался по районам, ранее охваченным золотой лихорадкой. И на одной из экскурсий мне рассказали историю как в городке Сонома, нашли «золото», которое оказалось таким бесполезным для старателей, но бесценным для меня пиритом. Который ни что иное как серный колчедан. Это место не далеко, буквально день пути.

Конечно, никакого города там пока нет, но я точно знаю, что сейчас там должна быть

стоянка одного из местных индейских племен.

Так что, если разобраться, у меня есть всё необходимое для получения не только бездымного пороха, но и взрывчатки на его основе, например баллистита.

Хорошие у меня всё-таки были преподаватели и в школе и военном училище, вложили в меня не только знания, но любовь к военной истории, в том числе к истории изобретения пороха. Без этого я бы ничего не мог сделать.

А так, надо дать определенные распоряжения моим замам, собрать команду и вперед, на поиски нужных мне минералов.

Но сначала, разговор с комендантом.

* * *

— Сеньор комендант, вы же фактически сейчас руководите местными, я имею в виду индейцев олони?

— Фактически да, почти все из живущих индейцев здесь, приняли святое крещение и подчиняются руководству миссии, которое во всем прислушивается ко мне. Правда, из-за болезней и голода их численность сокращается, но что я могу с этим поделать, — хотя бы кормить, испанский козел, у самого амбары от зерна лопаются, а индейцы пухнут с голоду.

— Ясно, у меня к вам деловое предложение.

— Какое же?

— Видите ли, я планирую здесь организовать производство очень большого количества разнообразных товаров. Для этого мне нужны люди которые будут на меня работать. Вот я и хочу, чтобы этими людьми стали индейцы.

— А своих вам не хватит?

— Боюсь что нет. Да и есть много того, что мои люди просто не смогут.

— Например?

— Мне нужна железная руда. Я не знаю есть ли тут она, но предполагаю что должна быть. Тут же есть болота, правильно?

— Да, как не быть. По берегам реки Сан Хоакин есть болота, — Почему Сан Хоакин? А что насчет реки Сакраменто? Ах, ну да, ее, наверное, еще не открыли. Видимо буду первооткрывателем.

— Вот и отлично. Там и надо искать железо. А как, мой человек объяснит.

— Какой именно?

— Барри, мой камердинер. Он работал с болотной рудой в Новой Англии и знает что к чему. Не думаю что здесь будет как-то по-другому.

— Объяснять бесполезно, лучше будет, если он сам отправится туда и посмотрит всё на месте.

— Можно и так. Почему нет. А насчёт голода и болезней, я готов платить вам за то, чтобы вы кормили как следует моих будущих работников. С болезнями я тоже справлюсь. Вы сами видели, как мы победили эпидемию кори.

— Да, это было очень эффективно.

— Вот видите, а оспу мы вообще задавим.

— Хорошо, вы меня уговорили. Сколько вы планируете платить?

Действительно козёл. Я буду покупать у него провизию для людей, которые

подчиняются ему и эту самую провизию производят. Может ну его, устроить что ли тут военный переворот и объявить о независимости Калифорнии, тем более что я в любом случае планирую подмять тут всё под себя.

Хотя нет, рано пока. Чуть попозже, когда всё завертится и самое главное, когда меня местные полюбят. Пока же я для них никто.

Мы не стали откладывать дело в долгий ящик, комендант получил увесистый кошелёк с золотом, надеюсь, что теперь проблема голода среди местного населения будет стоять несколько менее остро. Вакцинация от оспы тоже ускорила.

И действительно, индейское население Миссии Долорес стало питаться намного лучше, и кроме того резко повысился мой авторитет среди них. Настолько повысился, что когда среди них вспыхнула эпидемия кори олони беспрекословно выполняли все мои распоряжения касательно карантина и всего остального.

К концу сентября мы, наконец, достроили церковь имени святого Христофора, в которой начал служить духовник моей жены. Это очень повлияло на святых отцов из Миссии Долорес и они всё чаще стали обращаться напрямую ко мне, минуя коменданта. Ему это очевидно не нравилось, но поделаться он ничего не мог.

Вообще ему не позавидуешь, сначала Резанов тут все под себя подмял и крутил им как хотел. Теперь вообще я с двумя сотнями солдат, обидно должно быть. Но мне его обиды до лампочки. Пусть спасибо скажет за деньги и молчит в тряпочку.

В начале октября из Новоархангельска вернулся Плетнев с еще одним грузом угля и первыми русскими переселенцами с Аляски. Это послужило знаком того, что пора мне уже отправлять экспедицию на восточный берег залива. Искать железо и место для будущего форта Росс.

Интерлюдия 2

Первое сентября тысяча восемьсот шестого года. Флорида, недалеко от Сент-Августина.

- Приветствую тебя, Аахйя, вождь народа семинолов.
- Приветствую, Текумсе, вождь народа шауни. Зачем ты здесь?
- Красные мундиры воюют с синими. И нам нужно решать что делать дальше.
- Но ты и так союзник англичан, ты уже выбрал сторону.
- Этого мало, США слишком сильны. Англичане не победят, если на их стороне будут только племена великих озер.

* * *

После провокации устроенной Гамильтоном на Ямайке в британской колониальной администрации произошел раскол. С одной стороны там было достаточно здравомыслящих людей, которые понимали, что США не причастны к тем событиям и сейчас не время для попытки реванша за поражение двадцатилетней давности.

С другой стороны имелись и ястребы, призывавшие к немедленному объявлению войны, морским бомбардировкам американских городов и наступлению на Вашингтон.

В итоге сначала был принят компромиссный вариант и первого марта, одновременно с началом путешествия Гамильтона английские эскадры, базировавшиеся на Карибских островах и в Канаде вышли в море. Их целью было прекращение американского судоходства и установлению блокады над американскими портами.

При этом к блокаде побережья США смогла приступить только канадская эскадра из четырех фрегатов. Карибская же была начисто разгромлена возле Барбадоса неизвестными кораблями американцев.

В ответ на это четырнадцатого марта президент Джефферсон на заседании конгресса объявил что «топор английского дровосека снова занесен над древом американской свободы и надо приложить все усилия, чтобы не дать сторонникам диктатуры победить».

Уже через неделю, в сторону Йорка (Торонто), столицы британской провинции Верхняя Канада, выступил большой отряд из почти двух тысяч пехоты и тысячи драгунов под командованием вернувшегося на военную службу генерала Хамптона. Это были практически все наличные силы американцев на тот период. Предполагалось, что этот отряд сможет, выйдя из Нью-Йорка обойти озеро Онтарио с севера и выйти к Йорку.

Одновременно с этим американское правительство объявило экстраординарный сбор добровольцев в бывших тринадцати колониях и в недавно присоединенной территории Луизиана. В последней, формирование большого отряда было поручено губернатору, а теперь еще и генералу Уилкинсону, заочному врагу Александра Гамильтона.

Отряд генерала Хамптона был наголову разгромлен двадцатого апреля возле городка Кингстон. При этом американцы имели численное преимущество. Им противостояли всего около двух тысяч англичан под руководством полковника Айзека Брока. Но оказалось и лучшая подготовка английских солдат и то, что полковник Брок был лучшим

военачальником, чем Хамптон.

Его полк, набранный еще в Англии, ударил точно в центр американских позиций и опрокинул стоящую там бригаду территориальной милиции. Ополченцы не выдержали и побежали. Спустя каких-то пятнадцать минут их примеру последовали и остальные американские части.

Во время боя и последовавшего за ним преследования, было убито почти полторы тысячи американцев, а тысяча взята в плен. В Нью-Йорк вернулось не более пяти сотен человек.

Больше боеспособных наличных сил у правительства США не было, оставалось ждать пока будут сформированы новые добровольные полки и бригады.

У британцев, впрочем, дела тоже были не сильно лучше. Отряд полковника Брока, названного «Спасителем Канады» хоть и разгромил американцев, но был потрепан и ему требовалось пополнение.

Таким образом, к первому мая противники не могли вести никаких наступательных действий и начали активные переговоры с индейцами, британцы с конфедерацией Текумсе, а американцы с «пятью цивилизованными племенами».

Британцы могли сказать, что у них всё получилось. Текумсе сходу принял их предложение и его воины, коих поначалу было не очень много, всего около трех тысяч, принялись нападать на американских колонистов на территории Иллинойса и Мичигана. Не то чтобы этот индейский вождь был большим поклонником британской колониальной империи, вовсе нет, просто Текумсе справедливо считал британцев меньшим злом по сравнению с США.

А вот у американцев дело с коренными жителями континента не заладилось. У них был преданный сторонник среди индейцев, вождь племени чокто Пуштамаха, он выступал за всемерную поддержку Вашингтона. Но неожиданно для себя Пуштамаха обнаружил, что семинолы, а вслед за ними и крики с чероки заявили о своем нейтралитете.

Всё лето обе стороны судорожно наращивали свои силы, американцы довели численность армии до десяти тысяч, а англичане до пяти. Конгресс утвердил командующего армией, им стал вновь возобновивший службу генерал Халл и американцы уже собрались снова выступить на Йорк, но пришла шокирующая новость.

Текумсе взял Детройт. А вслед за ним и еще несколько фортов, что лишило противника контроля над западными озерами.

Наступление на Йорк пришлось отложить, и американцы выступили к Детройту. Это позволило полковнику Броку захватить форт Ниагара и Огденсбург, что существенно укрепило позиции англичан.

Детройт был передан англичанам, воины Текумсе отошли и рассеялись по окрестным лесам, а сам он отправился в во Флориду, к семинолам, верховный вождь которых в очень резкой манере отказал Пуштамахе.

* * *

— Значит, ты считаешь что англичане не победят американцев? — спросил Ахайя.

— Я в этом уверен, они более умелые воины, а их предводитель, полковник Брок, намного лучше руководит, чем все командиры американцев, но силы слишком не равны.

У англичан могут быть небольшие успехи, особенно с нашей помощью, но рано или поздно эта война закончится в пользу американцев.

— Ты думаешь, они захватят земли англичан?

— Нет, но и англичане не добьются успеха.

— Так в чем же дело?

— Это плохо для нас, американцы продолжают давить на племена возле озер, и нам придётся уйти со своей земли. А потом заставят и вас. Особенно после того как вы отказали Пушгамахе.

— Я понял, а теперь мне нужна тишина, чтобы подумать.

Ахайя молча смотрел на огонь через клубы дыма и думал, вернее вспоминал.

Именно это говорил ему Белый Дух: «настанет время и вас заставят уйти со своей земли, часть из вас уйдет на болота, а часть на северо-запад, где многие погибнут». Вот какие слова говорил отец его внука, прежде чем отправиться на запад.

Именно из-за этих слов Ахайя отказал Пушгамахе и не послал своих воинов на помощь синим мундирам. А теперь перед ним сидит этот воин с севера и говорит то же самое.

— Ты так уверен в своих воинах, что оставил их без вождя? — Ахайя решил сменить тему чтобы немного потянуть время и посмотреть на Текумсе.

— Да, и полковник Брок знает об этом. Мои воины без меня займутся и уже занимаются мелкими поселениями американцев, нигде, особо не задерживаясь и не подставляя себя под удары. Когда я вернусь, неважно с каким ответом, мы снова соберемся для битв с американцами.

— Понятно. Вот тебе мой ответ. Ты не первый, кто говорил мне об опасности которую несут американцы, если бы эти слова я услышал бы только от тебя, ни один мой воин не сдвинулся бы с места. Но тому человеку я верю, тем более, что я ему очень обязан. Поэтому я, Ахайя, говорю сейчас от лица всех семинолов. И мой ответ такой: я встану рядом с тобой Текумсе.

— Рад это слышать Ахайя, вождь семинолов. Сколько у тебя воинов?

— Под моей рукой десять сотен хорошо вооружённых воинов, — начал Ахайя. — Мы все вооружены ружьями и пистолетами. Еще двадцать сотен придут по моему зову в течении месяца.

Как только мои воины соберутся вместе, мы выступим на Новый Орлеан. Можешь возвратиться к своим озерам и передать этому Броку, что его враги не получают помощи с юга.

Вожди говорили еще несколько часов и уже прощаясь, Текумсе спросил кое-что.

— Ахайя, у тебя странное оружие. Я такого никогда не видел. Что не так с твоим ружьем?

— Ты и не мог видеть ничего подобного, Текумсе. Пойдем, я покажу.

Два вождя встали и направились за пределы деревни, Ахайя снял с плеча винтовку, зарядил ей и резко вскинув, выстрелил, затем он перезарядил и выстрелил еще раз, а потом еще.

— Поразительно! Как быстро и точно она стреляет! Откуда она у тебя? Ни у американцев, ни у англичан я не видел ничего подобного.

— А такого оружия и нет ни у кого. Его придумал отец моего внука. Этими ружьями и пистолетами вооружены только его и мои воины.

— И где же он сам?

— Отправился на больших кораблях на запад. Если наши боги и его белый Бог были к нему благосклонны, то он уже достиг цели своего путешествия. И именно он, Белый Дух, и говорил мне точно такие же слова. Поэтому я и присоединюсь к твоей войне.

— Белый Дух? Его имя звучит как имя шамана.

— Он и есть шаман. И воин, и лекарь. Когда начался великий мор, мой народ не пострадал, потому что Белый Дух научил нас как бороться с заразой. С двумя заразами, он называет их оспа и корь. Теперь они не страшны моему народу.

— И как же защититься от этих болезней?

— Я научу тебя, также как он научил меня.

На следующий день Текумсе покинул деревню Ахайи. Он получил поистине драгоценные дары. За плечом у вождя индейцев шауни висела винтовка Крнка, за пояс заткнуты сразу два пистолета, а один из воинов вел на веревке другой подарок, оспенного теленка. И еще неизвестно, что ценнее: союз между семинолами и шуани или этот теленок.

* * *

— Отец, ты уходишь? — Селия закончила кормить грудью младенца Александра и с тревогой смотрела на отца.

— Да, дочь моя. Ухожу, и не только я, но и пять сотен моих лучших воинов.

— Что случилось?

— То о чем говорил Белый Дух. Война. Я разослал гонцов всем вождям семинолов, скоро здесь будут все воины, которые только могут прийти на мой зов.

— А куда ты уходишь?

— Пока войны собираются, я не буду ждать и схожу к Новому Орлеану. Сам посмотрю на город этого Уилкинсона. Ты же помнишь в чей дом тебя привезли после похищения.

— Ты собираешься мстить? Но зачем? Белый Дух тогда сделал всё что нужно.

— Нет не собираюсь. Я собираюсь сделать так чтобы вокруг этого города под ногами американцев горела земля. А когда я это сделаю, Уилкинсон попросит помощи с севера, и она будет предоставлена. Это поможет Текумсе и англичанам.

— А если этой помощи не будет?

— Тогда я захвачу Новый Орлеан. Но мне надо чтобы эта помощь была.

— А что ты сделаешь когда с севера придут американцы? Уедешь?

— Нет, когда они придут воины, которых я призвал, уже будут со мной. Мы разгромим американцев и всё равно захватим Новый Орлеан.

— Отец, пообещай мне, что не будешь устраивать резню в городе. Если ты это сделаешь, то мы станем врагами для всех белых. Не только для американцев.

— Я и не собирался.

* * *

Десятое сентября тысяча восемьсот шестого года. Нью-Йорк. Соединенные Штаты Америки.

— Проходите, мистер Милкович, я же правильно произнес вашу фамилию?

— Да, все верно, мистер Байард, Стефан Милкович. К вашим услугам.

— Мне сказали, что у вас письмо от Гамильтона?

— Да, к сожалению, мне удалось до вас добраться только сейчас, хотя мистер Гамильтон поручил мне передать его вам еще в марте. Эта война с англичанами очень не вовремя.

— Войны всегда не вовремя, мистер Милкович. Если вы не возражает, я бы хотел ознакомиться с содержанием письма.

— Конечно, конечно. Вот оно, — Байард надел пенсне и погрузился в чтение.

«Как интересно. Александр боится, что Джефферсон может причинить вред его семье или как минимум попыбует использовать их как рычаг давления на него. В принципе, это вполне логично. Другое дело что, со слов этого Милковича Александр отправился аж Калифорнию, пока об этом узнают в администрации президента, пока сообразят что с него требовать, помимо возвращения домой, пройдет время. Которое я использую с пользой, тем более что на счету у Гамильтона сто тысяч, этого вполне должно хватить» — такие мысли были у Байарда, когда он закончил чтение.

— Спасибо, мистер Милкович. Это очень важное письмо. Насчет вас тут особенно ничего нет, просто просьба выписать вам чек. Чем планируете заняться?

— Пока не знаю. Но я бы хотел в будущем продолжить работать на мистера Гамильтона.

— Тогда у меня для вас есть предложение. Вы знаете что в письме?

— Да, конечно, мистер Гамильтон на словах передал мне суть.

— Вообще хорошо, Я хочу предложить вам сопровождать детей Гамильтона в Европу. Судя по выправке, вы бывший военный?

— Да, я служил уланом у австрийского кайзера.

— Очень интересно, а как же вы попали во Флориду?

— Попал в плен к туркам, стал гребцом на галере, а потом меня освободили испанцы. Домой вернуться из Кадиса было трудно, нанялся на корабль и оказался о Флориде.

— И в итоге работаете на Гамильтона.

— Да.

— Давайте поступим так, мне нужно пару дней, может быть неделя, чтобы кое-что устроить. Поживите пока у меня. Идёт? Отлично, такой человек как вы будет дополнительной гарантией для детей.

— Конечно.

Выполнить просьбу Гамильтона оказалось не так-то просто. Нью-Йорк блокирован с моря англичанами, они не пропускают в него иностранные корабли и топят американские. Но способ отправить детей Гамильтона в Европу все-же нашёлся.

Помог, как обычно, осёл груженный золотом. Байард обратился за помощью к нескольким своим знакомым и те свели его с контрабандистами, которые по прежнему вели определенный бизнес с Верхней Канадой. Это у государств война, а нужные люди все равно крутят свои дела. Просто теперь это стало стоить несколько дороже.

На то чтобы всё устроить Байард потратил почти десять тысяч и две недели. Двадцать четвертого сентября его разговор со Стефаном продолжился.

— Сегодня ночью из Нью-Джерси отходит судно в Квебек. Я договорился с его капитаном и он отвезет семью Гамильтона туда, вы поедете с ними в качестве слуги и охранника.

— Простите, сэр. Я не понимаю, зачем нам Квебек. Мистер Гамильтон говорил про Европу.

— В Европу отсюда вы сейчас просто не попадёте из-за тех же англичан. А так я договорился с людьми, имеющими связи в Квебеке и вам помогут сесть на корабль до британской метрополии, Лондон или Глазго, не важно.

— А потом?

— А потом вы уж извините, но вам нужно будет самому как-то добираться до Норвегии. Скорее всего, наймете судно. Лучше это будет сделать в Глазго.

— Мистер Гамильтон упоминал не только о своих детях, но и о дочери Аарона Берра.

— К моему глубокому сожалению, бедняжка Феодосия погибла в начале сентября. Англичане бомбили город и разрушили её дом. Не выжил никто.

— Как это ужасно, мистер Гамильтон хотел позаботиться и о ней.

— Да, в письме об этом говорится. Но всё в руках Господа.

— Пожалуй, вы правы мистер Байард.

На самом деле, Гамильтон, стал причиной гибели и Берра и его дочери. Если бы не его действия на Ямайке, Феодосия осталась бы жива. Но ни Байард, ни Милкович об этом не знали. Да и сам Гамильтон получил об этом информацию значительно позднее.

Ночью Стефан с семьей Гамильтона погрузился на крошечную шхуну самого подозрительного вида и они поплыли в Квебек. Там они подождали корабль идущий в Глазго и в декабре тысяча восемьсот шестого года прибыли в Шотландию.

Как оказалось, это было сделано крайне вовремя. В октябре англичане совершили еще несколько серьезных бомбардировок прибрежных американских городов и даже высадили два крупных десанта, на Лонг-Айленде и возле Балтимора. При этом метрополия не прислала ни одного солдата для осуществления этого десанта, и он был организован силами флота.

Серьезных успехов десанты не добились, если не считать сожжения под Балтимором двух десятков канонерских лодок американцев, армия генерала Халла вернулась на полпути из Мичигана и рассредоточилась по гарнизонам из-за страха перед новыми десантами. На этом кампания тысяча восемьсот шестого года на севере была окончена.

На юге же Ахайя устроил, несмотря на обещание дочери, настоящий террор в предместьях Нового Орлеана. Как потом говорили, несколько тысяч американских колонистов были убиты или изгнаны из своих домов. Губернатор Уилкинсон лихорадочно слал гонцов на север, но ответ смог получить только в следующем тысяча восемьсот седьмом году.

Десятое октября тысяча восемьсот шестого года. Монтеррей. Верхняя Калифорния.

— Маркиз, наконец-то мы встретились! Если бы не обстоятельства, я бы счел, что вы проявляете неуважение к официальной власти в Верхней Калифорнии.

— И снова я прошу меня простить сеньор губернатор. Эта эпидемия совсем меня выбила из колеи, а потом еще и вы снова слегли...

Да, с губернатором Верней Калифорнии, сеньором Жозе де Ариллаго я встретился только сейчас. Спустя четыре с лишним месяца после прибытия сюда. Чудовищно поздно, но что тут поделать. Очередная моя ошибка. Я, вообще сделал их уже непозволительно много, но я всего лишь человек.

Зато, прибыли мы в Монтеррей с шиком. Не просто верхом, а в карете. Спасибо Николаю Петровичу, намекнул, что его потенциальный тесть ну очень будет рад какому-нибудь экипажу, ноги-то у него уже не те. А так как лесопилка наша работает без перебоев то построили мы не одну карету, а сразу три. Одну для коменданта форта Сан-Франциско, другую для господина губернатора обеих Калифорний, а третью мне. Нам считай расходов никаких, а политических очков мы заработали.

Монтеррей, прямо сказать впечатления на меня не произвел. Миссия Долорес уже смотрится намного солидней, и перспективы у неё намного лучше. А тут, деревня деревней, но с претензиями, резиденция губернатора очень даже ничего. Но это понятно, себя, то родимого как обделишь.

В Монтеррей отправилась большая и очень представительная делегация. Я, маркиз Алехандро де Каса Альмендарес, моя жена Мария Мануэла, сеньор комендант и его очаровательная дочь, донна Мария де ла Консепсьон Марселла Аргуэльо, которую все, в том числе и я с Марией Мануэлой именовали исключительно Кончитой. Русских офицеров, ни Плетнева, ни Резанова мы с собой не взяли, хотя Николай Петрович очень хотел засвидетельствовать свое почтение господину губернатору. Но мне они как раз были не нужны.

Когда Резанов прибыл в Калифорнию за припасами для Новоархангельска испанцы, фактически уступили перед лицом превосходящих военных сил, как-никак у Испании с Российской Империей война. И сейчас мне очень хотелось переговорить с губернатором без русских, понять, что теперь испанцы планируют делать, и на что они меня будут толкать.

Силища то пришла невероятная по меркам колоний. Шутка ли четыре корабля, почти две сотни пушек и больше тысячи человек. Вполне допускаю, что меня будут активно уговаривать вообще провести военную операцию против русских.

Этого делать я, конечно же, не буду. Не для того мы привезли полтора десятка русских переселенцев и дюжину крещеных алеутов с Аляски, да не просто так, а во главе с иеромонахом Нектарием.

Этот, по другому не скажешь, мощный старец уже три года возглавлял русскую православную миссию на острове Кадьяк. Климат Аляски ему в силу возраста не подходил совершенно, но он с упорством нес свет православной веры местным аборигенам.

Как сказал мне Резанов, Нектарий в штыки встретил его предложение отправиться с

ним в Калифорнию. На слова, что мол «климат в Заливе Сан-Франциско очень благоприятный и вам, отче, будет намного лучше» Нектарий отвечал, что служение здесь это его Дело. Именно так с большой буквы Дело! Согласился он, только когда Резанов рассказал, что там шесть сотен православных душ нуждаются в окормлении.

Вот с этого и надо было ему начинать. Кроме Нектария в миссии были и другие монахи, но латынь и греческий знал только он. Так что теперь прямо в центре моего поселка появился высоченный и сухой как палка старец, под черным клобуком.

И как мне кажется, в Нектарии еще и нотка соперничества есть. По другому просто никак не объяснить тот факт что, едва прибыв в Миссию Долорес и оглядевшись, он сходу вступил в теологический спор не только с отцом Филиппом, духовником Марии Мануэлы, но и монахами католической миссии. Обе мои ипостаси и Гамильтон и Нестеров были достаточно сильно далеки от религии, поэтому я сходу не смог определить, кто там победил. Но выглядели спорщики очень решительно и до, и после этого диспута. Видимо он не последний.

Но это дела прошлые, а сейчас мы на торжественном приеме в мою честь. Все ключевые персоны Монтеррея здесь: три испанских офицера, губернатор и настоятель местной церкви, отец Крестобаль.

— Маркиз, — губернатор де Ариллаго привлек внимание всех собравшихся, — вы, наконец, здесь и это значит, что пришло время обсудить кое-что по-настоящему важное.

— Слушаю вас, сеньор губернатор, — ну давай, агитируй меня в красную армию.

— Вы наверняка знаете в каком положении оказалась Миссия Долорес после того как там появились русские во главе с этим Резановым. И хотя у его христианнейшего величества война с русским императором, мы были вынуждены, уступить грубой силе.

— И что вы хотите от меня, сеньор губернатор?

— Вы как подданный Карла Четвертого просто обязаны приложить все усилия и оградить нас от этих русских. Я даже больше скажу, ваши фрегаты должны уничтожить Новоархангельск!

— Вынужден вас разочаровать, я более не считаю себя подданным Карла Четвертого.

Если бы я прилюдно признался в содомском грехе, эффект и то был бы меньше. В зале воцарилось гробовое молчание и я буквально слышал как губернатор думает.

— Что это значит, маркиз, — голос губернатора предательски дрогнул, и он перешёл на фальцет, — потрудитесь объяснить!

— Вы меня простите, ваш Монтеррей это задворки цивилизации, но и сюда наверняка должны были уже дойти новости о том, что произошло в Акапулько, — надо брать быка за рога, все равно эта тема всплывет.

— Я знаю только то что там был мятеж против нового вице-короля и город до сих пор под контролем мятежников.

— Прошу прощения сеньор де Аррилаго, но прекратите юлить! — взял слово сеньор Де Карраско, военный комендант Монтеррея, — все здесь присутствующие прекрасно знают что маркиз де Каса Альмендарес был одним из предводителей этих бунтовщиков, а его фрегаты и дикари разгромили город!

Все да не все, прекрасная Кончита смотрит на меня таким глазами, как будто разверзлась преисподняя и перед ней сам дьявол.

— Ну что вы, сеньор де Карраско, прям так и разгромили. Они всего лишь навели порядок. Видите ли, когда по зданию, где находятся женщины и дети стреляет артиллерия, я

реагирую очень нервно. Особенно учитывая, что внутри были мои люди! А то, что в процессе наведения порядка погибло какое-то количество солдат нового вице-короля, так что я могу с этим поделаться? Не мы начали стрелять первыми.

— То есть, вы признаетесь в мятеже? Перед нами, верными слугами его величества!

— Ха! Пожалуй, что и так! Но что с того? Простите за прямоту, сеньоры, но вы против меня как маленький ребенок против гвардейца Бонапарта.

— Это неслыханно, маркиз! Вы же дворянин! — воскликнул заместитель де Карраско, обладатель очередного сложносочиненного имени и фамилии.

— И что с того? Вы тоже дворянин. Что вам мешает прямо сейчас вызвать меня на дуэль? Только учтите, выбор оружия будет за мной.

— Но это же измена! — фальцет губернатора начал меня порядком утомлять.

— Давайте я расскажу, почему эта измена произошла, а вы решите кто прав, — взгляды собравшихся благородных донов и их местами прекрасных спутниц не выражал ничего кроме растерянности. Я усмехнулся и сказал:

— Это будет долгий рассказ, поэтому я сначала промочу горло.

Я медленно налил полный бокал вина и с наслаждением его выпил. Кстати, мы же в Калифорнии, а виноградники здесь очень эпизодические и местного вина я что-то пока не видел, надо будет этот вопрос провентилировать.

— Так вот, сеньоры. Я не собирался бунтовать против Карла Четвертого. Наоборот, когда я прибыл во Флориду, то собирался упорно трудиться на благо Новой Испании. Я начал создавать невиданные прежде вещи. Что бы вы поняли, что я имею в виду, приглашаю всех посетить Миссию Долорес и посмотреть на мои корабли и на мои машины.

Но, к сожалению, мои устремления вступили в противоречие с поистине драконовскими законами, которые всячески ограничивают развитие испанских колоний. Эти законы душат Новую Испанию, что хорошо понимали и предыдущий губернатор Кубы и сам вице-король. Эти, во всех отношениях достойные сеньоры, выступили моими покровителями и Флорида, а затем и Куба начали богатеть.

Но это очень не понравилось ни самому Карлу Четвертому, Четвёртому, ни его окружению. Именно поэтому, если опустить всякие незначительные подробности, я здесь, а мои покровители под арестом. Так что да, это измена.

Я закончил свою, в высшей степени патетическую речь и выпил еще один бокал вина. То что, вообще-то, предыдущий вице-король и его приближенные планировали осуществить революцию, я тактично опустил. К чему такие мелкие подробности.

— И что вы теперь планируете делать, маркиз?

— Я планирую тяжело и упорно трудиться, сеньор губернатор. Если у меня не получилось реализовать свои планы во Флориде, это не повод от них отказываться. И Калифорния подходит мне даже больше. Здесь никто не будет меня ограничивать. И скажу сразу, я не собираюсь подчиняться приказам того кто хотел моей смерти. Так что, если в вас разыграет верноподданническое рвение, дважды подумайте, прежде чем ему поддаться.

— Я не вполне вас понимаю.

— Да что тут понимать, сеньор де Аррилаго, — снова встрял в разговор де Карраско, — маркиз прямо говорит: «Или вы со мной, или катитесь ко всем чертям!»

— Очень точно сформулировано, сеньор. Именно это я имел в виду.

— А как отреагирует новый вице-король когда узнает о том что здесь произошло? Ведь вы фактически захватили Калифорнию?

— А вам есть дело до того как он отреагирует, сеньор губернатор?

— Но подождите, мы очень зависимы от Новой Испании!

— Чем, разрешите спросить?

— Да всем! Оружие, посуда, мебель, одежда, инструменты, вино, в конце концов!

— И что из этого мы не можем изготавливать на месте?

— Вы хотите сказать, что можете наладить здесь производство всего перечисленного сеньором губернатором?

Этот де Карраско конечно наглец, лезет поперек батьки в пекло. Но надо сказать, что вопросы он задает по существу.

— Конечно смогу, сеньор, не сразу, но смогу.

— И оружие?

— Особенно оружие. Если вы не против прогуляться, я вам кое-что покажу.

Конечно все собравшиеся тут же захотели понять к чему я клоню и через несколько минут мы были на улице, возле четверки моих охранников семинолов.

— Вот сеньоры, извольте посмотреть, — я взял в руки винтовку, — это оружие было изготовлено на моем заводе. И этот пистолет тоже. Оружие как раз, это самое простое. Как только у меня будет металл, я начну его производство.

С мебелью и посудой тоже никаких трудностей не будет. Моя лесопилка вовсю работает, а песок в бухте Сан-Франциско достаточно хорош, что бы из него изготавливать стекло. Сеньоры, вы даже не понимаете, в каком благодатном краю мы с вами живем. Калифорния даст нам всё необходимое для процветания. Повторюсь, от нас требуется только упорно трудиться!

Фуух, по-моему, их проняло. Уже не смотрят на меня как на воплощение зла, Кончита так вообще очень заинтересована. Надо будет сказать Марии Мануэле чтобы взяла девчонку в оборот, не вечно же ей ходить хвостиком за Резановым.

Мы вернулись во дворец и разговор продолжился:

— Так всё-таки, маркиз, как вы планируете поступить с русскими?

— А никак, сеньор губернатор. Я вам даже больше скажу. Они мне очень полезны сейчас.

— Что вы имеете в виду?

— Все дело в паровых машинах. Они становой хребет будущей промышленности независимой Калифорнии. Что вы так на меня смотрите, сеньоры? Вы что, еще не поняли, что тут происходит?

— Продолжайте, маркиз. Не знаю как насчёт губернатора, но мне все понятно. И мне нравится что я слышу! — мне всё больше и больше нравится этот де Карраско. Надо будет к нему тщательнее присмотреться. Неправильно что я использую только пришлых, местные кадры тоже надо использовать.

— Спасибо, сеньор. Так вот, я продолжу. Машины, все зависит от них. А работают они на угле. Нет, на дровах они тоже работают, но это совсем не то. Уголь, нам нужен уголь и не только для паровых машин. Сталь нам тоже надо будет выплавлять, а в этом деле без угля никуда.

А в Калифорнии его нет, во всяком случае, я его пока не нашел. Зато он есть у русских. Так пусть они нам его и добывают в обмен на продовольствие. Торговать в этом случае намного выгоднее, чем воевать.

— Понятно, маркиз. Но зачем вы построили церковь схизматикам и привезли из

Новоархангельска их священника?

— А что мне еще оставалось делать, сеньор губернатор? Половина моих людей это православные греки. Я знаете ли, прагматик, если им нужна церковь и священник, я им это обеспечу. Они же не язычники, в конце концов.

— Но этот Нектарий плохо влияет на работу миссии. Мне докладывали, что уже несколько местных туземцев захотели отринуть свет истинной веры и перейти в схизму.

— А это, вы уж меня простите, не мои проблемы. Если Нектарий более убедителен чем ваши монахи, то что я могу поделаться?

— Как вы можете такое говорить? — ужаснулся отец Кристобаль, — маркиз, вы же добрый католик!

— Простите, святой отец, но добрым католиком я стал только для того чтобы жениться на моей ослепительной Марии Мануэле. До встречи с ней меня вполне устраивал тот факт, что я англиканец...

Да уж, хорошо поговорили, испанцы теперь будут в глубокой задумчивости. Но что поделаться. Я теперь объективная реальность для них и самая большая лягушка в этом болоте.

* * *

Знаете, чем еще хороши кареты? Ну, помимо того, что ты не трясешься в седле, а с комфортом едешь на мягком диване? Кареты хороши тем, что они закрытые, и никто не видит, что происходит внутри. Очень удобно, если у тебя молодая, красивая и очень страстная жена, которая к тому же, тебя любит всем сердцем. Надо только не шуметь, а то перед кучером не удобно.

— Дорогая, что ты думаешь о Кончите, — спросил я у Марии Мануэлы когда подобные вопросы стали уместны.

— Она очень милая девушка и до беспамятства влюблена в твоего Резанова.

— Почему это он мой?

— А чей? Он с тобой проводит больше времени, чем кто б это ни было. Он да Роберт, вот с кем ты в основном общаешься, — Мария надула губки в притворной обиде. Пришлось её активно утешать. Хотя почему пришлось? Мне самому эта игра очень нравится...

— Ты можешь попробовать с ней подружиться?

— А зачем мне пробовать. Мы уже и так с ней подруги. Кончита уже успела мне всё рассказать. И про Резанова и про её отца.

— И что же она тебе рассказала?

— А вот это не твое дело, любимый. У женщин, тем более у совсем юных, есть свои тайны. Пусть они ими и останутся.

— Хорошо, хорошо, не буду настаивать. Но я правильно понимаю что ты стала авторитетом для неё?

— Думаю что да.

— Прекрасно, если я попрошу тебя повлиять на Кончиту, ты мне поможешь?

— Конечно, как может быть иначе...

Этот разговор я затеял не просто так. И губернатор и комендант форта Сан-Франциско души не чаяли в юной красавице Кончите, и если мне удастся перетащить её на свою сторону то можно сказать все влиятельные чиновники Калифорнии будут у меня в кармане.

— Барри, ну что? Ты готов отправиться на поиски железа? Это очень важно для нас.

— Конечно, сэр, готов. Я вас не подведу.

— В тебе я и не сомневаюсь. Что думаешь об этих индейцах?

— Хлипкие они какие-то, сэр. Комендант, паскуда, их толком не кормил.

— Тише, тише старина. Ты конечно прав, но зачем, же так грубо. Смотри, — я развернул перед Барри карту, — это река Сан-Хоакин, комендант говорит, что у неё заболоченные берега. Ты там всё осмотри, думаю, что ты найдёшь болотную руду. Но имей в виду, мне кажется, что тут должна быть еще одна крупная река. Постарайся её найти.

— Конечно, сэр. Я давно отвык удивляться вашим словам. Найдем мы эту реку.

Я говорил Барри о реке Сакраменто, она намного более пригодна для судоходства, чем Сан-Хоакин. Да и вообще это неправильно, что мы еще ни одного географического открытия не совершили.

Двадцатое октября тысяча восемьсот шестого года, Миссия Долорес Калифорния.

Итак, я отправил Барри в экспедицию по берегам реки Сан-Хоакин. Очень надеюсь, что железо он там найдет. Если нет, то придется долго и упорно рубить дорогу к озеру Тахо, договариваться или воевать с местными жителями и уже там искать и организовать добычу. На это уйдут месяцы, что меня не устраивает. А значит, у Барри всё должно получиться.

Я же сейчас осматриваю первое, после лесопилки и кирпичного завода построенного южнее Миссии Долорес, производство, которое у нас уже работает и выдает продукцию, а именно стекольную мастерскую, один из важнейших элементов создающейся промышленности.

— Вот, смотрите мистер Гамильтон. Как и вы заказывали. Не сразу, но у меня получилось.

— Да, дружище, ты большой молодец. Теперь дело пойдет. А почему ты это сделал первым?

— Я просто подумал, мистер Гамильтон, что посуды всякой разной у нас хватает. Барри рассказывал, что даже с местными мы поделились, а вот про кислоту вы столько раз говорили, что я решил, что это самое важное.

— Да, ты прав.

Производить серную кислоту я решил по давно известному методу, сжиганием смеси серы и селитры с последующим поглощением газа, сернистого ангидрида, водой. Серу я выделю из пирита, также сжиганием.

Это не самый удобный способ, из серного колчедана, то есть из пирита, можно получать серную кислоту напрямую, минуя стадию получения серы. Но для этого нужны катализаторы: платина, или лучше ванадий. Этих металлов у нас нет, и вряд ли когда-нибудь будут, поэтому мы пойдем по более длинному и менее эффективному пути.

Вот Том мне и изготовил несколько больших реторт, в которых мы будем производить кислоту. Выглядят они не очень хорошо, но для решения наших задач полностью подходят.

Раз уж оборудование готово, самое время отправиться на поиски сырья.

* * *

— Я могу пойти с тобой?

— А зачем? Я не говорю что нет, не можешь. Просто объясни мне, зачем это тебе нужно.

— Просто хочу, чтобы мы больше времени проводили вместе.

— Милая, это же не прогулка. Я даже толком не знаю, сколько времени займет поиск нужных мне минералов. Это может быть и несколько недель или даже месяцев, — я надеюсь, что управлюсь за неделю, все-таки месторождение пирита на месте будущей Сономы достаточно крупное. Но Марии Мануэле знать об этом необязательно, иначе возникнет закономерный вопрос: «А откуда ты об этом узнал, дорогой?». Лучше сделать ей сюрприз и вернуться раньше.

— Ну и что? Это всего лишь будет означать, что мы побудем вместе больше времени.

— Да, и все это время мы будем ночевать на голой земле, а про горячую воду и вообще любые удобства можно и не говорить.

— Ну и что с того? Или ты думаешь, что я избалованная и не смогу со всем этим справиться?

— Нет, конечно. Просто это будет неудобно. Но хорошо, если ты так хочешь, пойдём вместе. Я только предупрежу мэтра Абенамара, что два из трех наших лучших врачей на несколько месяцев покидают поселок. Но думаю это не проблема. Мэтр справится.

Вот так вот, мне действительно нужно чтобы моя жена осталась. И именно из тех соображений, что она уже хороший врач, по меркам этого времени, и принесет больше пользы здесь. Похоже на манипуляцию, но она и правда нужна мне здесь, в том числе и для опеки над юной Кончитой.

Завтра я отправляюсь на поиски пирита, а сегодня мне надо переговорить с Резановым.

— Николай Петрович, скажите, вы ведь не последний человек в Русско-Американской Компании?

— Я, честно сказать, мистер Гамильтон, практически её совладелец.

— Это хорошо. А я могу сделать заказ у компании?

— Какой же?

— Я все еще сомневаюсь насчет железа, помните, я вам говорил? — Резанов кивнул и я продолжил, — Что там мой камердинер найдёт, это большой вопрос. А железо мне очень нужно.

— И как же компания может в этом помочь? В Новоархангельске железа нет.

— Зато оно есть в Китае. И вы можете отправиться туда за ним.

— Простите, но зачем вам я? Вы сами можете организовать туда экспедицию. И это будет даже лучше. Ваши корабли намного лучше подходят для подобного. И зачем это мне?

— Николай Петрович, а вы и воспользуйтесь моими кораблями. Возьмите «Селию» и «Стеллу Марис» и отправляйтесь в Кантон. Там по слухам очень хорошее железо. Привезете мне его и я вам заплачу.

— Это, честно сказать, не очень входит в интересы компании.

— А если я устрою ваш брак с Кончитой? — думай давай, ты же вообще собирался через Сибирь зимой переться ради этого брака!

— И вы сможете это сделать?

— Уверен!

— Так, дайте-ка, я подумаю, на что мне покупать для вас железо. В принципе это можно устроить, на складах компании имеется достаточное количество пушнины, вот её я и использую.

— То есть это означает да?

— Если вы обещаете устроить всё с Кончитой, то да!

— Хорошо, но на всякий случай, позвольте вам еще и вот это вручить, — я подошёл к стене кабинета, и открыл стоящий там сундук, — здесь пуд золота. Думаю, что оно будет хорошим подспорьем.

Резанов прав, он мне абсолютно не нужен для того чтобы отправится в Китай за железом. Но это вопрос политический. Я очень заинтересован, чтобы Русско-Американская компания стала успешной, притом не просто как фактория, добывающая меха. Нет, она должна приносить реальный доход своим владельцам и постоянно развиваться. В идеале

русская колония должна полностью сама себя обеспечивать.

Поэтому я буквально впихиваю в глотку Резанову этот проект. Он полезен и мне и Русско-Американской компании и самому Николаю Петровичу с Кончитой.

Окрыленный Резанов улетел к своей зазнобе, а я нашёл Плетнева.

— Иван Петрович, в ближайшее время вам, скорее всего, придется отправиться в Китай.

— Ничего себе новости, мистер Гамильтон. И зачем мне туда?

— За железом, дорогой друг. А так же за всем, что сможете утащить. Фарфор, хлопок, шёлк. Всё что угодно.

— И на чем я туда пойду?

— «Стелла Марис» и «Селия», я бы и «Святую Луизу» отправил, но совсем без кораблей оставаться не хочу.

— Ясно, идея интересная. Может и получится что.

— Отлично. С вами пойдет Резанов. Он все-таки дипломат, камергер и прочее. С ним тамошние чиновники охотнее будут разговаривать.

— Вы правы. Значит, Николая уже согласился? Что вы ему пообещали? Он мне все уши уже прожужжал тем, что ему нужно возвращаться домой и доставать разрешение из Рима на брак с этой испанской девочкой.

— Да именно это и пообещал. Он выступает моим торговым представителем, а я все устрою.

— Хозяин-барин, как скажете.

— Хорошо, и раз уж вы пойдете на запад, остановитесь на Гавайях, острова там райские, отдохнете, да и с местным королем отношения наладите. Нам эти острова могут пригодиться.

— Хорошо, мистер Гамильтон. Сделаю. Разрешите вопрос.

— Конечно.

— Откуда вы все это знаете?

— Знаю что?

— Всё. Вы же точно уверены в своих действиях. Винтовки, лекарства, паровые машины, золото, которое вы подняли южнее Флориды. Сейчас вон на Гавайи и в Китай меня отправляете. Да и с Резановым вы иногда разговариваете так, как будто точно знаете, что это за человек. В чем ваш секрет?

Черт, Плетнев тоже меня вычислил, ладно будем выкручиваться.

— Иван Петрович, давайте так. Вы возвращаетесь из Китая, и я вам все рассказываю. Идёт?

— Идёт.

Сборы были не долгие и уже через неделю два моих корабля отправились на север, на Аляску. Там они должны будут взять на борт уголь, пушнину и пойти на Запад. Если всё пойдет удачно, через полгода они вернуться.

* * *

Октябрьское солнце ласково светит мне в спину, с моря дует легкий ветерок, а я иду во главе колонны из десяти человек.

Наконец-то мне удалось отправиться на поиски пирита. «Святая Луиза» переправила

нас на северный берег пролива и мы бодро зашагали в том направлении, где по моим прикидкам должно располагаться месторождение.

Я рассчитывал обернуться за неделю, но получилось намного быстрее. Буквально на следующий день мы наткнулись на небольшое поселение индейцев, и я увидел у местного то ли вождя, то ли просто местного авторитета, очень интересные камни.

Это оказался пирит. Индейцы хоть крещеные в этих местах, но суеверия в них очень сильны и пирит играет важную роль в их оккультной жизни. Вечером этот индеец показал мне «ритуал»: положил возле костра несколько камней и они начали источать газ.

— Вот видишь! Духи живут в этих камнях. Духи, которые выходят в огне.

Если я хоть что-то понимаю, это сернистый ангидрид, и значит, я у цели.

Откуда эти камня выяснилось очень быстро, буквально в трех часах ходьбы находился выход минерала на поверхность. Договорившись с индейцами об обмене камня на продовольствие и кое-какие товары, я двинулся в обратный путь. Мои спутники были загружены пиритом буквально как вьючные лошади и помимо этого два десятка индейцев несли его в носилках.

* * *

Том с помощниками изготавливал не только оборудование для производства кислот, окна домов, в нашем поселке остекленные, стекло из местного сырья получается интересного зеленого цвета и хрупкое. Но это не беда, главное, что оно есть. Кроме того, вот не знаю, кто подал Тому эту идею, точно не я, но он изготовил несколько перегонных кубов, со змеевиками, все как положено.

Я когда это узнал то, фигурально выражаясь, выпал в осадок. А потом подумал, ну а что? Сырья тут хватает, всех видов, брагу можно гнать любую, хоть фруктовую, хоть виноградную, да и пшеницы полно с ячменем полно.

И это значит, что у нас будет не только вино. Запасы привозного не бездонные, а местное хоть и его и все хвалят, но на вкус не моё. У нас будет и крепкий алкоголь.

Нам бы бочки дубовые, будем бренди делать. Но это в планах.

Тут главное не напитки изготавливать, а следить, чтобы индейцам они не попались, переносимость алкоголя у них практически нулевая, стоит только недосмотреть, и мы получим огромное количество алкоголиков.

Первое декабря тысяча восемьсот шестого года. Поселок Гамильтона возле Миссии Долорес. Калифорния.

— А теперь внимание! Видите, что у нас получилось в результате термической обработки пирита? Камень, выделил газ, и мы получили серу. Теперь мы сможем получить серную кислоту. И я еще повторяю, в этом процессе очень важна герметичность. Нельзя допустить попадание посторонних газов во время реакции. Мария Мануэла, пожалуйста, помоги мне.

Я провожу практическое занятие по химии для учеников открывшейся школы. И тема у нас получение серной кислоты. Серу мы получили, теперь время смешать её с селитрой и снова сжечь. Выделившийся газ пропускается через воду и вуаля! Серная кислота!

Правда никто не знает её концентрации, и я так думаю, что она слабенькая. Это не беда,

простое выпаривание даст нам нужный мне результат. Когда пожелтеет, можно прекращать. Правда, пары этой гадости очень ядовиты, поэтому выпаривание мы проводим только на открытом воздухе.

Ноябрь в поселке это однозначно месяц химии. В огромных чанах у нас готовится щелок, чуть подальше варится целлюлоза, а совсем в отдалении идёт производство серной кислоты. Азотную кислоту мы тоже всю собираем в селитрянице. Запахи стоят очень специфические, но мне они очень нравятся. На самом деле, это запахи нашей безопасности.

Мы привезли с собой не только порох и динамит. Нет, у нас есть запас свинца, бертолетовой соли и картона, не хватало только пороха.

И вот я провожу первые в мире эксперименты по получению нитроцеллюлозы, вернее я её уже испытываю. Поджигаю фитиль и отхожу на безопасное расстояние. Горит! И как хорошо горит! Определенно намного, раза в четыре сильнее, чем обычный порох.

Это не первый, и даже не десятый образец, пришлось пробовать различные варианты нитрирующей смеси, но результат превосходен. Теперь у нас есть бездымный порох, и это значит, что мы можем возобновить производство боеприпасов! Надо только навеску подобрать, как следует, он же мощнее обычного, а то чего доброго патроны в стволах взрываться будут...

— Что скажешь Лука? — судя по всему эти два дня, прошедшие с момента получения первой партии пороха и передачи её на эксперименты моему главному оружейнику он только и делал что работал. Надо ему запретить подобные трудовые подвиги, и сам взорвется и других угробит.

— Готово, мистер Гамильтон! Новый патрон просто превосходен! Ваш новый порох значительно лучше традиционного.

— Это хорошо, но Лука. Говорю первый и последний раз. Если ты будешь проводить любые эксперименты со взрывчаткой в ненормальном состоянии: уставший, больной или с перепоею, я тебя сниму с производства оружия. Будешь коровам хвосты крутить. И я не шучу! Понял меня?

— Понял, мистер Гамильтон. Больше не повторится.

— Надеюсь. Ты не маленький мальчик, должен понимать, что это просто опасно.

— Еще раз прошу меня извинить.

— В последний раз! И показывай, что там у тебя за бумаги.

— Вот, мистер Гамильтон, я когда уже над патроном закончил работать, вдруг подумал. А если новый порох еще и нитроглицерином пропитать? — нет, он точно гений, на коленке придумал баллистит, надо его наградить. Это же отменная замена динамиту.

— Думаю, получится очень хорошая взрывчатка, начинай работу над этим вопросом. Железа у нас пока все равно нет, так что время у тебя свободное есть.

— Хорошо, мистер Гамильтон.

* * *

Десятого декабря вернулся Барри. Мой камердинер выглядел осунувшимся, худым, небритым, но очень довольным.

— Вы были правы, сэр, мы нашли еще одну реку, и она впечатляет, скажу я вам.

— Я так вижу, вы нашли не только реку, — сказал я, показывая на целую грудку

коричневых камней.

— Да, сэръ, болотная руда. Нашли мы одно очень хорошее болото, а там этой руды!

— Ты просто молодец, дружище! Вот теперь дело пойдёт!

— Да, сэръ, кузнецам теперь работы много будет!

— Э нет, тут идея другая. Домну будем строить!

— А получится?

— Не знаю, будем пробовать. Уголь у нас есть, руда тоже...

Теперь у нас, вроде бы есть все необходимое, чтобы начать производство целого спектра товаров. От оружия и инструментов до паровых машин, рельсов и паровозов, осталось только найти того, кто мне сталь произведёт.

— Мистер Фултон, как вы смотрите на то чтобы построить доменную печь?

— С неодобрением, мистер Гамильтон, я все-таки инженер, а не металлург.

— Но все-таки, кроме вас больше некому. Да и без металла все ваши инженерные идеи так и останутся идеями.

— Вы правы, больше некому. Придется заняться, но не ждите особенных успехов. Руды нормальной у нас нет.

— Понимаю, но надо же с чего-то начинать.

Фултон с помощниками начал сразу строить и доменную и коксирующую печь. Он здраво рассудил, что раз уж руда у нас плохая, то надо при выплавке чугуна использовать наиболее передовую технологию, компенсировать, так сказать убогость сырья. По его прикидкам чтобы построить весь комплекс потребуется несколько месяцев.

Делать было нечего, и я решил использовать часть руды для производства железа старинными способами, благо для этого нашлись умельцы. Это железо я не собирался использовать для производства чего-то сложного, но простые инструменты и нужные в быту вещи из него делать было можно.

Вся эта промышленная деятельность привела к тому, что из Монтеррея, который и так-то был не большим, начался отток жителей к нам, и в первую очередь это касалось тех, кто умел хоть что-то делать руками, или имел хотя бы желание научиться. Губернатор сначала кривился, но потом, наверное, смирился. Или де Карраско с ним провел разъяснительную работу.

Если так пойдет, то совсем скоро мой поселок станет не только промышленным, но и административным центром Калифорнии, наверное, это хорошо.

Постепенно мы вошли в нормальный режим существования поселка, и я решил загрузить двух моих самых первых учеников новой задачей. Барри младший и Роза, дочка Тома, должны были начать опыты с электричеством. Кислоты у нас имеются, стекло тоже, месторождение меди тут есть, мне об этом рассказал лично сеньор комендант. Уже пора. А то странно как-то получается. Скоро по реке Сакраменто, я не стал ломать голову и назвал реку, открытую Барии, привычным мне названием, поплывут пароходы и мы начнем железную дорогу строить, а дома освещаем свечками и даже телеграфа нет. Непорядок!

Седьмое января тысяча восемьсот седьмого года. Русская деревня на западном берегу залива Сан-Франциско, Калифорния.

— Рассказывай, Савелий, как у вас тут житье-бытье?

— Да что рассказывать, барин. Давай я лучше покажу.

Это мой первый визит в деревеньку построенную переселенцами с Аляски. Старостой у них Савелий, этот хитрован походил-походил в Новоархангельск сначала с Плетневым, а потом с Дукасом и в один прекрасный момент привез себе оттуда жену, крещеную алеутку Марфу.

Притом женится-то, он не хотел, его буквально заставил это сделать тамошний священник, к которому Марфа прибежала каяться в блудном грехе. Тот тайну исповеди, конечно, не нарушил, но нравом оказался крут и после непродолжительного сеанса убеждения с использованием подручных предметов, притащил Савелия к алтарю. Теперь тот вроде бы как остепенился, деревней управляет хорошо, и скоро ожидает первенца. Марфа его беременна.

— А неплохо вы тут устроились, Савелий. Дома большие, земли много и пшеница у вас растет, и сады разбили, и скотина есть, местных не обижаете?

— Так они к нам в деревню и не ходят. Как их обидеть-то? И мы не только один хлеб растим, картофель этот заморский тоже растет хорошо.

— Молодцы, что сказать. Совсем скоро уже вы, а не испанцы Новоархангельск кормить будете.

— Ну как скоро, барин. Пшеничка-то вырасти сначала должна, но урожай хороший будет, то верно. Сам двадцать, кабы не больше. Хорошая все-таки тут земля. На дворе январь, а у нас тут хлеб растет.

— Да, это не твоя Вологодчина.

— Твоя правда, барин.

— Ладно, пойдем на пристань, принимай подарки.

Я приплыл в деревню не с пустыми руками и сейчас мужики Савелия разгружают две большие лодки. Патроны, инструменты, посуда, вино, водка и самое главное, мельничные жернова. Раз уж у них тут пшеница хорошо растет, то время мельницу ставить.

После разгрузки с Марией Мануэлой и пообедали у Савелия. Моя горячая испанка первый раз в традиционной русской избе и ей всё интересно, начиная от большой печи и заканчивая красным уголком с иконами.

— Печь-то тебе, зачем в доме? Чай не Вологодчина твоя. Летом же жарко будет, да и сейчас не сказать, чтобы холодно

— До лета еще дожить надо, барин. И это сейчас не холодно, как дальше будет, кто его знает.

— А это у вас дева Мария? — медленно, по слогам и немного смущаясь, спросила по-русски Мария Мануэла. Она начала учить русский сразу же, как только мы прибыли в Калифорнию, когда я её спросил, зачем ей это то она ответила что, «вокруг тебя постоянно крутятся русские, лучше будет, если я выучу их язык». Тут не поспоришь, тем более что у меня планы связаны как раз таки с русскими.

— Да, барыня. Это Богородица, наша небесная заступница, — Мария Мануэла улыбнулась, ей почитание девы Марии близко и знакомо.

— Даже не вздумай ту водку, что я тебе привёз, местным давать. И алеутам тоже. Если узнаю, я тебя стервеца повешу в назидание другим.

— Прям таки повесишь, барин?

— Даже не сомневайся, вон у тебя какие ворота ладные. На них и повешу. И это будет меньшим душегубством, чем спаивание местных жителей. Ты меня знаешь, я слов на ветер не бросаю.

— Крут ты барин.

— Вот и не доводи до греха.

Хорошо, в общем, поговорили мы с Савелием, душевно, но по-другому нельзя. В прочем он не обиделся и вместе с остальными жителями деревни вышел нас провожать. Мы же отправляемся не назад в Миссию Долорес, совсем нет. Наш путь лежит в устье реки Сакраменто, там мы снова спустим шлюпки с борта «Святой Луизы» и пойдём вверх по реке. Высматривая место, где можно будет основать поселение, которое впоследствии превратится город.

Необходимость поселения на берегу Сакраменто подвергается сомнению всеми моими людьми. Они реально не понимают, зачем нам зарываться в глубь толком не исследованной территории, рискуя нарваться на неприятности в виде индейских стрел. Это ведь только прибрежные индейцы под плотным контролем католических миссий, а что там дальше никто не знает.

Да и контроль этих самых миссий достаточно условен. Католические монахи массово окрестили окрестных индейцев лет десять двадцать назад, и новообращенные католики перебрались в миссии. Это была трагическая ошибка. Десятки тысяч людей погибли от голода и болезней и в результате многие из оставшихся просто разбежались. С нашим прибытием жизнь в Миссии Долорес наладилась, но беглецы наверняка не питают любви ко всем без исключения белым.

Но я то понимаю, зачем нам на самом деле нужно двигаться вглубь Калифорнии. Все дело в золоте. Его тут так много, что когда началась золотая лихорадка, то по первости самородки находили буквально под ногами, это было не часто, но было.

Так что мы сели в лодки и поплыли вверх по течению. Лучше бы конечно если бы у нас был пароход, не пришлось бы надрываться, но его пока нет, и неизвестно когда будет. Фултон, конечно, нам его построит, но пока не из чего, да и занят он, налаживает металлургию. Так что ручками, дорогой мистер Гамильтон, гребите ручками.

На третий день достаточно скучного путешествия мы достигли слияния двух рек, северной и южной вилок Американской реки, по моему так в будущем назывался это приток Сакраменто. Как нам его назвать я еще не решил. Возможно, что также.

Видимо тут был пожар несколько лет назад. Иначе как еще объяснить, почему на южном берегу образовалась такая странная пустошь? И вот это место нам точно подходит.

— Смотрите, мистер Гамильтон, тут родник! — привлек мое внимание Гектор.

— Да, действительно родник, — я подхожу и пробую воду, — а вкусная!

— Белый дух! Тут родник! — кричит мне Хота, один из воинов Шиая, с которым мы еще Селию освобождали из плена под Новым Орлеаном.

— Сеньор де Каса Альмендарес, тут родник! — голос де Карраско заставил меня сильно удивиться. Сразу три родника на таком маленьком кусочке земли.

— Дорогая, думаю, это место нам очень хорошо подходит. Будущий форт я хочу поставить здесь. Столько источников это точно знак свыше. — сказал я Марии Мануэле. И я в любом случае, сюда и направлялся. Похоже, что именно здесь в будущем будет построено ранчо Рио-де-лос-Америкос, где будет построена чуть ли не первая золотая шахта в Калифорнии.

К тому же это объективно самое удобное место в окрестностях для строительства поселения. И до легендарной, в будущем, Коломы, а там золото находили, просто роясь в земле, каких-то десять-двенадцать часов пешком.

На этом можно возвращаться. Наверняка мои спутники не очень поняли, зачем мы вообще затеяли этот подъём по реке, сейчас надо будет объяснить.

— Как вам это место, сеньор де Карраско?

— Удобное для поселения, сеньор де Каса Альмендарес. Что вы хотите тут построить?

— Если ничего не помешает, то сначала форт, а потом и город. Река удобна для сообщения с заливом и дорогу на северо-восток удобно строить, — черт, зачем я это сказал?

— А зачем вам туда дорога?

— А вы посмотрите на реку, — сейчас будет минутка концентрированного бреда, но надо, же как-то выкручиваться.

— И что я должен увидеть? Река как река.

— Да нет, дорогой сеньор. Наверняка она берет начало в горных отрогах.

— Вы думаете?

— Уверен.

— И зачем вам дорога к горам?

— Вы же знаете, что сейчас мы пытаемся что-то придумать с найденной болотной рудой. Получается, прямо скажем не очень, но у нас нет других источников железа. Пока нет.

— И я всё еще ничего не понимаю.

— Вспомните Толедо, древнюю столицу Испании, где она находится?

— Рядом с горами.

— Вот! И толедские оружейники не зря считались лучшими на всём иберийском полуострове. Там ведь очень хорошее железо.

— Кажется, я понял. Вы все-таки хотите найти тут нормальное железо?

— Именно так. А где его искать как не в горах?

— Ну допустим. Но вы строите ваши предположения исходя из того что вам кажется что эта вода спускается с гор, которые возможно дальше к северу.

— Именно так.

— Теперь мне очень любопытно будет посмотреть, чем закончатся ваши изыскания.

— Хотите пари?

— Ну уж нет, я уже наслышан как с вами поспорил этот русский, Резанов. И в результате привез вам целый корабль дармового угля.

* * *

Домой мы вернулись пятнадцатого января. Перед отплытием я разговаривал с Барри и Розой, юные дарования корпели над гальваническим элементом и практическими

способами его применения. У них уже кое-что получалось, и я надеялся, что мне продемонстрируют практические результаты.

Ничего революционного или опережающего свое время я не ждал. Нет, пока мне требовалось, чтобы Барри и Роза просто повторили работы других. Гальванический элемент описан очень подробно, электрическая дуга тоже уже известна. Этого мне пока было достаточно. Главное подтолкнуть ребят к изучению электричества, а там уж посмотрим. И хорошо бы обойтись вообще без всяких подсказок, сами, все сами.

— Барри младший уже несколько раз спрашивал, когда вы вернетесь, сэр. У мальчишки что-то там получилось, и он аж подпрыгивал от нетерпения, — ага, очень хорошо. Но сначала надо дать необходимые распоряжения по поводу нового форта.

— Ясно, спасибо старина, после разговора с тобой я сразу отправлюсь к нему. Бери бумагу и записывай

— Конечно, сэр, — ответил мне мой камердинер.

— Отбери мне два десятка греческих семей, Дукас тебе поможет, и поговори с Шиаем. От него мне нужны человек двадцать.

— Зачем, сэр?

— Будем строить форт на реке, которую ты обнаружил. Она судоходна и как мне кажется там хорошее место для большого поселения, форт будет его началом.

— Ясно, сэр.

— И знаешь что, не дело что мы гоняем целый фрегат туда-сюда, как, будто это разъездной катер. Обсуди с Дукасом и сыновьями, нам нужны каботажники, два, а лучше три небольших судна типа куттера. Роберт как освободится, сразу начнёт строить пароход для залива, но пока так.

— Сэр, вы действительно собираетесь захватить всю Калифорнию?

— Барри, тут пока захватывать особо нечего, и да. Я собираюсь это сделать. Ты не видел, что было на том приеме у губернатора, но они все буквально жаждут чтобы кто-нибудь взял эту землю себе. И я для них очень хороший вариант.

— Понятно, сэр.

— Так, мы закончили. Пойду узнаю, чего там твой сын придумал...

* * *

— Давайте гении, показывайте, что у вас тут.

— Вот мистер Гамильтон, смотрите! — и что я вижу перед собой?

А вижу я большой гальванический элемент деревянном корпусе, чуть ли не четыре сотни металлических пластин, между которыми проложены бумажные, сверху сделана стеклянная крышка и я хорошо вижу его устройство.

— Крышку стеклянной сделали, чтобы было видно, что внутри?

— Да, мистер Гамильтон, для наглядности — ответила мне Роза. А у них явно не только гальванический элемент получился вон, как молодые люди друг на друга смотрят, ну и славно.

— Рассказывайте, что у вас тут.

— Цинковые и медные пластины, а между ними бумага, пропитанная нашатырным спиртом. Для изоляции мы использовали резину, провода медные.

— Кто покажет как это работает?

— Давайте я, — сказал Барри младший.

Он одел резиновые перчатки, взял двое щипцов с и поднес один провод к другому, когда они оказались достаточно близко друг к другу, загорелась достаточно яркая электрическая дуга.

— Прекрасно! Вы большие молодцы! Что скажете, это может иметь практическое применение?

— Конечно! Для освещения, — ответил Барри.

— Я тоже так думаю. Вот и займитесь этим вопросом. Нам нужен компактный и надежный источник света, при этом безопасный. И подумайте, что еще нам может дать электричество.

— Займемся, это так интересно!

— Вот и молодцы. Подготовьте все для публичной демонстрации, у вас все таки тут довольно грязно, — сказав это я окинул взглядом мастерскую. Грязно в помещении конечно же не было. Скорее этакий творческий беспорядок. Но и его надо устранить, перед тем как показывать батарею ученикам школы и высоким гостям.

Первый шаг сделан. Электрическое освещение это, на самом деле, самое малое что я жду от моих учеников, но пусть сами думают.

Так, со срочными делами разобрался, к Фултону на стройку поеду завтра, там наверняка часом-другим не отделаешься, поэтому лучше поговорить с ним с утра. А сейчас самое время продолжить разбираться с книгами. Вон их у меня теперь сколько, четыре больших сундука и я далеко не все еще даже просто открыл, не говоря о том, что бы прочитать.

За эти книги я очень благодарен Резанову, но при этом испытываю жуткие угрызения совести. Все дело в том что когда Николай Петрович привез первых русских поселенцев и отца Нектария, вместе с ними прибыли и четыре сундука с книгами.

Один с книгами исключительно религиозного содержания и для меня они интереса не представляли. Хотя один экземпляр «Апостола» я себе всё-таки оставил. Шутка ли книга самого первопечатника Ивана Федорова, настоящее сокровище. А вот остальные три были для меня поистине бесценными. Дело в том, что Резанов, ничтоже сумняшеся, буквально ограбил библиотеку Новоархангельска и лично Баранова.

Теперь я обладатель обширной библиотеки, куда входят большое количество научных трудов по самым различным областям человеческого знания. Но проблема то в том что большая часть этих книг была на русском!

И теперь мне нужно прорваться через нагромождение абсолютно незнакомого мне современного русского языка с его бесконечными ятями, фитами и прочим. И кроме того чтобы всё это сокровище не стояло мертвым грузом на полках, нужно срочно организовывать курсы русского языка, чтобы этими книгами пользовались те кому это положено. Мои настоящие и будущие инженера и ученые.

Это дело я хочу поручить Резанову, когда он вернется, вернее не ему самому, нет. Раз уж он проявил инициативу, так пусть доводит её до конца и находит учителей. Хотя одного и искать не надо. Сам пришёл.

— Сэр, к вам этот русский священник.

— Пригласи его Барри, — через несколько секунд отец Нектарий был у меня в кабинете.

— Здравствуйте, святой отец.

— И вам здравствуйте, мистер Гамильтон, — у нас с Нектарием какое-то настороженный нейтралитет и это удивительно: видеть его у меня в кабинете.

Он не мог отказать в просьбе прибыть в Миссию Долорес и активно дискутировал с местными католиками, но вот меня он почему-то игнорировал. Я думал, что это у него такое отношение ко всем представителям местной власти, а я фактически и есть здесь верховная власть.

Но нет, с комендантом форта он регулярно общается, с его очаровательной дочерью тоже.

— Что привело вас ко мне сегодня? Нужна помощь, в чем либо?

— Нет спасибо, мистер Гамильтон. Пришел я к вам, что бы спросить кое что.

— Спрашивайте, святой отец.

— Мистер Гамильтон, а вы в Бога верите?

Интересный вопрос, особенно от православного монаха католику. Вот ему какое дело до этого?

— Простите, святой отец, но я вроде бы к вашей пастве не принадлежу.

— А вы вообще ни какой пастве не принадлежите. Уж не знаю, зачем вы построили нашу и католические церкви на одной площади, но вы это сделали. И с отцом Филиппом мы постоянно общаемся. Так вот он рассказал мне, что Ваша жена Мария Мануэла мессы не пропускает, а вот вас ни на одной не видели. Вот мне и интересно узнать, почему?

— А почему этот вопрос задаете мне вы, а не отец Филипп?

— Я не знаю почему он у вас еще этого не спросил, а мне надо уже понять, что за человек этот мистер Гамильтон. Который с одной стороны вроде как безбожник, а с другой стороны православных в обиду не дает и церковь им на католической земле построил. Да и говорите вы, мистер Гамильтон, вроде бы и по-русски, но совсем не так как мы. Опять же изобретения ваши. Я же с с паствой общаюсь постоянно и мне многое рассказали о вас. Поэтому я и хочу спросить.

Кто вы, мистер Гамильтон?

Ахайя, Плетнев, теперь вот этот Нектарий. Что-то слишком часто мне стали задавать неудобные вопросы. И как мне на него ответить?

А ответить надо, мой собеседник уставился на меня своими пронзительными глазами и ждет. Ладно, молчать можно сколько угодно, это дело с места не сдвинет.

— Отец Нектарий, а вы в бога верите?

— Станный вопрос вы задаете монаху. Неужели ответ не очевиден для вас?

— Но все-таки.

— Да, верю.

— И в божественное провидение тоже верите?

— Я уже ответил на этот вопрос.

— Хорошо, тогда давайте я вам расскажу одну историю. Вы послушаете, её а потом скажете, что вы о ней думаете. Устраивайтесь поудобнее, рассказ будет длинным.

— Ну давайте, я слушаю.

— В феврале тысяча девятьсот семнадцатого года Российский Император Николай Второй подпишет отречение от престола...

Я не стал говорить ему, что я из будущего, нет. Просто пересказал всё, что случится с Россией в двадцатом веке. Про падение нравов, войны, революцию, про крушение монархии. Про судьбу православной церкви я тоже рассказал.

— И почему вы мне это все рассказали? — спросил он после долгого молчания.

— Это не ответ на ваш вопрос кто я. Я это Александр Гамильтон. Но до дуэли, на которой я чудом спасся, я не знал русского языка, и все что я вам рассказал я тоже не знал. А потом, как будто зажегся яркий свет. И всё, я уже другой, теперь я точно знаю, что и как мне делать чтобы это изменить. А это надо изменить. Вот вы думаете, зачем мы прибыли в Калифорнию?

— Из того что я слышал, я понял что вы бежите от преследования.

— Да, но не только. Очень скоро мои люди найдут в Калифорнии золото. Очень много золота. Настолько много, что его хватит, чтобы купить целую страну. И это золото я пушу на дело, превращу Калифорнию в государство, настолько сильное, что оно сможет повлиять на то, что я вам рассказал.

— Допустим, я вам поверил. Но зачем вы мне это рассказали? Вы же могли просто не отвечать.

— Даже не знаю. может быть потому что уверен что вы будете молчать?

— А вы наглец.

— Какой есть. А еще я вам рассказал потому что мне требуется Ваша помощь.

— Какая?

— Вы же знаете, что Резанов любит дочь местного коменданта. А она любит его.

— Да, знаю.

— Мне нужно чтобы они поженились. Здесь в Калифорнии.

— Но это невозможно. Для этого нужно разрешение из Рима.

— Или Кончита должна перейти в православие.

— И как вы себе это представляете?

— Убедите её.

— А вам это зачем?

— Видите ли, Резанов очень деятельный и могущественный человек. Такой как он сможет наладить прочные связи между Российской Империей и независимой Калифорнией, это будет полезно и России и нам. Да и лично мне, ведь он будет в долгу передо мной.

— Как это странно звучит, чтобы предотвратить то, что случится через сто лет, вам нужен брак этой девочки с Николаем Резановым.

— Я обойдусь без него, но так будет проще. Мне нужен влиятельный человек из окружения императора Александра. Резанов именно такой. И мне нужна Кончита в роли его жены. Вы может быть, еще не увидели это, но девочка буквально на уши поставила всю Калифорнию.

Если мой человек станет, её мужем то все местные чиновники будут у меня в кармане. Кроме того, я рассказал вам еще и потому, что вижу, что вы уже пользуетесь безоговорочным авторитетом у моих греков.

— А это тут причем?

— Притом, что если вы будете на моей стороне, осуществить задуманное будет гораздо проще.

— Хорошо, это понятно, но возвращаясь к Кончите. Смена религии в Испании и её колониях является преступлением, вы не боитесь навлечь на себя гнев губернатора а потом и вице-короля?

— Вы очень хорошо осведомлены в законах Испании, отец Нектарий.

— Что поделатъ, мы находимся на её территории. Это насущная необходимость.

— А вот и нет. Мы в Калифорнии, которая можно считать, захвачена личным врагом, как минимум нового вице-короля Новой Испании, а то и самого Карла Четвертого. И я вполне могу объявить свободу вероисповедания на моей территории. Лично вам, отец Нектарий, это будет только на руку. С вашей кипучей энергией вы скоро станете врагом монахов в Миссии Долорес, а так они не смогут вам вставлять палки в колеса.

— Хорошо, я подумаю.

— Очень надеюсь, что вы согласитесь.

Уже попрощавшись, Нектарий повернулся в дверях и спросил.

— Так почему вы спросили меня о божьем промысле?

— А может быть то, что со мной случилось он и есть.

Монах ничего мне не ответил и просто вышел за дверь.

Уфф, может быть это ошибка и не стоило ему ничего говорить, но мне показалось, что так будет правильно. Чем-то подкупил меня этот старец, такой не предаст.

И я до сих пор не задумывался о причине, по которой оказался здесь. Божественное вмешательство в качестве объяснения подходит не хуже других.

* * *

Двадцать пятое февраля тысяча восемьсот седьмого года. Миссия Долорес. Калифорния.

Погода стоит отменная, на небе ни облачка, тепло и безветренно, если бы на моем фрегате не было бы паровой машины, это доставило бы проблемы, но она есть так что

мероприятие не зависит от капризов погоды.

Сегодня очень важный день, мы провожаем почти восемьдесят человек, которые должны будут основать два новых поселения. Одно на берегу реки Сакраменто, там, где я наметил форт, а второе северо-восточнее, в десяти часах ходьбы.

Переселенцы еще не знают, но на них возложена важнейшая миссия. Найти золото. Для этого я их и направил именно туда, где оно буквально лежит под ногами.

По первоначальному плану я хотел просто основать форт на месте ранчо Рио-де-лос-Америкос, но потом подумал и решил. А чего тянуть? Чем раньше мы начнём добывать золото, тем лучше.

Правда, тут есть определенная коллизия. А кому будет принадлежать добытое золото? Честно сказать, это самый сложный вопрос на который нет однозначного ответа. С одной стороны можно опереться на опыт старателей в Российской Империи, которым государство платило двадцать процентов от стоимости добытого. С другой стороны их американские коллеги. Которые оставляли все себе.

Российский подход мне нравился, да и подходил, намного больше. Но сейчас он неприменим. Ведь в России недра-то принадлежали царю-батюшке. А кому они принадлежат здесь? Большой вопрос.

Впрочем, я попробовал его решить и пятнадцатого февраля, за десять дней до ухода переселенцев заявился в Монтеррей.

— Маркиз, как я рад вас снова видеть! — голос губернатора как обычно был очень высок.

— Взаимно, сеньор губернатор. У меня к вам вопрос.

— Слушаю вас.

— Кому принадлежат недра Калифорнии?

— Как кому? Его величество королю Карлосу Четвертому.

— Но мы же оба понимаем что это не вполне соответствует действительности?

— Маркиз! Хоть вы и заявили о фронде королю но обе Калифорнии формально все еще часть Новой Испании. И к чему этот вопрос?

— Да так, есть у меня кое-какие мысли. Давайте поступим так. Вы мне просто отдаете в аренду лет на тридцать всю Верхнюю Калифорнию. Нижняя мне пока не очень то и нужна.

— Что значит всю?

— То и значит. Абсолютно всю вплоть до последнего камня и рыбешки в местных реках. Мы ведь оба понимаем, что это формальность, ведь так? Я и так могу тут делать все, что захочу.

— Если мы оба понимаем это, то зачем устраивать этот балаган.

— Сеньор губернатор, теперь я понимаю, почему Калифорния до сих пор не процветает. Вы не умеете работать. Это не балаган. Это бюрократия. То есть порядок.

— Ладно, ладно, называйте, как хотите. И если вам охота играть в какие-то странные игры, я вам мешать не буду.

— Отлично, назовите вашу цену.

— Хмм, я даже не знаю.

— Давайте, сеньор губернатор. Это же деньги из воздуха. Назовите.

— Ну хорошо, пусть будет пятьдесят тысяч мексиканских долларов.

— Прекрасная цена, но завышенная. Двадцать тысяч и по рукам.

— Сорок пять.

— Сеньор, вы же понимаете, что я могу взять всё силой. Тридцать и только из уважения к вам.

— Сорок! И это мое последнее слово.

— Да чёрт с вами! Сорок так сорок. Все равно я обдеру вас как липку, когда вы будете у меня покупать мебель, посуду и прочие товары. Я-то их уже произвожу, а снабжения из Новой Испании вам теперь не видать как своих ушей. Смотрите сеньор, как бы вам не прогадать.

— Хорошо, тридцать пять.

— По рукам.

Таким образом, и часа не прошло, как я стал обладателем очень странной бумаги, в которой говорилось, что я арендую Верхнюю Калифорнию у испанской короны на тридцать лет. Чуть больше тысячи долларов за год.

С губернатором мы расстались вполне довольные друг другом. Он даже считал, что погрел на мне руки. С его колокольни так и было, я же вообще мог ничему ему не платить. Интересно волосы, с каких мест он начнет себе рвать, когда ко мне потечет настоящая золотая река.

На самом деле, мне было все равно, что там себе думают чиновники из Монтеррея. Эта бумага была не для них, на мнение испанцев мне было плевать с высокой колокольни. Бумага предназначалась моим людям, которым её с помпой и зачитали. И зачитали несколько раз в каждом, скажем так, трудовом коллективе.

То, что теперь всё вокруг принадлежит мне, было воспринято с энтузиазмом, потому что вслед за этим документом был оглашен еще один. Теперь все полезные ископаемые оценивались, и двадцать пять процентов от стоимости выплачивалось тому, кто их добыл, это в дополнение к обычной плате за работу. Мудреная схема, но она всех устроила, фактически это означало, что людям будут платить больше.

И это же подкладывало юридическую подушку под будущую золотодобычу. Земля и недра-то становили моими.

Правда, это означало, что будущие золотодобытчики начнут на фоне остальных резко богатеть.

Решение этой проблемы было и на самом деле, оно лежало на поверхности. Закупочные цены на товары для золотодобытчиков будут намного больше, чем для всех остальных. И они будут вынуждены тратить часть своих сверхдоходов на плату остальным, плюс я еще докину сверху.

Может быть, это и бессмысленно пока, покупать тут особо нечего, но как только появится золото, все изменится.

Надеюсь, что я своей мутной экономической моделью не вызову тут недовольства и бунта. Семинолам золото конечно, до лампочки, которой пока нет, кстати, но не хочется использовать силу против моих же людей.

А если я напортачу, использовать её придется, какие бы не были мои греки честные и богобоязненные, насчет обоих пунктов у меня большие сомнения, кстати, но «презренный металл» обладает таким сильным влиянием на людей, что никто не знает как они себя поведут найдя золото, при том очень много золота.

Ну вот и все. «Святая Луиза» отправилась в очередной рейс. Остается только ждать и надеяться, что скоро услышу хорошие новости. Что у нас дальше по списку?

А дальше у нас по списку Роберт Фултон и доменная печь.

В книгах переданных мне Резановым нашлась работа Михаила Васильевича Ломоносова «Первые основания металлургии или рудных дел» от тысяча семьсот шестьдесят третьего года. Едва я её увидел, как сразу засел за перевод. Пришлось отложить все свои дела и потратить несколько дней и ночей чтобы сделать её перевод на английский. Это было тяжело, но я справился, в процессе перевода мне очень сильно помог Барри, без него ничего бы не получилось. Но все было не зря.

Как сказал мне Фултон, именно мой перевод работы Ломоносова и стал причиной из-за которой у него получилось построить работающую домну и коксирующую печь. Когда он перечислил мне список вопросов, которые эта книга помогла ему решить я внутренне ужаснулся. Это была очень большая авантюра. Но хорошо, что хорошо кончается и двадцать шестого седьмого февраля у нас пошла первая плавка чугуна.

Дзыннь, запели бокалы с отменным французским вином и через секунду мы с Робертом с удовольствием выпили их до дна. Нашему примеру последовали и все остальные, кто принимал участие в торжественном обеде, посвященном этому событию.

Все кроме Марии Мануэлы, моей возлюбленной жене теперь алкоголь нельзя. Она беременна!

— Поздравляю Роберт, теперь я уверен, что у нас всё получится. Чугун и сталь это основа основ для нас! Это новые паровые машины, новые пароходы, новое оружие, это новое начало для всей Калифорнии. И это ваша заслуга!

— Мистер Гамильтон, я вполне разделяю ваше мнение о стали, но не согласен с вашей оценкой моей роли. Я уже говорил вам и повторяю еще раз. Без вашего перевода книги этого русского академика у нас ничего бы не получилось.

— Роберт, не преуменьшайте своих заслуг, думаю, что вы бы и сами справились.

— Не буду спорить, тем более мне и самому приятны ваши слова.

— Вот и не спорьте. И теперь у вас начинается настоящая работа. Раз уж у нас теперь есть сталь, то приступайте к проектированию, а затем и строительство «Калифорнии», младшей сестры вашей «Флориды», нашего первого парохода.

Только учтите, это судно должно быть мореходным. Залив Сан-Франциско это всё-таки не река Сан-Хуан во Флориде.

— Конечно, мистер Гамильтон. Но на самом деле я хочу уже попробовать построить самобеглый экипаж, такой как мы, с вами планировали, использующий рельсы в качестве дороги.

— О да, мой друг, это очень важно. просторы тут необъятные а людей мало. Паровозы, думаю нам надо назвать эти экипажи так, будут очень и очень полезны. Но не надо замыкаться на одних только паровозах. Самобеглые кареты нам тоже пригодятся. Тут конечно полно мустангов, Губернатор недавно распорядился провести отстрел сразу десяти тысяч голов. но за техникой будущее.

— Только нам нужно будет больше угля, расход топлива обещает быть колоссальным, мы же его и на производство металла тратим и очень, очень много.

— Да, сказать по правде я немного промахнулся, когда отправил в Китай сразу два наших корабля. не известно когда они вернутся, и вернутся ли, а вот за углем уже пора

сходить. Можно послать за ним фрегат, но так мы совсем без транспорта останемся. Но тут уж ничего не поделаешь, надо ждать.

— И раз уж вы заговорили о пароходе, нужно построить специализированный углевоз. Чтобы он постоянно ходил к русским в Новоархангельск. И мне нужно будет туда самому отправиться, посмотреть, может быть мы сможем расширить добычу с помощью паровых машин.

— Прекрасная идея, дорогой Роберт. Вы сегодня буквально фонтанируете идеями.

* * *

— Милый как ты хочешь назвать ребёнка?

— Я не знаю, можно Хуаном, в честь твоего отца.

— А если будет девочка?

— У меня в голове только одно имя, твое.

— Ну уж нет, Мария у тебя должна быть только одна, это я. — Мария Мануэла встала с кресла и закрыла на ключ двери нашей спальни, — не хочу чтобы нам помешали, — сказала она сбросив халат с плеч...

— Как твои успехи с юной Кончитой? — спросил я её на следующее утро.

— В отсутствии Резанова она не находит себе места. Я думаю, что когда он вернется, Кончита сама потащит его к алтарю. Притом в ту церковь, которая окажется ближе в этот момент. Для неё будет не важно, в православную или в католическую.

— Все так серьезно.

— Вы, сеньор де Каса Альмендарес, повелитель Калифорнии, великий врач и изобретатель витая в своих эмпиреях совсем не смотрите, что происходит на грешной земле. Я удивляюсь, что ты меня-то замечаешь, — опять эта притворная обида, и опять надо поддаться...

— Так что? Кончита так сильно хочет замуж?

— Еще как. По-моему она на все согласна.

— Это очень хорошо. Значит, отцу Нектарию будет просто убедить её перейти в православие.

— Тебе так сильно нужен этот Резанов, что ты готов ради этого брака рассорить Кончиту с родней. Не забывай, что этим поступком она разозлит и обидит губернатора, который её крестный отец.

— Меня его обиды совершенно не волнуют. Тем более, что совсем скоро у него будет намного более серьезный повод на меня обижаться.

Двадцатое пятое марта тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона возле Мисси Долорес Калифорния.

Я сижу в своем кабинете и улыбаюсь. Передо мной на столе лежат несколько золотых самородков. Буквально пару часов назад «Святая Луиза» вернулась с восточного берега залива, куда доставляла строительные материалы для переселенцев и привезла с собой одного из них.

— Поздравляю Ангелос, ты счастливчик. Здесь двадцать унций золота и я с удовольствием хочу отдать тебе твою долю. Чем ты хочешь её получить, золотом или долларами?

— Золотом, мистер Гамильтон.

— Хорошо, держи свои пять унций, а это от меня небольшая премия.

Я достаю ящика стола пятьдесят мексиканских долларов и протягиваю их мужчине. Тот с достоинством благодарит меня, и мы прощаемся.

Это первое золото найденное в Калифорнии. На месте Коломы греческие переселенцы основали поселение Новая Смирна, и буквально через несколько дней один из них на охоте нашел эти самородки. Не ввали экскурсоводы, там золото можно было найти буквально на земле. Теперь я думаю дело пойдёт, главное чтобы остальные мои люди не бросились в те места. Золотая лихорадка она такая, практически не излечимая.

Положив самородки в карман, я вышел из конторы. Скоро нам понадобится банк. Отдельно стоящее здание, обязательно кирпичное с просторным хранилищем с толстыми дверьми и замками. И надо подумать над тем, кто там будет работать. Эти люди должны быть кристально честными, это же такой соблазн, что и представить страшно.

А вообще, поселок у нас очень утилитарный, необходимо это исправлять. Старателям должны тратить деньги, вот и надо им эту возможность предоставить. Только не так как на диком западе: салуны, бордели и прочие непотребства. Нет, у нас все должно быть культурно. Без питейных заведений, конечно, не обойтись, но вот всего остального надо избежать. А еще надо будет начать отливать собственную монету. Золотой калифорнийский доллар, звучит!

Интересно, где сейчас Нектарий, надо зайти к нему и показать содержимое моих карманов...

— Здравствуйте, ваше преподобие.

— Здравствуйте, мистер Гамильтон. С чем пожаловали в храм божий?

— Да вот, хочу вам показать кое-что, — говорю я и достаю золото.

— Вот оно что, пойдёмте в мою келью, здесь не место такие разговоры вести.

Кельей Нектарий называет небольшой домик рядом с церковью, у него там поистине спартанские условия, ничего лишнего.

— Как видите, я был прав, — продолжил я когда мы зашли к нему, — мои люди нашли золото. Во всем остальном я тоже прав.

— Посмотрим, мистер Гамильтон.

— Вы уже решили, как будете выполнять мою просьбу по поводу Кончиты?

— Да, но одному это будет сложно сделать. Девочка же особенно близка с вашей

женой, Марией Мануэлой?

— Да, верно.

— Я могу с ней поговорить?

— Конечно.

— Тогда я зайду к вам вечером.

— Как вам будет угодно. И раз уж мы нашли золото, я могу вас попросить съездить в оба наших новых поселения? Провести душевную беседу.

— Кесарю кесарево, а Богу божье?

— Именно так.

— Хорошо, я съезжу туда.

— Я буду вам очень признателен.

На этом мы расстались, и я поехал к Луке, у которого что-то там не заладилось в разработке новой взрывчатки.

* * *

— Давай рассказывай, что идет не так?

— Мне нужен растворитель для нитроглицерина и нитроцеллюлозы, мистер Гамильтон. И еще я подумал, что нужно добавить в будущую смесь что-то что позволит её формовать.

— И что именно ты думаешь добавлять.

— Думаю, что вот это, — сказал Лука и показал мне странную желеобразную субстанцию.

Я, проведя по ней пальцами и принюхавшись, понял что это. Это был петролатум, нефтяное масло, предшественник вазелина.

Лука рассказал мне очень интересную историю. Оказывается, местные жители всю используют петролатум как средство защиты кожи от ветра.

Как настоящий изобретатель Лука, увидев эту штуку у одного из местных, сразу смекнул, что она может пригодиться.

И он абсолютно прав, я очень надеялся, что он получит что-то похожее на кордит или баллистит. А неотъемлемым ингредиентом для изготовления этих видов взрывчатки является как раз таки вазелин или его заменитель.

— Думаю, ты прав. Это должно подойти, — это подойдет сто процентов, я в этом уверен, но вслух я, конечно, такого не скажу, творец у нас Лука.

— Наверное, но пока все равно нужен растворитель.

— Так в чем дело? Придумай что-нибудь.

— Да я уже придумал. Ацетон должен подойти. Которого у нас нет, я узнавал.

— И? В чем проблема его изготовить?

— Я не знаю как, мистер Гамильтон. Неверное, ответ есть в тех книгах которые Николай Резанов привез из Новоархангельска. Я слышал, как ваша жена говорила, что там есть и книги по химии.

— Тот же вопрос. В чем проблема посмотреть?

— Дело в том, что я не знаю русского языка.

— Значит так, молодой человек. Я вам помогу в этом вопросе, но последний раз. Раз уж так получилось, что большая часть нашей научной литературы у нас на русском, то ты как,

человек этой самой наукой занимающийся, должен русский язык знать.

— Мистер Фултон его тоже не знает.

— А ты не сравнивай себя и Фултона. Ему подсказки не очень-то и нужны, он и без них справляется. А ты нет. Так что завтра идешь к отцу Нектарию и просишь его начать заниматься с тобой русским языком,

— Вы думаете, он владеет научными терминами?

— Нет, конечно, но это будет вторая ступень обучения. Сначала ты должен просто научиться говорить на русском, а потом уже я буду с тобой заниматься.

— Я думаю, что это будет нужно не только мне, но и всем вашим бывшим ученикам.

— Правильно, вот и организуй товарищей. Договорились?

— Да, мистер Гамильтон.

На этом мы с Лукой расстались и я поехал в контору. По пути я снова задумался про Кончиту и понял что вот отличный способ начать выполнять мой план. Пусть возлюбленная Резанова начнет изучать русский язык вместе с остальными, а уж Нектарий найдет к ней подход.

Значит так ацетон. По идее у Ломоносова должна быть про него информация. Посмотри, посмотрим...

Через пару часов я действительно нашёл все, что мне нужно. Ацетон сейчас изготавливают методом сухой перегонки ацетата свинца, а его производили тем же методом из древесины.

Нам впору задуматься о еще одной лесопилке, которая будет работать исключительно на выработку сырья для нашей примитивной химической промышленности. Хотя почему примитивной? Мы получаем все что требуется, а большего пока и не надо.

А Резанову надо памятник поставить, большое дело сделал Николай Петрович, когда привез мне эти книги.

* * *

С золотом дело пошло очень быстро. Через пару недель «Святая Луиза» доставила еще нескольких колонистов, которые тоже привезли самородки, и их было уже больше чем у Ангелоса.

И народ, что называется, взволновался. Всем хотелось бросить все свои занятия и чуть ли не вплавь перебираться через залив и искать, искать, искать. Пришлось объяснять людям, что золото мало найти, его надо еще и потратить где-то. А с этим пока не густо, и если жители поселка хотят, они вполне могут проявить здоровую инициативу и тоже заработать, но не на самой добыче, а на обслуживании старателей.

Надеюсь, что намеки были даны достаточно прозрачные и скоро у нас начнется всплеск «предпринимательской активности». Правда оставался еще вопрос с теми кто работал на важных предприятиях, таких как оружейный и металлургический завод. Для них я решил внедрить уникальную пока систему социального пакета.

Идея простая, работаешь на меня, получаешь большое количество привилегий, нормированный рабочий день, выходные, медицинское обслуживание, и прочее. Все то, что обеспечит комфортную и беспроблемную жизнь.

Хочешь заняться предпринимательством? Вперед в свободное плавание, плати налоги,

достаточно шадящие пока, и богатей. Правда всё, что мои работники получают бесплатно, господам предпринимателям придется оплачивать. Кроме образования детей, конечно, оно всегда будет бесплатно для всех. Или как минимум до того момента когда у нас не появятся всякие не обязательные профессии, типа музыкантов или артистов. Этому будут учить исключительно за деньги.

Добыча золота побудила меня наконец расставить все точки на *i* в моих странных взаимоотношениях с пока еще официальной властью в обеих Калифорниях. Пора уже объявить себя местным правителем.

* * *

Десятого апреля я во главе большого отряда из сотни вооруженных семинолов, прихватив для солидности два орудия, выступил на Монтеррей.

— Итак, маркиз, вы здесь со своими солдатами, я все таки надеялся, что все ваши слова про бунт, это пустая бравада.

— Сеньор де Аррилаго, я слов на ветер не бросаю. И сейчас пришла пора уже объявить независимость Верхней Калифорнии от Новой Испании, на нижнюю Калифорнию я пока не претендую, и вы можете просто отправиться туда. Найдете там резиденцию не хуже Монтеррея.

— Пока не претендуете?

— Конечно пока. Кто бы не победил в Новой Испании, сторонники Карла Четвертого или сторонники независимости, у тех и других просто нет возможности контролировать нижнюю Калифорнию, Рано или поздно я и ее заберу.

— И вы думаете, что двух сотен ваших индейцев хватит, чтобы контролировать такую огромную территорию?

— А кто сказал, что у меня их все время будет двести? Двести это только начало. Но отвечая ваш вопрос, то да, пока хватит. Но это все досужие разговоры. Сеньор губернатор, у вас ровно одна минута, или вы подчиняетесь или можете проваливать куда хотите.

— Вы не оставляете мне выбора. Калифорния ваша.

— Отлично, она и так была моя, но звучит красиво. С сегодняшнего дня у вас пойдет совсем другая жизнь. Мне ваши хоромы даром не нужны, — Сказал я, указывая на дворец губернатора, — живите здесь, сколько хотите, но вот все административные функции я из Монтеррея забираю себе в поселок. И это касается и всех католическими миссиями в Калифорнии. То, как монахи управляют местными индейцами, ничего кроме ругательств у меня не вызывает.

Вот так вот я и стал узурпатором, захватившим огромную территорию. Бонапартом местного разлива, так сказать.

Калифорния у меня будет нормальной страной, и ей нужны символы государственности. Первым из них стал флаг, придумать его я попросил Марию Мануэлу...

— Дорогая, нашей стране нужен флаг.

— Вот как, у нас уже целая страна?

— Да, чем мы хуже Новой Англии?

— И какая же форма государственного устройства у этой страны? — вот чего она улыбается, разговор то серьезный.

— Республика, конечно. Я же, все-таки один из отцов основателей США. Как может быть по-другому?

— Вы, маркиз, болтун. Отец основатель, ну-ну. И когда будут выборы в вашей республике?

— Как когда? Они уже прошли, странно, что вы их не заметили, сеньора. Избиратели единогласно проголосовали за наделение меня неограниченными пожизненными полномочиями. Я не мог противиться воле народа и согласился

— Единогласно, говорите?

— Да, абсолютно все.

— И сколько их было, позвольте спросить?

— Первая леди нашей республики чертовски умная женщина, раз задает такие вопросы. Избиратель был один, и он проголосовал за себя.

Так, хватит уже шутки шутить, Сгребаю жену в охапку и целую. Вообще я хотел с ней поговорить о флаге, но видимо разговор придется отложить...

— Что ты там говорил о флаге, — спрашивает меня Мария Мануэла, приводя себя в порядок.

— Я говорил что он нам нужен. Понятно что пока для внутреннего пользования. Наши корабли в любом случае будут вывешивать американские или испанские, в зависимости от ситуации. Но я все равно хочу что-бы он был.

— Ты же знаешь, что я хорошо умею вышивать, как и любая порядочная испанская женщина моего круга. Ты уже придумал, что будет на флаге?

— Да, — отвечаю я и показываю мой корявый набросок.

Я ничего не стал выдумывать и как смог нарисовал флаг Калифорнийской республики из будущего. Белый фон, красная полоса снизу, звезда и бурый медведь на зеленой лужайке.

— Интересное у тебя видение флага твоей республике, но хорошо, сделаю.

* * *

Двадцать шестое мая тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона возле Миссии Долорес. Новая столица Калифорнии.

— Что тут у тебя Панайотис? — обращаюсь я младшему сыну Дукаса. Он единственный из моих капитанов пока безлошадный, его «Флорида» давно уже плавающий склад и когда он получит новый корабль это большой вопрос. Если вообще получит.

Поэтому пока он командует фортом на южном берегу пролива. Пару часов назад ко мне прискакал один из его бойцов и сказал что дело срочное.

— Посмотрите сами, мистер Гамильтон, — отвечает он и подает подзорную трубу. Я минут пять всматриваюсь в горизонт, а потом замечаю что-то на горизонте.

— Это же парус. Я прав?

— Да, вы правы.

— Интересно, кого к нам черти принесли.

— Вечером узнаем, мистер Гамильтон.

— Ладно, ты будь наготове. Я поехал в поселок.

Так, надо приготовить комиссию по встрече незваных гостей. Оба форта и северный и южный уже в повышенной боевой готовности, но этого мало.

Первым делом я отправился к Дукасу на пристань. Ему Панайотис тоже отправил гонца но в отличие от меня, наш одноногий капитан не стал переться в форт к сыну. Нет, он сразу собрал команду «Святой Луизы» и сейчас разводит пары, готовясь выйти на встречу неизвестному кораблю.

Ший тоже собрал своих бойцов, сейчас у него полторы сотни солдат. Еще четыре десятка раскиданы от новой Смирны до Монтеррея. Лука расстарался и семинолы первыми получили новые боеприпасы. Те же папковые патроны но уже с нитроцеллюлозой и, самое главное с остроконечной стальной пулей.

Прицельная дальность стрельбы их винтовок сразу возросла с шести сотен метров до восьмиста, а Гектор, наш уникам снайпер вообще бьет на километр.

Жалко только что у Луки пока затык по новой взрывчатке. Вроде бы он делает все правильно, нитроцеллюлоза плюс нитроглицерин, растворенный в ацетоне с добавлением петролата в качестве желирующего компонента. Но что-то у него пока не получается подобрать нужные пропорции.

Впрочем это временные даже не трудности, так затруднения. Мы оба знаем, что у него все получится.

Остальные мои оружейники тоже пока на гора ничего нового не выдали. Но я и не тороплю. Винтовки системы Крнка и пистолеты меня пока устраивают. Лука говорит что скоро его команда покажет что-то совсем новенькое но пока тишина.

— Что происходит, сеньор де Каса Альмендарес? — спросил меня де Карраско, когда стрелки Шияя начали занимать предписанные на этот случай позиции.

Этот испанский офицер горячо поддержал мою узурпацию власти и стал одним из моих самых верных сторонников из числа чиновников старой администрации. Не знаю, что послужило этому причиной. Толи он просто умел держать нос по ветру, толи действительно загорелся идеей независимого государства здесь на краю мира, но мне было все равно.

Главное что вояка он очень опытный и умелый, четверть века назад он, еще безусым мушкетером, принимал участие в испанском завоевании Флориды, и опыта и амбиций у него было столько, что на троих хватит. Сейчас он командовал двумя десятками солдат, которые и являлись главной военной силой до моего прибытия в Калифорнию, но всеми силами показывал что способен на большее.

— У нас гости, сеньор де Карраско. Неизвестный корабль идёт к нам.

— Долго же раскачивался новый вице-король Новой Испании. Вы больше года назад устроили знатный фейерверк в Акапулько, и только сейчас мы видим реакцию на это.

— Думаете, это сторонники де Арнсана?

— Наверняка, больше просто некому.

— В любом случае, скоро узнаем. Сеньор де Карраско, вы знаете что делать вашим людям. Я вас не задерживаю.

— Да, господин президент, слушаюсь, — испанец толи в шутку, толи в серьёз перешёл на английский и деланно кивнув, отправился к своим людям.

В этой беготне прошло целый день. И когда у нас, наконец, всё было готово, неизвестный корабль подошёл к входу в пролив.

Я поднялся на наблюдательную позицию в южном форте, достал подзорную трубу и начал всматриваться, пытаюсь разглядеть флаг на мачтах пришельца.

— Мистер Гамильтон, я такого флага никогда не видел, — сказал мне стоящий рядом Панайотис.

— Я тоже, но у них еще и белый флаг. Явно они хотят переговоров.

Итак, к нам прибыли представители повстанцев в Новой Искании. Вряд ли кто-то другой мог бы использовать флаг пока не существующей Мексики. Интересно, что им тут надо?

Хотя я не особо то и удивлен, де Карраско прав. После того как мы устроили в Акапулько это был вопрос времени, когда придут гости и хорошо что это произошло сейчас, когда мы уже можем их как следует встретить. С борта, скорее всего корвета, спустили шлюпку, и она медленно направилась к берегу.

— Отправь кого-нибудь встретить наших гостей, — говорю я сыну Дукаса.

Он кивнул и отдал необходимые распоряжения. Шесть человек во главе с его заместителем тут же направились к месту предполагаемой высадки...

— Значит, уже год в Мексике и на Кубе идет война? — спросил я сеньора Хорхе Морено, посланника правительства свободной Мексики, так назывались сепаратисты, ведущие вооруженную борьбу с новым вице-королем.

После моего ухода из Акапулько этот город стал фактическим центром борьбы за независимость, пока не удачной, верные Филиппу Четвертому силы обложили его достаточно плотно

— Всё верно, сеньор де Каса Альмендарес.

— И как я понимаю, уважаемый Мигель Идальго-и-Кастилья просит моей помощи? — как я и предполагал мой случайный знакомый стал предводителем повстанцев. Видимо у этого священника на роду было написано войти в историю именно таким образом.

— Да это так. С вас началась наша революция, и вы должны нам помочь.

— С чего вы взяли, что я вам хоть что-то должен? Я не собирался ничего делать и если бы новый вице-король не попытался меня арестовать, ничего бы не произошло. Мы бы спокойно отдохнули в Акапулько и двинулись бы сюда.

— Но сеньор, вы же один из тех, кто стоял у истоков революции в Новой Англии. Неужели такой человек как вы не поможет нам в борьбе за свободу?

— Мистер Морено. Оратор из вас, скажу прямо, так себе. Почитайте на досуге речи французских революционеров, наберитесь опыта. То, что я когда-то там в чем-то там участвовал, сейчас ровно ничего не значит и теперь у меня исключительно прагматический взгляд на жизнь. Предложите то, что меня заинтересует, и я подумаю как вам помочь.

— Я не уполномочен вести какие-либо переговоры и что-то предлагать.

— Неправда, уполномочены. Иначе бы вас тут не было бы. Предлагайте.

— Сначала я бы хотел услышать, чем вы можете помочь нашему делу?

— Это не я пришёл к вам, а вы ко мне. Мне от вас ничего не нужно.

— Может быть, вы тогда озвучите свои пожелания и свои возможности.

«Патриоты» прибыли за оружием. Почему это произошло только спустя год после моего сольного выступления в Акапулько, Морено не сказал. Подозреваю, всё дело в том, что у них поначалу все складывалось неплохо, а потом, когда им как следует намяли бока, сразу

вспомнили обо мне. Правда, ничего ценного они предложить не могли. Ничего, кроме того, что им и так не принадлежит.

Не знаю, какой у Морено был первоначальный план, но он быстро смекнул, что случилось в Калифорнии и пообещал, в случае победы, признание моей новорожденной Калифорнийской республики, военный союз и беспошлинную торговлю на территории Новой Испании на сорок девять лет. Взамен ему нужны были винтовки, пистолеты, патроны и взрывчатка.

Предложения были нормальные. Мне в любом случае нужно чтобы их восстание продержалось как можно дольше, ведь если роялисты победят, они неминуемо посмотрят на северо-запад. Кто там такой нарядный сидит? А, это мятежный маркиз!

И меня раздавят. Особенно если узнают про золото. Никакие пушки и винтовки не спасут, потому что просто нет людей, которые будут этим оружием воевать.

Но ясейчас не мог помочь по-настоящему. Производство еще толком не стартовало. Мы только-только произвели пробную партию из десяти винтовок с использованием местного железа.

Если бы Морено прибыл через месяц, было бы совсем по-другому, но пока я мог дать ему всего сто винтовок, пятьдесят пистолетов, двадцать килограмм динамита, пятьсот разрывных ядер и по три тысячи патронов на ствол винтовки и по пятьсот на каждый пистолет. Это конечно не считая сотни кремниевых мушкетов, часть из которых мы затрофеили в Акапулько, а часть досталась нам уже здесь.

Но посланник восставших был рад и такому количеству оружия. Тем более что мы договорились о том, чтобы наладить регулярное сообщение между Акапулько и заливом Сан-Франциско, если восстание в ближайшее время не подавят, конечно.

Морено и его люди отдохнули в поселке всего пару дней и отправились в обратный путь, месяца через четыре стоит ожидать появления следующего корабля от них.

Помимо обещаний на будущее мы договорились о кое-каких поставках в обмен на оружие. Хлопок, селитра, железо, медь. Нам нужны любые ресурсы. Кроме того я намекнул, что если кто-то из жителей Новой Испании захочет поискать лучшей доли, то им здесь будут рады. Люди по-прежнему наш самый главный дефицит.

Да, испанцы ушли, но к их следующему появлению я смогу подготовить для них намного более серьезную поставку оружия. Уж несколько сотен винтовок то мы точно изготовим.

И раз уж такое дело, нужно подтолкнуть Луку со взрывчаткой, новые разрывные ядра тоже лишними не будут.

* * *

В начале июня состоялось еще одно событие. Вернулись Плетнев и Резанов. И их появление произвело фурор.

Начну с того что им удалось установить хорошие отношения с Гавайским королем Камамеа. Он был очень доволен прибытию моей экспедиции, тем более что в качестве подарков Плетнев оставил ему полсотни кремниевых мушкетов, это очень сильно укрепило игрушечную армию этого игрушечного короля.

Тем более что ему оружие было очень сильно нужно. Одиннадцать лет назад родной

брат Камамеа поднял восстание, король его, конечно, его подавил, но у него еще родственники имеются, да и с автономией острова Кауаи ему хотелось покончить.

Ну а воспользовался этим Резанов. Этот хитрый жук взял на борт в Новоархангельске не только уголь для экспедиции и меха на обмен в Китае, но и десяток русских во главе с Сысоем Слободчиковым, они будут добывать на Гавайях жемчуг. По планам Николая Петровича общаться с этими райскими островами будут на судах Русско-Американской Компании, ну что ж это хорошо, я прямо заинтересован в процветании русской колонии на Аляске. На обратном пути из Китая они снова зашли на Гавайи, но об этом чуть позднее.

В Кантон мои корабли прибыли в начале января тысяча восемьсот седьмого года. И застряли там почти на два месяца:

— Вы не представляете мистер Гамильтон, какие там чиновники. Куда том нашим казнокрадам. Сначала им подарки нужны, без них даже на порог не пустят. Правда, потом наизнанку вывернутся. Да и местные испанцы помогли.

Да, у Плетнева хватило наглости зайти в Кантон под испанским флагом и представиться доверенным лицом предыдущего вице-короля. Местная испанская миссия оказала ему очень большое содействие, но и он не промах.

Результаты его миссии впечатляли. Помимо превосходного железа он привез: фарфор, чай, рис, гречиху, специи, шёлк и личинки тутового шелкопряда. Просто грандиозные результаты, но и они не главное, как оказалось.

А самое главное, что он сманил почти пятьдесят человек различных мастеровых, в основном конечно всяких помощников. Многие с семьями, но были и холостые. Для того чтобы проверить этот найм Плетнев с Резановым потратили очень много меха и золота, которое хоть и считалось королевским металлом в Китае, но местные крючкотворы его брали, воровато оглядывались, но брали.

Так что китайцы появились в заливе Сан-Франциско намного раньше, чем должны были. Теперь критически важно не допустить в моем поселке появления мини чайнатауна. Никакого компактного проживания нац. меньшинств здесь не будет. Только максимально быстрая ассимиляция.

Успешно завершив все свои дела в Китае, Плетнев с Резановым двинулись в обратный путь. И снова зашли на Гавайи. Там они продемонстрировали местным жителям, что новые могущественные друзья Камамеа его не забывают, взяли на борт груз жемчуга для русско-американской компании, отдохнули и двинулись домой, в залив Сан-Франциско.

Помимо всего прочего Плетнев еще и невесту себе привез с Гавайев, миленькую девушку со странным именем Кинау, которая была племянницей Камамеа.

— Николай Иванович, так вы скоро будете членом королевской семьи Гавайев? Вам тамошний король уже титул дал? Вы теперь кто? Граф, князь или может быть герцог?

— Скажете тоже, мистер Гамильтон, титул. Мне и жены достаточно.

— Уже решили, когда свадьба?

— С этим не все так просто. Нектарий дюже ревностно относится к своим обязанностям. Сначала её нужно русскому научить, потом окрестить, а только потом уже свадьба.

— А что долго ли покрестить?

— Ежели все делать по правилам — долго, это целая наука.

— Понятно, смотрите сами. А что это вы в Японию не зашли? Мне казалось, что Резанов жаждет взять реванш за свой дипломатический провал.

— Врать не буду, он хотел. Но мы с ним посоветовались и решили, что слишком уж сил у нас мало, чтобы его доводы были достаточно убедительны для японцев. Бог даст, еще сходим.

— Все может быть Иван Петрович, все может быть. Как себя машины показали?

— Вы знаете, хорошо. Мы, правда, на обратном пути их толком не использовали, течение там очень хорошее и попутное, но вот на пути в Китай они поработали на славу.

— Приятно это слышать.

Мы еще немного поговорили с Плетневым, и он отправился отдыхать. Я был несколько удивлен, что он не продолжил разговор, который завел перед путешествием в Китай, но решил его не форсировать.

Прибытие Плетнева позволило нам ускорить строительство куттеров и скоро мы прекратили гонять серьезные корабли по заливу, и они встали на тех. обслуживание.

* * *

Двадцатое июня тысяча восемьсот седьмого года. Дорога из Монтеррея в Поселок Гамильтона. Калифорния.

— Где там этот де Карраско, — с недовольством спрашиваю я Плетнева.

— Если его отряд не рвался на засаду, что вряд ли, его люди займут позицию позади испанцев через пару часов.

— Надеюсь, — отвечаю я и снова начинаю рассматривать в подзорную трубу позиции противника, по которым воины Шиая ведут беспокоящий винтовочный огонь. Ядер для пушек у нас уже нет, но они и не понадобятся. Мы и так почти окружили вражеский отряд. Когда кольцо сомкнется, мы атакуем.

Как позже выяснилось, карательная экспедиция нового вице-короля еще в середине апреля прибыла в Селение Девы Марии, Царицы Ангелов, на реке Порсьюнкула, предтечу Лос-Анджелеса из будущего. Там они отдохнули пару дней, договорились с руководителями миссии Архангела Гавриила о том, что те прикажут местным индейцам помочь роялистам и выступили в поход на Монтеррее и Миссию Долорес.

Всего прибыло порядка двух сотен солдат при четырех пушках. К ним добавилась команда одного из кораблей, тот был более не пригоден для плавания. Итого всего около четырех сотен человек. К ним также присоединилось более пяти сотен индейцев.

Более чем внушительный отряд по местным меркам, и командир испанцев, полковник Мигель де Вилья-Инклано, решил, что его будет достаточно.

Они вошли в Монтеррей три дня назад и сходу принялись «наводить порядок», первым делом был расстрелян губернатор обеих калифорний, а затем еще четыре человека, которых подозревали в сотрудничестве с изменником, то есть со мной. Затем этот отряд двинулся дальше на север, намереваясь захватить, а потом и уничтожить Миссию Долорес и мой поселок.

По счастью этот отряд заметили несколько индейцев олони, которые проживали в Миссии Долорес и мы были предупреждены. Пришлось спешно снимать пушки с южного форта и собирать команды наших фрегатов, в помощь семинолам и солдатам де Карраско. Сборы заняли несколько часов, и мы вышли навстречу противнику под вечер.

Первое сражение в истории армии новорожденной калифорнийской республики

состоялось на следующий день, двадцатого июня...

Изначально Шиай предлагал ночью подобраться к лагерю роялистов, снять часовых и просто взять всех в ножи. План был неплохой, но вот с часовыми получилось не очень хорошо. Де Вилья-Инклано толи сам участвовал в боях за Акапулько, толи ему передали во все подробности, но он учел, что семинолы хорошо дерутся ночью и выставил, чуть ли не тройные караулы.

В итоге от ночной атаки мы отказались и просто вели беспокоящий огонь из винтовок по вражескому лагерю. Пушки подкатить на дистанцию выстрела не получалось.

* * *

Хорошо, что мы не стали брать с собой никого из олони, хотя несколько сотен из них горели желанием выступить с нашим отрядом. Перемены в их жизни при новой власти стали настолько разительны, что они массово хотели защитить её. Если победим, предложим части из них вступить в армию, но пока они просто обуза.

То, что это так, я убедился на примере индейцев тонгва, которые пришли вместе с роялистами. Те побежали практически сразу. Ядер для пушек у нас было не очень много, сказалось то, что мы отправили их сепаратистам, поэтому, сначала вели только огонь из винтовок.

Так вот, пока тонгва стояли просто под винтовочными выстрелами, они еще как-то держались, а вот когда я приказал начать обстрел из пушек, побежали. Это для них стало чересчур.

В результате силы полковника де Вилья-Инклано моментально сравнялись с нашими. К чести его солдат, они не побежали вслед за своими индейскими союзниками, а попытались рассредоточиться и вести ответный огонь из мушкетов, артиллерии мы их лишили последними залпами наших пушек, чья дальность стрельбы и могущество снарядов намного превышало то что было у испанцев.

Правда чуть ли не последним выстрелом одно из наших орудий взорвалось, видимо всё-таки, как я не пытался контролировать технологию производства, некоторые ядра получились бракованными. Это стоило жизни сразу пятерым нашим людям, а еще четверо получили различные ранения. Надеюсь, что Лука наконец-то доделает свой протокордит. Он намного безопасней динамита.

Ну наконец-то! Я слышу, как в тылу испанских позиций гремят взрывы динамитных шашек, которые солдаты де Карраско сейчас используют вместо гранат. Это сигнал и мы атакуем. В штыковую никто бежать не собирается, группы наших бойцов семинолов, под прикрытием экипажей кораблей, которые выступают в роли стрелков, делают короткие рывки вперед, залегают и уже сами обеспечивают прикрытия морякам.

Зато роялисты пытаются лихим наскоком добраться до моих солдат и сойтись в рукопашную, но мы не собираемся давать им такого шанса, и винтовочные залпы буквально косят контратакующих испанцев. Это уже чересчур и для них и роялисты сдаются.

Противник потерял убитыми и ранеными более трехсот человек, при этом большая часть из них как раз прибывшие из Новой Испании солдаты, наши потери составили двадцать четыре человека убитыми и пятнадцать ранеными.

— Мистер Гамильтон, у вас получилась недурная мини армия. Конечно, не понятно как

бы все обернулось, если бы у противника было больше пушек, да и винтовки подобные вашим скоро появятся у всех заинтересованных в этом стран. Но пока все очень хорошо.

— Согласен, Иван Петрович. Но и мы не стоим на месте, пойдёмте, примем капитуляцию, там уже все готово.

Хоть солдаты испанцев и побросали оружие, но оно еще осталось у уцелевших офицеров, во главе с полковником Мигель де Вилья-Инклано, по нынешним обычаям войны они должны лично сдать свои шпаги.

В сопровождении Плетнева, Резанова и еще нескольких человек я подошёл к окруженным испанцам и обратился к ним:

— Сдавайтесь сень... — договорить я не успел, один из офицеров роялистов выхватил откуда-то небольшой пистолет и в упор разрядил его в меня...

Первое июля тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона. Калифорния.

Хорошо, что у этого уroda руки тряслись, и попал он мне не в грудь. Но перелом плечевой кости правой руки, а самое главное, порванная артерия это тоже далеко не насморк. Я запросто мог остаться на той дороге, но повезло.

Вернее, к везению это отношение не имеет. Просто я был не единственным медиком в отряде. Марию Мануэлу я, естественно, не потащил на поле боя. Но вот мэтр Абенамар и еще три врача были со мной. Вот они меня и прооперировали, морфин, веселящий газ и все остальное для этого у нас было с собой, при этом мэтр еще и очень остроумно зафиксировал раздробленные кости стальной пластиной, чем на самом деле, спас мне руку. За это ему большое человеческое спасибо.

Поэтому с ответным дружеским визитом мои корабли ушли без меня. Плетнев, Резанов и прочие посовещались и решили сжечь Сан Блас. Раньше из этого порта раз в год ходили корабли в Калифорнию, и из него же отправился к нам отряд полковника де Вилья-Инклано.

Вчера все три моих корабля с паровыми двигателями ушли в Мексику, а я остался. Пару дней полежал в кровати и снова в бой, рука, конечно, просто адски болит, но морфином лучше не злоупотреблять.

Ну а я сижу в своем кабинете и веду относительно светскую беседу с полковником де Вилья-Инклано...

— Рассказывайте полковник, какие у вас были распоряжения по поводу меня, моих людей и нашего поселка. Грубить или запираяться не советую. У меня очень плохое настроение.

— Все очень просто, сеньор де Каса Альмендарес. Вице-король лично поручил мне по возможности пленить руководителей бунтовщиков, уничтожить ваше поселение и вывезти все имущество в Новую Испанию.

— И для этого, вы первым делом расстреляли бывшего губернатора и еще несколько не причастных людей?

— Да, я счел, что будет уместно.

— Я вот тоже думаю, что будет уместней: расстрел или повешение? Вам что больше по вкусу? И предупреждаю сразу, вы в любом случае будете казнены за то, что вы сделали в Монтеррее.

— Моя семья достаточно влиятельна как в самой Испании, так и в колониях.

— Как мило, вы еще и торгуетесь. У вас ничего не получится. Может быть, с вас действительно можно что-то поиметь, но нет. Мне важно показать моим людям, что они мне важнее, чем какие-то выгоды. А предыдущий губернатор стал моим человеком ровно в тот момент, когда добровольно передал мне власть.

— А что будет с остальными пленными?

— Если среди них есть те, кто участвовал в расстреле в Монтеррее, то они разделят вашу участь. Остальным будет предложен выбор. Или пешком и без оружия возвращаться в Мексику, или жить здесь.

Я хотел расспросить полковника еще о нескольких вещах, но что-то меня накрыло, и я приказал его увести.

Итак, у меня сотня пленных и два корабля, плюс много трофейного оружия. Сначала надо решить, что делать с трофеями. Это проще.

* * *

Еще на заре, скажем так, моего производства оружия, я планировал переделывать кремниевые мушкеты под новый замок. В итоге от этого мы отказались из-за пересортицы калибров, но сама идея осталась.

И вот сейчас я решил к ней вернуться. В принципе, если сделать аналог пули Менье, то должно все получиться. Она же все равно чуть-чуть в стволе расширяется, как раз то, что нужно.

Свинец у нас еще есть, кстати, надо будет в Кантоне его закупить, а новые патроны вообще мы делаем со стальными пулями.

Но надо не все мушкеты переделывать, штук сто из пяти сотен лучше оставить, как и все пистолеты. Индейцам Калифорнии я раздавать современное оружие пока не собираюсь.

Захваченное холодное оружие надо будет рассортировать, негодное в переплавку, а хорошее на хранение в арсенал, который тоже ещё предстоит построить.

Самыми ценными трофеями, безусловно, являются корабли сорокапушечный фрегат и флейт. Последний, правда, сильно поврежден, но это не беда. Это каратели полковника де Вилья-Инклано не смогли бы его отремонтировать, а мы совсем другое дело. Приведем в порядок, поставим паровую машину и получится отличный грузовик для визитов в Новоархангельск.

Кстати, туда мне уже давно пора навеститься, лично познакомится с Барановым и вообще посмотреть, что там к чему. Я собирался навестить его ещё в июле, но война эта дурацкая снова отложила выполнение этого плана.

Я вышел на улицу, подождал пока мне, как настоящему маркизу, подадут карету, и поехал к Луке. Обычно я предпочитаю верховую лошадь, но сейчас очень не хотелось растрясывать руку, она и так болит. Надо уже что-то делать с кордитом, нормальных боеприпасов считай не осталось, только захваченные у испанцев. А они качественного превосходства не дадут. Да и гранаты нам тоже нужны, использовать в их качестве динамитных шашек — это перевод ценной взрывчатки, нужна оболочка, которая создаст волну поражающих элементов.

Кроме того, нужны нормальный капсюль и детонатор, от бикфордового шнура тоже надо уходить там, где это возможно. Бертолетова соль для этого не очень хорошо подходит, поэтому необходима гремучая ртуть.

Чувствую, что в следующий раз мы повезем из Китая исключительно сырье: медь, свинец, ртуть, селитру, бумагу тоже нужно будет закупить. Странно, что Резанов с Плетневым сами этого не сделали.

* * *

— Если ты мне сейчас скажешь, что у тебя пока не получилось, ты меня разочаруешь, — Я решил сразу взять быка за рога и начал разговор с Лукой вот так.

— Хорошо, что вы здесь, мистер Гамильтон, у меня есть результат.

— Ну наконец-то!

Вдвоем мы прошли в цех, где Лука остановился возле двух станков, на которых кипела работа.

Первый представлял собой нечто, похожее на мешалку, собственно это она и была.

— Здесь мы перемешиваем смесь, — начал объяснять мне изобретатель, когда его помощник прекратил работу и открыл крышку, — Как видите тут лопасти на двух валах, они вращаются в противоположных направлениях. Работают от одного привода посредством зубчатых колес. Я уже разговаривал с мистером Фултоном, он сделает мне машину сразу после того как закончит с пароходом и двигателями для новых кораблей.

Молодец, проявил здоровую инициативу, а не стал загружать меня или Барри. Растет над собой, хвалю!

— А состав смеси какой?

Высушенная нитроцеллюлоза плюс нитроглицерин, растворенный в ацетоне и жидкий петролатум.

— А чем вы его разогреваете?

— Котел стоит в другом помещении, я стараюсь разводить потенциально опасные стадии по разным местам. Не дай Бог еще рванет. Пока что используем тележку, но я уже заказал вагонетку и рельсы.

— Просто прекрасно, у тебя тут скоро будет очень хорошо оснащенное производство.

— Спасибо, мистер Гамильтон.

— Сколько у тебя уходит времени на приготовление смеси

— Два-три часа. Потом, когда она готова, мы ее перекладываем вот на этот столик с вальцами.

— И получают листы взрывчатки. Умно.

— Да, все так.

— С технологическим процессом все понятно, но я хочу и результат увидеть.

— Пойдёмте, уже все готово для демонстрации...

А ничего так рвануло! Покруче динамита! Это грандиозный успех и абсолютная эклектика. Мы будем стрелять из дульнозарядных пушек шрапнелью снаряженной кордитом! От этой мысли меня разобрал такой дикий смех, что аж слезы выступили из глаз. Всё это время Лука с непониманием смотрел на меня.

— Что с вами мистер Гамильтон? — как бы он не обиделся, явно же ожидалась совсем другая реакция.

— Не обращай внимание. Я после ранения сам не свой. Блестящий результат, просто блестящий. Когда начнешь производство снарядов?

— Ну, мы изготовили несколько ядер для пробных стрельб, болванки я уже заказал, а массовое производство начнем после испытаний и вашего одобрения.

Испытания новых ядер прошли намного правильнее, чем когда я пробовал стрелять их динамитными предшественницами. Несколько переданных Луке индейцев олони заранее отрыли окоп, а Лука подготовил рычаг с падающим фитилем и длинной веревкой.

Очень правильный подход, видя все эти приготовления, мне даже стыдно стало. Я-то когда проводил испытания, вел себя как рискованный идиот. А тут сразу видно, что человек подошёл к вопросу безопасности серьезно и грамотно.

— Давайте, господин изобретатель, демонстрируйте.

— Я думал, вы сами захотите.

— Давай, давай. Ты придумал, тебе и стрелять, — Лука кивнул, подошёл к пушке, зажёл фитиль, и мы заняли место в окопе. Он дернул за веревку и пушка выстрелила.

Поленницу, которая изображала из себя мишень, разнесло буквально на щепки. Прекрасный результат новые снаряды более чем эффективны, к тому же намного нитроцеллюлоза мощнее черного пороха, пусть даже и нитрированного, дальность стрельбы будет просто недостижима для конкурентов.

— Удачное попадание. С первого же выстрела в цель.

— Ну что вы, мистер Гамильтон. Мы заранее пристреляли пушку используя массово-габаритный, по-моему, вы так говорили, макет нового ядра.

— А, ты просто решил покрасоваться? У тебя получилось. Прекрасное представление.

— Рад, что вам понравилось.

— Изготовьте пробную партию, ядер сто и проведите её полноценный отстрел. Если всё пройдет хорошо, можешь начинать производство. И надо будет провести еще одну демонстрацию, когда наши вояки вернуться, — сказал я, имея в виду Плетнева, Де Карраско и Шая.

— Будет сделано, мистер Гамильтон.

— На этом всё?

— Со взрывчаткой да, всё.

— А что? Есть еще новинки.

— Да, я, честно сказать, забыл взять с собой кое-что. Но показывать в кабинете будет даже удобнее.

* * *

Вернувшись на завод Лука, обратился к одному из своих инженеров:

— Костас, принеси, пожалуйста, в мой кабинет свои новинки.

— Конечно, мистер Тамтакос, — так вот какая у него фамилия, хорошо.

— Ты уже мистер? — с улыбкой спросил я у парня, тот моментально смутился.

— Это они сами.

— Не тушуйся, все правильно...

Он не ответил, и мы прошли в его кабинет.

— Итак, что там у вас еще, молодые люди, показывайте, — обратился я к Луке и Костасу. На столе, за которым мы сидели, лежал длинный деревянный ящик. Понятно, новая винтовка или что-то подобное. Очень интересно.

— Новая винтовка и новый пистолет, мистер Гамильтон. Вы уж не обижайтесь, ваш затвор, конечно гениален, но имеет существенные недостатки.

— Вот как? Какие например?

— Из-за особенностей его конструкции у стрелка есть серьезные ограничения по стрельбе вверх, если винтовку слишком сильно задрать, затвор выпадает и патрон вываливается, он же у вас ничем не закреплен. К тому же он чересчур сложный. По большому счету, единственным преимуществом вашего затвора является возможность его использования для переделки мушкетов в нормальное оружие. В нашей новинке все недостатки устранены.

— Лука, я раньше не замечал у тебя склонности к театральным эффектам. Ты сделал отличное вступление, но я до сих пор не видел, про что идет речь. Показывай!

— Собственно вот.

Лука открыл ящик, и я увидел там две винтовки, вернее винтовку и карабин, и два пистолета. Увидев их, я просто обалдел. Это был практически «Ремингтон» тысяча шестьдесят пятого года, пожалуй, лучшая однозарядная винтовка в мире.

— Вот мистер Гамильтон, мы с Костасом давно думали, как улучшить ваш затвор, перебрали массу вариантов, но в итоге решили, что проще придумать новый. Результат вы видите сами.

Это оружие намного проще производить, тут всего три детали, две оси и четыре пружины. Ну и винты конечно, с ними пришлось повозиться, но в итоге все получилось.

Патроны под новое оружие тоже уже готовы. Вот они. Гильза по-прежнему картонная, капсюля тут как такового нет, иницилирующее вещество запрессовано в дно гильзы.

— Ни слова больше, поехали на стрельбище. Проклятый испанец! Из-за него я не могу пострелять из ваших новинок!

* * *

Спустя полтора часа я абсолютно довольный снова был в кабинете Луки:

— Значит так. Производство моих винтовок и пистолетов полностью прекращаем, они больше не нужны. Костас, как твоя фамилия?

— Лендакис, мистер Гамильтон.

— Отлично, мы полностью переходим на производство винтовок, карабинов и пистолетов системы Тамтакос — Лендакис. Старые затворы используйте только для переделок мушкетов. И сделайте для них патроны с пулями Минье. Этим мы компенсируем различие в калибре стволов. Патроны надо будет продолжить выпускать всех видов, просто для старых систем их будет меньше.

— Хорошо, мистер Гамильтон, конечно, — ответил Лука.

— И примите мои поздравления, вы сделали лучшее в мире оружие, которое наверняка будет таковым еще очень много лет. Зайдите ко мне вечером, вас надо по-настоящему наградить.

Да уж. Лука меня действительно удивил, притом не только своими новинками, а тем с какой основательностью он стал подходить к делу, после того как я сделал ему замечания по поводу работы уставшим и русскому языку.

Из парня вообще может получиться толковый такой управленец, которому можно будет доверить и общее управление всеми нашими предприятиями. Правда он еще и конструктор отличный и мне придется выбирать, что более ценное.

А вообще все эти новинки появились очень вовремя. Теперь мы сможем поставить намного больше оружия для повстанцев из Новой Испании. Собственно, я туда спихну практически все старые винтовки. Нам они скоро будут не нужны, а вот им в самый раз. Надо будет только оставить несколько сотен штук для Ахайи.

Интересно как там Селия с моим сыном. Я вообще очень редко о них думаю, а это не правильно. Может всё-таки как-то забрать их сюда? Марии это, конечно, не очень понравится, но думаю что она поймет. Тем более что она и сама скоро станет мамой. К тому

же, я не делал секрета из наших с Селией отношений и Мария знает и о ней и о моем ребенке.

Решено, надо их забрать, Ахайе это тоже будет на руку. Там все-таки война идёт, этот чертов полковник подробно рассказал Плетневу с Резановым все, что происходит в Штатах. Новости эти конечно даже не позавчерашние, но всё-таки понятно, что американцам очень крепко дали по зубам, положение у них намного хуже чем то, что я помню из истории. Не удивлюсь, что и в этот раз британцы подожгут Капитолий с Белым Домом, только теперь уже основательно, так чтобы всё там до угольков прогорело.

И надо будет, как следует допросить всех пленных испанцев и действительно казнить виновных и причастных к расстрелу Монтеррея. Как ни крути, но убийство гражданских, даже формальных бунтовщиков, это военное преступление, за которое должно быть адекватное наказание. В данном случае казнь.

Куда деть остальных я пока не знал, но был уверен, что большинство из них останутся здесь. Пешее путешествие в отсюда Новую Испанию это сейчас изощренная форма самоубийства. И все это прекрасно понимают.

По большому счету ими можно усилить мою крошечную армию, но кто знает какие мысли там в головах. Вдруг кто-то из них настоящий преданный слуга его величества Карла Четвертого и получив снова оружие этот кто-то просто докончит начатое адъютантом полковника де Вилья-Инклано, и совершит героический и самоубийственный поступок.

Так что, на фиг, на фиг. Сначала присмотрюсь к этим людям, а потом уже буду решать ставить их в строй или нет.

Пусть пока поработают в народном хозяйстве, так сказать, грузчики, строители, крестьяне, в конце концов. Надо только приставить к ним надзирателей из числа солдат де Карраско лил даже Шиая. Хотя насчет последних я сомневаюсь. Гордые идальго вполне могут расценить факт, что их надсмотрщики — индейцы как издевательство. А это совершенно не нужно.

И кстати об индейцах, надо будет поговорить с теми олони которые хотели вместе с нами драться с испанцами и предложить им вступить в нашу армию. Территория, которую мы контролируем, постоянно растет, новые поселения создаются и нам нужно все больше солдат для ее охраны. Да и о потенциальных попытках дальнейших нападений испанцев или даже англичан с американцами забывать не стоит. Они вполне могут быть.

Завтра прямо с утра попрошу коменданта Аргуэльо собрать этих добровольцев и предложу им вступить в армию.

Интерлюдия 3

Шестое июля тысяча восемьсот седьмого года. Белый дом, Вашингтон, соединенные штаты Америки.

— Господа, — обратился к своим офицерам генерал-майор Айзек Брок, — мне кажется, пора заканчивать с этим свинарником, предлагаю сжечь его ко всем демократическим чертям! Это будет отличная месть за Йорк!

Собравшиеся встретили это предложение бурными криками радости.

— Полковник Дженнингс, оставляю вам эту честь. Сделайте так, чтобы тут остались одни угли.

— Будет исполнено, сэр! С удовольствием!

Брок оглядел довольных англичан и обратился к своему заместителю, буквально несколько месяцев назад прибывшему вместе со своим двадцатым пехотным полком из Европы.

— Подполковник Росс, вы и ваши люди превосходно себя проявили при Бладенсбурге, на вас местный Конгресс, делайте что хотите, взорвите или сожгите, но он должен быть тоже уничтожен.

— Конечно сэр, будет сделано, сэр!

Спаситель Канады отдал еще несколько распоряжений, и веселая толпа англичан вывалилась на улицу. Там Брок еще раз с завистью посмотрел на двух семинолов, прибывших в Йорк в качестве посланников от верховного вождя Ахайи, вернее на их винтовки, и направился к городским казармам, где был расположен лагерь его армии.

Там ему сообщили, что президент Джефферсон и вице-президент Мэдисон захвачены в плен. Так закончилась финальная кампания этой войны.

А началась она в январе того же года с совещания в этом же кабинете...

* * *

Десятое января тысяча восемьсот седьмого года. Белый дом, Вашингтон, Соединенные Штаты Америки

— Господа, — президент Джефферсон обратился к собравшимся, — положение отчаянное. Детройт контролируется англичанами, они же установили морскую блокаду. Индейцы этого проклятого Текумсе терроризируют Кливленд, а Новый Орлеан заблокирован как с моря — британцами, так и с суши — индейцами из Флориды.

— Вы не сказали ничего нового, господин президент, — поморщился вице-президент Джеймс Мэдисон, занявший этот пост после трагической гибели Аарона Берра.

— Я бы не сказал, что положение отчаянное, господин президент, — слово взял Вильям Гаррисон, до войны бывший губернатором Индианы, а сейчас фактически командовавший армией. Формальным руководителем являлся Джефферсон, но фактическим как раз таки Гаррисон.

— Обоснуйте, Вильям.

— Конечно, сэр. Смотрите, Новый Орлеан хоть и находится в сложном положении, но

ему ничего не угрожает. Вряд ли дикари войдут в город. У Уилкинсона там более четырех тысяч патриотов, они выстоят.

— Патриотов, скажите тоже, — пробурчал себе под нос Мэдисон, — Многие из них пираты. Простые пираты.

— Сначала они патриоты, господин вице-президент, а только потом уже пираты.

— Господа, не спорьте, — прервал, начавшуюся было перепалку Джефферсон, — продолжайте Вильям.

— Спасибо господин президент, так вот. Новый Орлеан вне опасности. Потеря Детройта и возможно Кливленда неприятна, но не критична. Морская блокада это уже более серьезная проблема, но и она не приведет к нашему поражению.

— Пока я не вижу ничего оптимистичного в ваших словах, мистер Гаррисон.

— Терпение, господин вице-президент, терпение. Самое главное, что у нас, помимо армии уже пять милицейских дивизий. Пять милицейских дивизий готовы к боевым действиям. А всего федеральное правительство располагает двадцатью тремя тысячами солдат.

— Это отличные новости, Вильям. Что вы предлагаете делать?

— Как сообщают наши агенты из Йорка, Брок пока копит силы и ждет прибытия сразу двух пехотных полков из Европы. Поэтому пока я предлагаю снять угрозу Кливленду и вернуть под контроль Детройт. И, кроме того, хорошо бы устроить диверсии в Квебеке и Йорке.

— Диверсии это хорошо, какие именно?

— В Йорке мы планируем взорвать резиденцию лейтенант-губернатора и арсенал. В Квебеке портовые сооружения.

— Прекрасный план, надеюсь, этот проклятый Брок взлетит на воздух вместе со своей резиденцией.

— Мы все на это надеемся, господин президент.

Через три недели первая американская армия под командованием генерала Халла вошли в соприкосновение с отрядами Текумсе под Кливлендом. Произведенный к тому времени в полковники английской армии вождь племени шауни не стал принимать бой и индейцы отошли на север. Вдохновленные этим успехом американцы двинулись на Детройт.

Генерал Хал планировал вернуть себе город обойти озеро Эри с запада, захватить Моравиантаун и с запада создать угрозу Йорку, столице Верхней Канады.

Одновременно с этим, вторая американская армия под командованием генерала Ван Ренсселера планировала вернуть Огденсбург и выйти к Йорку с востока

Обе американские армии обладали значительным преимуществом перед противником, особенно это касается первой американской армии. В Детройте базировались всего два батальона пехоты и эскадрон драгунов под командованием полковника Кокрейна, тезки адмирала, который руководил английскими силами в Карибском море, против них было четыре милицейские дивизии, почти двенадцать тысяч человек. Правда к Детроиту отошли силы Текумсе, но генерал Халл их в расчет не принимал.

* * *

Пятое марта тысяча восемьсот седьмого года. Восточный берег реки Мауми,

Мичиган, Соединенные Штаты Америки. Восемь часов утра.

— Все готово? — обратился Текумсе к своему брату Тенскватаве.

— Да, брат. Подарки от Ахайи закреплены на опорах моста.

— Хорошо, когда синие мундиры начнут переправу и повезут пушки, мы взорвем мост.

Под подарками Ахайи Текумсе имел в виду динамит. Посланцы Текумсе недавно вернулись из Флориды с грузом из десятка винтовок, патронов и самое главное, взрывчатки.

Сейчас этой взрывчаткой был заминирован мост через Мауми, по которому вот-вот должна была начаться переправа войск генерала Халла.

— Полковник Кокрейн предупрежден. Он атакует, как только мост будет взорван.

— Хорошо, брат. Ты сам будешь стрелять в этот, как ты его назвал?

— Динамит.

— Да, ты сам будешь стрелять в динамит?

— Да, я лучше всех умею пользоваться оружием Белого Духа.

— Решать тебе, ты вождь.

Через полчаса первая милицейская дивизия американцев подошла к мосту, а через три переправа была в самом разгаре.

В какой-то миле от моста были слышны ружейные выстрелы, там американцы уже вступили в бой с отрядом полковника Кокрейна. Они владели превосходством, но генерал Халл решил, раз уж британский командир настолько глуп, что вышел навстречу его армии с такими ничтожными силами, то лучше всего будет переправиться полностью, включая артиллерию и разом навалившись, уничтожить англичан.

Вот, наконец, по мосту загрохотали первые пушки, совсем скоро они, в соответствии с планом Халла, начнут обстреливать позиции англичан. И их появление это сигнал для Текумсе. Время действовать.

Он встал из-за своего укрытия, располагавшегося в шести сотнях шагов от моста, вскинул винтовку Белого Духа и тщательно прицелился. Даже если кто-то из американцев его и видел, то наверняка не придавал бы этому значения. Что такое один индеец, да еще и так далеко. Невозможно на таком расстоянии попасть в человека.

Но Текумсе и не собирался стрелять в американцев, его целью был динамит, закрепленный на опоре моста. Динамита было много, и он должен был попасть.

Первый выстрел индейца ушел в молоко, как и следующий. Он даже не попал в опору. Третий был уже ближе, а вот четвертым он попал.

Динамит тут же сдетонировал и мост взлетел на воздух вместе с четырьмя пушками и нешуточным запасом пороха и ядер. Воздух наполнился криками раненых солдат и жалобным ржанием умирающих лошадей.

Американцы моментально остановились, мост являлся единственной переправой и как теперь быть, никто не знал. И к тому же на западном берегу, куда успели переправиться чуть более четырех тысяч ополченцев, послышались звуки яростного боя. Пользуясь замешательством противника, Кокрейн атаковал всеми силами.

Его поддержали и индейцы Текумсе, чуть более трех тысяч из них были на западном берегу, а пять на восточном. До этого они, умело маскируясь, ждали в лесу в километре от моста, но когда раздался взрыв, бросились на врага.

Километр — это очень много, будь на месте милицейских дивизий регулярная армия, американцы их бы просто перестреляли, но ополченцы есть ополченцы, взрыв моста и атака индейцев их настолько смутила, что, вместо стройных залпов, атакующих встретила

жиденькая цепочка наспех сделанных выстрелов.

Очень быстро воины Текумсе преодолели расстояние до врага, и началась рукопашная. В которой у американских ополченцев шансов было не много. Особенно после того как отряд полковника Кокрейна принудил сдаться успевших переправиться американцев и развернув захваченные пушки, начал с западного берега поддерживать огнем своих союзников

К чести генерала Халла и его штабных офицеров надо сказать, что они не побежали даже тогда, когда основная масса их солдат обратилась в бегство, и продолжили драться до последнего. Самого Халла зарубил Тенкскватава. Его трофеем стал мундир американского генерала, который он потом с гордостью носил, за что его соплеменники дали ему еще одно прозвище: Синий Мундир.

Разгром был полный, более семи тысяч американцев погибли, еще две тысячи попали в плен. Первая Американская Армия прекратила свое существование.

На севере, возле Огденсбурга, состоялось еще одно сражение. Британская армия под командованием генерал-майора Айзека Брока сошлась со второй американской армией генерала Ван Ренсселера. Здесь англичанам не удалось достигнуть решительного успеха, все-таки им противостояли регулярные американские войска. Но даже то, что Огденсбург остался за ними, можно было считать успехом.

Пожалуй, единственным, в чем американцы преуспели, стали диверсии. Им успешно удалось взорвать резиденцию лейтенант-губернатора, и в результате этого в Йорке случился грандиозный пожар, практически уничтоживший центр города. Если бы не дождь, то город сгорел бы полностью.

Правда генерал-майор Брок, назначенный к тому моменту лейтенант-губернатором Верхней Канады в тот момент уже покинул город и направился к войскам в Огденсбурге. Так что жедание Джефферсона исполнилось только частично.

В Квебеке диверсия так же была успешной, правда только частично. Взрывом американцы повредили, но не уничтожили инфраструктуру порта, и парализовали его работу на несколько недель.

* * *

Двадцатое апреля тысяча восемьсот седьмого года. Луизиана. Окрестности Нового Орлеана.

— Сколько вы говорите у вас воинов, вождь Ахайя?

— Четыре тысячи лучших воинов семинолов и их союзников готовы атаковать город.

— Понятно, у меня два линейных корабля и четыре фрегата, пять транспортных на которых восемьсот человек морской пехоты и пять тысяч обычной. Ваша атака будет сигналом для нас. Для артиллерийской поддержки я выделил вам две батареи четырнадцатифунтовых пушек вместе с расчетами. Когда мы услышим канонаду то подойдем на дистанцию выстрела, принудим береговые батареи к молчанию и высадим десант.

— Это хороший план, я уверен, что он сработает.

— У ваших воинов интересное оружие. Откуда оно?

— Его сделал для нас отец моего внука.

— Как это? Семинолы разве делают огнестрельное оружие, да еще такое современное?

— Нет, отец моего внука маркиз Алехандро де Каса Альмендарес.

— Испанец? Все равно странно.

— Но это так.

Ахайя разговаривал с сэром Александром Кокрейном, командующим британскими силами на Карибах. Два месяца назад из метрополии пришла эскадра направленная ему в помощь, и адмирал горел желанием захватить Новый Орлеан.

Морская пехота, о которой он говорил, была его личным проектом. В ней служили исключительно чернокожие из местных, причем там были как свободные так и беглые рабы. За это адмирала постоянно критиковали, но он стоял на своем и не собирался распускать эти подразделения. Сегодня они наконец-то пойдут в свой первый настоящий бой.

С Ахайей он связался из-за Текумсе, тот плотно общался с представителями английского командования и упомянул о своих союзниках из Флориды. Англичане не были дураками и решили, что в грядущей операции по захвату Нового Орлеана им пригодится любая помощь.

Хотя на самом деле было совсем не понятно, кто кому еще помогать будет. Силы у Ахайи были не маленькие, и он в любом случае собирался штурмовать город. Другое дело, что с англичанами это будет намного проще, а удерживать захваченное семинолы не собирались.

Захват Нового Орлеана прошёл как по маслу. И индейцам, скорее всего, даже не понадобилась бы помощь англичан. Патриоты, о которых говорил Гаррисон, оказались не так хороши, как о них думали. Столкнувшись с вооруженными скорострельным оружием семинолами они решили, что своя рубашка ближе к телу и быстренько погрузившись на корабли, попытались сбежать из Нового Орлеана. Это им не удалось, так как они столкнулись с эскадрой англичан.

Линейные корабли, идущие впереди фрегатов, очень быстро перетопили пиратские посудины, и англичане приступили к высадке десанта.

Спустя семь часов после начала штурма город был полностью захвачен. Ахайя выполнил обещание, данное когда-то своей дочери и не стал устраивать в городе резню. Правда, это не помогло губернатору территории Луизианы и Миссури Джеймсу Уилкинсону. Когда его схватили, то Ахайя лично перерезал ему горло, отомстив за похищение Селии.

Затем его воины покинули Новый Орлеан, передав его англичанам.

Таким образом, Соединенные Штаты Америки за какой-то месяц оказались не просто на грани поражения, а на грани краха.

* * *

Финальная стадия этой войны началась в середине июня. К англичанам в Канаде пришло пополнение, корона, наблюдая как удачно складывается противостояние со своей бывшей колонией, расщедрилась и прислала Броку не два, а три пехотных полка, и англичанам удалось оккупировать Массачусетс и Нью-гемпшир.

На юге войска адмирала Кокрейна совместно с индейскими союзниками, к тому моменту все пять цивилизованных племен выступили на их стороне, захватили последовательно Джорджию, Южную Каролину, Северную Каролину и частично

Вирджинию. Фактически, под контролем федерального правительства осталось треть страны.

Томас Джефферсон после разгрома на реке Мауми неоднократно пытался заключить мир с англичанами, но затея Гаррисона с диверсией очень сильно вышла американцам боком. Айзек Брок и слышать ничего не хотел о мире, пока англичане не отомстят за Йорк.

Все понимали, что это означает только одно: лейтенант-губернатор Верхней Канады нацелился на Вашингтон, и он хотел не просто его захватить, а уничтожить

Первого июля войска адмирала Кокрейна и генерал-майора Брока соединились в Мэриленде и, разгромив последние силы американцев в ожесточенной битве при Бладенсбурге, через неделю вошли в Вашингтон.

Правительство соединенных штатов бежало оттуда так стремительно, что американцы не успели практически ничего вывести. Англичане с особенным удовольствием сожгли портрет Вашингтона в белом доме, а так же декларацию независимости и Билль о правах, основополагающие документы американской государственности.

Если бы это узнал Александр Гамильтон, он бы наверняка расстроился, всё-таки он к созданию этих документов приложил массу усилий, с другой стороны его желания касательно соединенных штатов были полностью выполнены.

Мирный договор был подписан седьмого июля, на следующий день после того как в Вашингтон был доставлен плененный президент Джефферсон и многие члены конгресса и сената США.

По этому договору от США в пользу Великобритании полностью отторгалась территория Луизианы и Миссури. Кроме того был отменен Гринвилльский договор от тысяча семьсот девяносто пятого года и США потеряли Индиану и Огайо. Помимо этого США обязались выплатить контрибуцию, в размере пятнадцати миллионов долларов и им было запрещено иметь военно-морской флот и армию свыше пяти тысяч человек.

Все это фактически ставило крест на любых попытках территориальной экспансии американцев, как на юг, так и на запад.

Что интересно, Вашингтонский договор был подписан в тот же день, когда в Тильзите был заключен мир между Российской и Французской Империей, по которому Россия присоединилась к континентальной блокаде.

Подписание этого мира развязало Наполеону руки в действиях направленных против Португалии, что имело далеко идущие последствия для Калифорнии и лично Александра Гамильтона.

Так, у меня шесть сотен рекрутов из числа индейцев олони. До возвращения моих людей из Новой Испании ими будут заниматься Гектор, Ахиллес с десятью помощниками семинолами, все кто остался в поселке, а не ушел с Шиаем.

Пока что заниматься они будут общей физической подготовкой и строить комплекс казарм. Он будет составной частью настоящего военного городка, в котором помимо самих казарм будет все необходимое. Плац, два стрельбища, отдельные дома для офицеров, офицерский клуб, арсенал, склады, пара конюшен, столовая, гарнизонная тюрьма и церковь.

По возвращению моих офицеров мы вместе проведем совещание и определимся, что нам с этой массой пока еще совершенно не обученных и не вооруженных людей делать.

Вместе с этими новобранцами нас уже в общей сложности порядка девятиста военных. Целый пехотный батальон с драгунским эскадром собрать получится.

Непозволительно много, в общем-то. Но по-другому нельзя. Молодая калифорнийская республика, едва появившись, сразу обзавелась как минимум одним серьезным врагом. Да и англичане с американцами тоже нас рано или поздно проверят на прочность.

И если с флотом у нас все и так было хорошо, а теперь и подавно, то вот с армией были сложности. Осталось только их обучить, как следует.

Когда это будет сделано, то наши возможности резко возрастут. Ведь сейчас, случись что, весь залив практически беззащитен от атаки с суши. С моря то мы прикрыты двумя фортами, которых впрочем, тоже не достаточно, но это вопрос решаемый.

С пленными испанцами я, подумав, поступил совсем по-другому, не так как планировал. В центре залива Сан-Франциско располагается очень милый островок, на котором сейчас во множестве гнездятся различные птицы. В будущем на нем будет сначала форт о ста десяти дальнобойных орудиях, а затем тюрьма.

Я говорю об Алькатрасе, для пленных это самое место, пусть они нам еще один форт построят. Местоположение там идеальное, пушки будущего форта будут контролировать всю акваторию залива. Так что пусть строят, а потом посмотрим, что с ними делать. Сбежать с острова все равно не получится, слишком уж далеко он от берега.

Скорей бы уже вернулась экспедиция из Новой Испании. И дело не только в военных делах. Как можно быстрее нужно отправлять корабли в Китай, за сырьем. Нам критически важно получить много меди как можно скорее. Дело в том, что успех с электрической дугой буквально окрылил Барри младшего и Розу и они сделали сначала электромагнит, а потом, на волне этого успеха, и телеграф.

Не зря я много времени посвящал обучению ребят физике, сейчас мои старания воздались сторицей. Электрическое освещение и телеграфная связь это уже очень серьезно, но я надеюсь, что они на этом не остановятся. Электродвигатель, динамо-машина, радио, двигаться есть куда.

Раз уж есть телеграф, можно уже подумать о налаживании связи со всеми поселениями, коих у меня уже не мало, а будет еще больше. А значит, нужна медь для проводов, изоляция и аналог азбуки Морзе.

И именно изоляция представляется наибольшей проблемой. Необходим материал похожий на каучук. И насколько я помню, что-то похожее есть на Филиппинах. Гуттаперча,

вот как это называется. Её ещё использовали при прокладке первого трансатлантического кабеля.

Филиппины сейчас испанская колония, может быть, там снова удастся провернуть тот же трюк что и в Кантоне.

Да, решено, как только мои корабли вернуться из Мексики, начну готовить вторую экспедицию в Китай. И раз Плетнев без пяти минут родственник гавайского корабля, пусть и на острова зайдут, там жемчуга много, будет чем с китайцами торговать, а может, и еще что придумают. И надо угольную базу на Гавайях устроить. В Азию мы ходить постоянно будем, такая штука лишней точно не будет, угля можно будет брать на борт меньше, а груза больше. Но это только после того как мы угольный танкер построим.

Так, надо ехать к Фултону узнать, как там у него дела продвигаются с машинами для новых кораблей. Да, и неплохо было бы уже поговорить с ним насчет того что это не правильно, что он всё один делает. Вон, у Луки есть очень хорошие помощники даже можно сказать соавтор, чем Роберт хуже?

* * *

Впрочем, он и один пока справляется просто блестяще, гений одним словом. Работа над тремя большими машинами для кораблей и парохода в самом разгаре и Роберт в ней практически не участвует, только контролирует. Кроме того его рабочие собирают сразу шесть небольших машин. Как рассказал мне Фултон аж две пойдут Луке на оружейное производство, одну он собирает для себя, еще одна кирпичный завод и две на металлообрабатывающий завод.

Ну а самого изобретателя я нашёл в его отдельной мастерской, где Роберт с тройкой помощников собирал... паровоз!

— Вот, мистер Гамильтон, смотрите. Сухопутный пароход, или как вы его называете паровоз. Неделя две и начнем испытывать.

— Однако, Роберт, вы еще тут тихушник. И когда же вы собирались сказать мне?

— Да вот через пару недель и сказал бы. Очень уж вы не вовремя вошли.

— Вы меня очень удивили и обрадовали. И где будет первое испытание?

— Я думаю построить кольцо вокруг всего поселка, с остановкой возле каждого предприятия. Так паровоз будет не просто диковинной игрушкой, а подспорьем для всех предприятий.

— Все верно. А когда вы планируете начать строить железную дорогу?

— Вам стоит почаще заглядывать на наше главное предприятие, мистер Гамильтон. Рельсы уже начали делать.

— Вы правы Роберт. И я, собственно, хочу поговорить с вами о том, что вам нужно подготовить еще несколько инженеров, которые смогут решать те же задачи что и вы.

— Мистер Гамильтон, вы меня переоцениваете. Неужели, вы думаете что такой объем работы возможно выполнить в одиночку? Я уже давно не занимаюсь рутинной, а машины которые видите в основном цеху это рутинная. С которой прекрасно справляются мои помощники. А я только работаю с новыми проектами, как вот этот паровоз

— А когда ваши помощники закончат машины, они их монтировать будут без вашего участия?

— А теперь вы переоцениваете их. Нет, здесь я буду принимать участие.

— Понятно, что ж, меня это устраивает. Тогда последний вопрос, а почему я о них не слышал раньше?

— А зачем? Это вы у нас, в некотором роде демократ, господин президент, — с легкой улыбкой ответил Фултон, — Я же напротив жуткий диктатор, меня вполне устраивает ситуация что на моем заводе у меня абсолютная власть.

Да уж, удивил меня Фултон. Но что поделать, главное чтобы работа делалась, а все остальное не очень важно.

Десятое августа тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона, Калифорния.

Как не кощунственно это звучит, но нападение испанских Роялистов на Монтеррей имело для меня положительные последствия, если не считать гибели моих людей, конечно.

Первое, и, пожалуй, самое главное, последствие заключалось в том, что я окончательно закрепился в статусе правителя Калифорнии, притом не только в глазах местных, но и в Новой Испании.

Второе последствие это то, что Кончита стала намного больше времени проводить с отцом Нектарием, она активно учила русский язык, и тот её хорошо так взял в оборот.

Как сказала мне Мария Мануэла, причина этого была в том, что погибший губернатор был еще и крестным отцом Кончиты и девушку любил. Та его тоже любила и возможно, что и не согласилась перейти в православие. Но сейчас это препятствие было преодолено.

— Мистер Гамильтон, и Кончита и Кинау, дочь гавайского короля Камамеа, готовы принять святое крещение.

— Я очень рад, ваше преподобие. Когда вы сможете провести таинство?

— Сегодня понедельник, через неделю это будет возможно.

— Хорошо, но давайтеждемся господ офицеров, без них это будет не правильно — Нектарий кивнул и на этом наш короткий разговор был закончен.

Да уж, сарказм Марии Мануэлы по поводу моего «президентства» вполне оправдан. Я на самом деле диктатор. Самый настоящий диктатор. Выгодно мне чтобы два моих человека женились, и я обеспечил для этого всё необходимое.

А мне нужна и свадьба Резанова и свадьба Плетнева. И если с Резановым всё более-менее понятно. Он мой счастливый билет в императорскую Россию, то свадьба Плетнева это просто подарок судьбы.

Благодаря этому, я закреплюсь на Гавайях. Да, черт возьми! Я теперь там так корнями врасту, что хрен меня от оттуда выбьешь!

Форт, потом поселение, военно-морская база. Вот так все будет. И когда туда придут серьезные игроки, англичане, испанцы, французы, американцы вряд ли, но и про них не будем забывать, то их корабли встретят дальнобойные морские орудия береговых батарей и мои пароходо-фрегаты.

А Гавайи очень интересны как в военном, не зря Перл-Харбор был основной базой военно-морского флота США на Тихом океане, плане, так и в экономическом. На этих островах великолепный жемчуг и сандаловое дерево. Это очень дорогие товары для статусного потребления. Пожалуй, я отправлю в следующий раз Плетнева в Китай практически пустым. Загрузим только оружием, для нас устаревшим, а во всем остальном мире оно вполне конкурентно. Надеюсь, Плетнев привезет из рейда на Сан-Блас мушкеты и кремниевые пистолеты, их-то я и загоню в Китай по спекулятивной цене.

Двадцатое августа тысяча восемьсот седьмого года. Церковь всех Святых в Поселке Гамильтона. Калифорния.

— Венчается раб божий Николай с рабой божией Марией! — А голос у Нектария очень мощный. Пробирает буквально до костей.

Да, сбылась мечта Николая Резанова, еще минут тридцать и он обвенчается со своей ненаглядной Кончитой. Вернее теперь уже Марией Ивановной, Плетнев согласился стать крестным отцом жены своего товарища...

— во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь.

Я уж не помню, когда последний раз был в православной церкви, а на венчании, тем более двойном, тем более не был ни разу....

Кончиту и Кинау отец Нектарий окрестил три дня назад. Кончита стала Марией Ивановной, она решила оставить свое настоящее имя, а Кинау теперь Дарья Николаевна. Я предполагал что так и будет и это произошло. Резанов стал крестным отцом будущей жены Плетнева, а тот, в свою очередь окрестил невесту Резанова.

Уж не знаю, насколько они были близки в России, но теперь они, по нынешним меркам, близкие родственники.

Ну, все, отец Нектарий закончил, время поздравлять новобрачных. Мария Мануэла сердечно обняла обеих девушек, для которых она стала самой близкой подругой...

Через два дня, кабинет Гамильтона.

— Ну что, господа офицеры, поздравляю вас обоих. Добро пожаловать в клуб женатых мужчин. А теперь давайте поговорим о серьезных вещах.

— Слушаю вас, мистер Гамильтон, — сказал Плетнев. Резанов промолчал, хмель из него еще не выветрился.

И сейчас, глядя на Резанова, я понимаю, что все, что я о нем читал это ерунда, любит он Кончиту, он потому так и рвался в Петербург. Теперь-то этого не будет.

— В общем так, господа. Пока вы наводили шороху в Новой Испании, у нас тут кое-что изменилось и мне нужно, чтобы вы снова отправились в Китай.

— И что мы должны оттуда привезти, мистер Гамильтон?

— Список большой, но главным образом мне нужна медь и свинец и бумага.

— Всего лишь? — спросил собравшийся с силами Резанов.

— Николай Иванович, вы даже не понимаете, насколько эти металлы важны сейчас. И я сейчас не говорю о том, что стальные пули, которые мы сейчас льём это жуткий паллиатив, и нам нужны нормальные свинцовые пули в медной оболочке.

— А что, есть что-то более важное чем оружие?

— Конечно есть! Следуйте за мной.

Когда Барри младший и Роза продемонстрировали работу телеграфа, вопросы отпали. Ни Резанову, ни Плетневу не нужно было объяснять, что значит возможность «мгновенной» передачи информации в военном деле. Это вы ребята еще не знаете, какие возможности дает радио и телефонная связь, но дай Бог, вы это узнаете.

Рейд моих кораблей на Сан-Блас стал не просто карательной операцией, хотя изначально задумывался именно таким. Но когда корабли уже подходили к цели, командиры решили все переиграть и сначала навестили Акапулько.

Там они договорились с лидерами сепаратистов и те выделили две сотни своих бойцов. В результате этот город был не уничтожен, а захвачен. И теперь у Мехико не контролирует значительно большую территорию. Надеюсь, это подстегнет восставших на более активные действия.

Жаль всё-таки, что я не принимал участия в этом деле. На севере Мексики есть месторождения меди, если уж я буду участвовать в Мексиканской революции, то можно делать это и в том числе на материальной основе. На этой войне можно и заработать, ну или, хотя бы перевезти её на безубыточность. Я могу поставлять оружие повстанцам в обмен на ресурсы.

Правда, для этого надо сначала об этом договориться, так что боюсь, что следующая поставка будет за спасибо, но не стоит расстраиваться. Нельзя объять необъятное.

Трофеев Плетнев не привез, все захваченное досталось сепаратистам. С одной стороны это хорошо, они стали сильнее. А с другой плохо, мне теперь нечего отправлять в Китай. Так что остановка на Гавайях стала еще более необходима.

Да, оружия они не привезли, вместо него были доставлены почти полсотни тяжелораненых бунтовщиков, семьи руководителей восстания и 3 горных инженера, которые закончили открывшуюся в тысяча семьсот девяносто втором году в Мехико горную академию. Большинство её выпускников поддержали восстание так как Мексика и вообще вся Новая Испания сейчас не более чем сырьевой придаток метрополии, а им хотелось настоящего развития промышленности.

И люди, намного ценнее каких-то там мушкетов, поэтому я был более чем доволен результатами рейда.

Первого сентября Резанов и Плетнев снова отправились в поднебесную, притом не одни, а с молодыми женами. Я же, наконец, отправился в Новоархангельск, Мария Мануэла осталась дома, морское путешествие это не очень хорошая идея для женщины на седьмом месяце. Я оставил Барри своим заместителем по общим вопросам, Фултону по техническим, а де Карраско по военным.

* * *

Четырнадцатого сентября тысяча восемьсот седьмого года. Новоархангельск. Аляска.

— Александр Андреевич, вот только честно, зачем вам нужна Аляска?

— Как зачем мистер Гамильтон? Я не очень понимаю сути вашего вопроса.

— Какие перспективы русской колонии на Аляске? Какие цели стоят перед русско-американской кампанией?

— А Николай Петрович разве не рассказал наши цели? Резанов же теперь все время пребывает в Калифорнии. Если нет, то я поясню. Мы занимаемся добычей очень ценной пушнины. Это основная цель.

— Скажите, а если Русско-Американская кампания добавит к промыслу пушнины, добычу золота? — ух ты как сверкнули глаза у Баранова, явно этот вопрос его заинтересовал.

— Добыча золота это, безусловно, интересно. Но где его взять?

— Его много в Калифорнии. Часть ваших людей итак уже там, почему не увеличить их количество? Пусть местные алеуты так и добывают ваш пушнину, а часть русских отправится на юг.

— Боюсь что это невозможно, нас здесь мало, тем более что часть моих людей уже заняты на угольном карьере, и мы добываем го для вас, мистер Гамильтон.

— С добычей угля я думаю, что смогу вам помочь, часть людей высвободится. Но это не главное. Почему бы вам не отправить кого-нибудь в Охотск. Вы можете предложить тамошнему городничему очень выгодное дело. Вы ему деньги, а он вам людей. Это хоть и край мира, но глядишь, и найдутся желающие сюда перебраться.

— Смелое предложение. И откуда я возьму на это деньги?

— А я вам их дам. Все равно эти люди станут старателями добытое ими золото будет делится, условно говоря, шестьдесят на сорок в мою пользу. В любом случае это будет выгодно и мне и вам и им.

— Заманчивый прожект, мистер Гамильтон.

— И наверняка прибыльный, подумайте Александр Андреевич. Ну а пока, покажите что тут у вас к чему?

— Конечно.

Мы вышли из конторы Русско-Американской кампании и прошлись по Новоархангельску. Смотря на здания поселения я обратил внимания что они в не очень хорошем состоянии, вроде бы городку меньше десяти лет но отчетливо видны следы гниения на многих постройках. НА мой вопрос о причинах Баранов ответил:

— Вот такой вот тут климат, все гниет просто ужасно. Не подходит дерево для строительства здесь

— Так в чем же дело? Вы же наверняка знаете, что у нас кирпичный завод имеется. Покупайте у нас стройматериалы и стройте тут что хотите, хоть второй Петербург. Широта же такая же?

— Да, верно.

— Тем более вам нужно как можно скорее начать добычу золота, его часть пойдёт в счет оплаты кирпича, железа и всего прочего.

— Если в столице узнают, что я золото трачу на что-то подобное, то очень быстро лишусь должности.

— А как они это узнают? Да и золота пока у вас никакого нет. А так вы войдете в историю как человек, который создал настоящий форпост России в Северной Америке. В общем, подумайте господин Баранов, подумайте.

Седьмое октября тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона. Калифорния.

— Вот и все милая, у нас сын. Прекрасный здоровый сыночек! — сказал я жене и подал ей младенца.

— Он прекрасен, — голос у дорогой жены был очень-очень тихий, еще бы восьмичасовые роды отняли у неё практически все силы. Очень тихий, но очень счастливый. Я наклонился к Марии и поцеловал её. Ребенок родился недоношенным, но это не проблема, судя по всему, вон как кричит, оповещая мир о своем появлении, он здоров и все будет хорошо.

Пожалуй, это были одни из самых напряженных часов в моей жизни. Роды были очень тяжелые, и принимал я их сам, правда все обошлось и теперь можно немного расслабиться...

К моменту, когда у Марии подошёл срок, мы закончили строительство нормальной, ну насколько это возможно сейчас, больницы. Это первое здание в нашем поселке, где есть электрическое освещение, водопровод, канализация и отопление. Особую гордость у меня вызывает операционная. Там я постарался сделать все на самом высоком уровне.

Пожалуй, нам не хватает только антибиотиков. Но и над ними работы уже ведутся. Правда, руководитель этого проекта сейчас спит, но даст Бог Мария Мануэла скоро сможет вернуться к выполнению своих обязанностей.

В наших исследованиях здорово помогли раненые, которых привез Плетнев, при их лечении мы, помимо уже имеющихся методов, тестировали выжимки из различных колоний плесени, и вроде бы уже определились с нужным штаммом.

Для выращивания колоний мы использовали различные питательные среды, картофельное пюре, пшеничную муку и кукурузу. Наилучшие результаты показала колония, выращенная как раз на кукурузе, думаю, что это и есть *Penicillium glaucum*, то есть мы практически стоим на пороге изобретения Пенициллина

Когда мы его, наконец, получим, то огромное количество болезней уйдут в прошлое. Туберкулез, чума, холера, послеродовая горячка в частности и сепсис вообще. Это такой прыжок в будущее, что даже сказать сложно.

Так что, спи моя дорогая. Спи и набирайся сил. Ты еще не знаешь, но твое имя скоро встанет в один ряд с Галеном, Парацельсом и Александром Гамильтоном, хе-хе. Я вроде бы тоже чуть-чуть медицинскую науку двинул вперед.

Как бы мне не хотелось все время проводить с Марией и маленьким Хуаном Алехандро Мария де Каса Адьмендарес-Аллегри, такое сложносочиненное имя у моего сына, у меня есть и другие дела. Поэтому я, приняв душ, и поручив Марию попечению мэтру Абенамару, отправился на завод к Луке.

* * *

Перед тем как у Марии начались схватки, Лука по телеграфу, как же приятно просто думать о том, что теперь у нас телеграфная связь, сообщил, что у него есть кое-что, что он

очень хочет показать.

— Вас можно поздравить, мистер Гамильтон?

— Можно, Лука, можно.

— И кто?

— Сын, — Лука улыбнулся и достал из мини-бара, замаскированного под глобус, вот сто процентов у меня подсмотрел, шельмец! бутылкунашей водки тройной перегонки, Что поделатать, этот мини-бар, конечно жуткая банальщина, но у меня именно такой.

Господин оружейник разлил, традиционный для меня, напиток по высоким бокалам и мы с удовольствием выпили. Затем я забил трубку и закурил. Вредно, конечно, надо с этим бороться. Напряжение, не отпускавшее меня последние двенадцать часов, медленно уходило.

— Ну, так что у тебя?

— У меня вот это, мистер Гамильтон.

Лука улыбнулся и достал из ящика письменного стола... бильярдный шар, классическую такую восьмерку, черную с белым кружком. Не знал, что Лука шары катает, у нас есть несколько столов, в офицерском клубе военного городка, да и в администрации поселка один стоит.

— И как это понимать? Ты вырезал шар из слоновой кости?

— Э нет, мистер Гамильтон. Тут все интереснее, я сделал его из вот этого:

Из стола Луки появилась странная черная масса. Я непонимающе взглянул на него, и он объяснил:

— При производстве тридцати пяти тонн кокса получается примерно полторы тонны каменноугольной смолы. Я когда искал пластификатор для нашей новой взрывчатки, получил интересное вещество. Оно мне не пригодилось, но его свойства я продолжил исследовать. Потом я использовал, как вы называете то, чем консервируете образцы, формалин?

— Да, все верно, — интересно, что в итоге?

— Спасибо, ну так вот, в итоге у меня получился материал, очень похожий на кость, из него я и изготовил этот шар.

Ну, ничего себе! Этот гений, вот без шуток гений, отрыл бакелит, а попутно и фенол!

Насколько я помню, бакелит, это такой прообраз пластмассы. Что из него только не делали: корпуса телефонов, рукоятки ножей, мебель, бильярдные шары, да все что угодно!

— Что я могу сказать? Этот лукалит будет иметь широчайший спектр применения.

— Как вы сказали, лукалит?

— Да, думаю, что этот материал нужно назвать по имени его создателя.

— Спасибо, мистер Гамильтон.

— Это тебе спасибо. В телеграмме, что ты прислал, говорилось о двух новинках. Чем ты еще хочешь меня удивить? Рассказывайте, мистер Тамтакос. — Лука смутился, не привык он еще к такому обращению.

— Это не я а Костас. Для меня то, что он сделал, стало большим сюрпризом.

— Я что-то не вижу здесь ни его, ни очередного деревянного ящика, — услышав это, Лука улыбнулся.

— Боюсь, что его работав моем кабинете не поместится, мистер Гамильтон.

— Какой же калибр у этого чуда, Костас?

— Я решил, что традиционное обозначение в фунтах веса снаряда тут не очень применимо. Скорее нужно говорить о диаметре ствола. Он четыре дюйма, или как вы говорите сто два миллиметра, чуть меньше на самом деле, но я округлил.

— И как ты до этого додумался, алмазный ты мой?

— Я просто подумал, почему бы не масштабировать новый патрон и вообще новую винтовку.

— И как я вижу с патроном, вернее со снарядом получилось не очень. Да и затвор на твоем оружии не очень-то похож на винтовочный.

— Да, все так. Отдельно сам снаряд, отдельно порох и детонатор. И затвор пришлось разрабатывать практически с нуля...

Мы, то есть я, Лука и Костас стоим возле первой самостоятельно произведенной пушки, она заряжается с казны, имеет стальной нарезной ствол и железный лафет, противооткатных устройств, конечно, нет, но и без них она впечатляет. Стоимость и трудоемкость запредельная но, по счастью нам не нужно думать об экономике. На первый план выходит эффективность и если она будет достаточной, мы начнем производить эти орудия

На полигоне новинка показала себя превосходно, максимальная дальность стрельбы порядка пяти с половиной километров, скорострельность три выстрела в минуту, вот только с точностью беда, но это скорее от того что прицельных приспособлений сопоставимого уровня просто нет. Надо над этими работать. Снаряды, нормальные цилиндрические, для неё будут трех видов: шрапнельный, фугасный и картечь.

Единственное что меня смущает это деревянные колеса, пусть и обитые железом. Надо что-то уже придумывать с каучуком. Пневматические шины нужны не только для пушек, да и не только шины.

Всего я поручил изготовить шестнадцать пушек, четыре батареи по четыре орудия. Когда это будет сделано, старые пушки отправятся на переплавку или хранение и наша полевая артиллерия получит новинки. Потом мы начнём производить новое вооружение для наших фортов, северного, южного и строящегося Алькатраса.

Процесс этот небыстрый, но думаю что за год управимся. И уже понятно, что надо расширять производство металла, ставить новые домны, коксирующие печи, расширять добычу угля и наладить добычу нормального железа здесь.

Осмотрев новинки я решил вернуться в больницу, проверить как там жена с ребенком, мой путь лежал через новый район поселка, где сейчас шло строительство жилья для вновь прибывших из Новой Испании. Там я остановил карету возле одного из моих сотрудников, сеньора Кристобаля Ортеги. Помимо того что он был горным инженером, и одним из лучших, по словам беженцев, в Мексике он еще и дороги строил.

— Сеньор Ортега, здравствуйте.

— Здравствуйтесь, сеньор де Каса Альмендарес.

— Я вижу, что строительство в самом разгаре?

— Да, скоро уже начнем заниматься крышами, — для испанцев строилось сразу три двухэтажных многоквартирных дома.

Изначально план был, что они вернуться в Мексику, когда война закончится, но сейчас все больше и больше становилось понятно, что никто никуда уже не собирается возвращаться. Я на это рассчитывал, нам люди нужны, и чем больше, тем лучше.

— Сеньор Ортега, когда вы и ваши люди смогут приступить к работе, которая мне от

вас нужна?

— Что вы имеете в виду? У нас до сих пор еще не было времени толком поговорить, поэтому давайте встретимся через два часа в моей конторе и все обсудим.

— Хорошо, конечно.

Мария Мануэла спала, и я не стал её будить. По словам мэтра Абенамара, всё хорошо и через пару дней моя благоверная уже сможет вернуться домой. Сейчас вообще не принято так пристально следить за роженицами, как это будем делать мы, но это там, на большой земле. А здесь, в Калифорнии, я сразу начал внедрять близкие мне стандарты. Пришел срок, добро пожаловать в больницу. Это, вкупе с антибиотиками, должно решить сразу две задачи: снижение детской смертности и послеродовые осложнения.

— Мэтр, — обратился я к Абенамару, — я буду у себя в конторе, если что, сразу телеграфируйте.

— Конечно, мистер Гамильтон.

— Что с остальными вашими пациентами? — спросил я имея в виду раненых мексиканских повстанцев?

— Прогноз по большинству благоприятный. Все кто должны были умереть, уже умерли.

— Ясно, как будет возможность зайдите к Луке Тамтакосу, он очень интересный материал изобрел. Посмотрите, можно ли его приспособить для протезирования. Насколько я понимаю, этот вопрос актуален для многих этих людей.

— Да, мистер Гамильтон. К сожалению это так. Как проходит ваше выздоровление? Спросил Абенамар имея в виду мою руку.

— Надеюсь, что через пару месяцев пластину можно будет удалить, так что готовьтесь, крови будет много.

— То есть, вы хотите, что бы я разрезал вам руку и достал её?

— Да, конечно, она же окисляется, нельзя её оставлять.

— Понятно, мистер Гамильтон.

— И в будущем, если у нас будет необходимость в подобных операциях, нужно будет подобрать какой-нибудь нейтральный металл или сплав. Но это вам лучше обсудить с моими химиками-физиками...

* * *

Через пару часов Ортега был у меня в кабинете:

— Слушаю вас, сеньор де Каса Альмендарес

— Сеньор Ортега, как вы уже успели заметить, у меня тут очень большое количество различных производств, начиная от мебели и заканчивая оружием. Для всего этого мне нужно железо. С которым у нас большие проблемы.

— Но я видел работающие домны. Вы производите и чугун и сталь. Из чего если вы говорите что с железом проблемы?

— Вы не поверите, но на важные проекты, типа оружия и паровых машин у нас идет привозное сырье из Китая. Все остальное мы изготавливаем из болотной руды, качество которой оставляет желать лучшего. А мы готовы для начала реализации очень металлоемких проектов, на которые нам нужна качественная сталь.

— Например?

— Я сейчас говорю о железных дорогах.

— Никогда не слышал такого термина.

— Отправляйтесь завтра на завод Фултона, Роберт проведёт вам экскурсию и все объяснит. Так вот, нам нужна качественная сталь, то есть мне от вас нужно месторождение железа.

— Простите, сеньор, но у меня в кармане его нет, в багаже, насколько я помню, тоже.

— Ничего страшного, вы должны мне его найти, наладить добычу и построить дорогу к нему, место я примерно знаю, так что ваша задача облегчается.

Я достал карту, которую для меня составили следопыты из местных индейцев олони, и разложил её на столе. Она была достаточно точная, работы над ней велись уже почти год.

— Видите это озеро? — спросил я, показывая на будущее озеро Тахо.

— Да, сеньор.

— Севернее его должно быть железо, мои разведчики доставили мне несколько образцов, — вранье, конечно. Никто мне ничего не доставлял, но иначе сложно объяснить, почему я отправляю Ортегу именно туда.

— И насколько я понимаю это дикие территории.

— Вот здесь у нас поселок старателей, которые добывают золото, указка уткнулась в Колому, а севернее уже ничего.

— Ясно, что ж, сначала мне нужно отправиться на это озеро самому и посмотреть там все своими глазами. С этими разведчиками, которые принесли вам образцы можно поговорить?

— К сожалению нет, одного застрелили роялисты а второй недавно умер от ран после нападения медведя, — снова не моргнув глазом соврал я, — здесь у нас все-таки дикие края, сеньор Ортега.

— Очень жаль, это бы существенно ускорило дело. Но что поделать, придется обойтись без них. Мне будут нужны сопровождающие.

— Конечно, найдите моего бывшего камердинера, Барри О`Салливана, он все организует.

— Я могу задействовать всех моих коллег? — спросил Ортега имея в виду еще троих горных инженеров, прибывших вместе с ним.

— Нет, я бы хотел, чтобы один из вас привел в порядок добычу пирита, это очень важно для нас, мы из него делаем серную кислот, которая используется, в том числе при производстве пороха и взрывчатки. Месторождение тут недалеко, добывают пирит местные индейцы, и я подозреваю, что делают это ужасно примитивным способом.

— Что-то еще?

— Конечно, кроме того нам нужно повысить эффективность добычи угля на Аляске, мистер Фултон сейчас заканчивает паровой экскаватор для угольного карьера, но помимо него там нужен и нормальный горный инженер.

— Аляска? Это же...

— Да, это на севере, там русская колония, с которой мы очень плотно сотрудничаем.

— Но ведь русские враги короля.

— Сеньор Ортега, мы тут все давно враги короля. И я, и вы, и последний индеец грузчик в порту. Так что, не забивайте себе голову.

— Ясно, сеньор де Каса Альмендарес, работы действительно много.

— О, на этот счет не переживайте, её будет еще больше. Мне и сухопутная дорога в

Мексике нужна будет.

— Ну, это вы можете поручить местным индейцам прямо сейчас.

— Это как? Вы думаете что они смогут без вас справиться со взрывчаткой? Которой у нас, кстати, почти не осталось, на строительство двух дорог её точно не хватит и нужно производить дополнительно.

— Нет, но она им и не нужна. В Мексике задолго до нас строили дороги, измельчая камни с помощью специальных водорослей.

— Можете объяснить?

— На самом деле это очень просто, берутся определенные водоросли, мокрые они раскладываются на камни, а когда водоросли высыхают, они дробят эти камни. Что за водоросли я знаю и могу показать, что к чему.

— Отлично, сеньор Ортега, просто отлично. Раз нам не нужна взрывчатка для этого, то сначала вы должны будете проинструктировать местных и еще один ваш человек займется дорогой. Итого у нас четыре горных инженера, каждому достается по одному проекту. Я очень рад, что вы с нами, обещаю что если будете делать качественную работу то я вас озолочу.

— Спасибо сеньор, но сначала надо деблокировать тропу, на месте которой мы дорогу строить будем. Она под контролем враждебных для белых местных.

— Это не ваша забота, к тому моменту, когда вы будете готовы, тропа будет расчищена. Уж чего-чего, а солдат у меня теперь хватает.

Говоря это, я несколько не кривил душой. Местные олони демонстрируют очень большое рвение в освоении военного дела и уже представляют собой достаточно неплохой стрелковый батальон. Командирами там особо опытные семинолы, с ними не забалуешь.

Вот их я и использую для деблокады тропы в Мексике, только надо будет еще один форт построить, надо же держать сначала тропу, а потом дорогу под контролем.

Решено, завтра же проведу совещание с моими военными, теми кто в Китай не ушел, и поставлю им задачу. Ну а пока, пора снова в больницу.

Первое ноября тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона. Калифорния.

— Как видите, Александр Андреевич, паровые машины имеют огромный спектр применения, судовые двигатели и экскаватор, который мы поставим на ваш угольный карьер это только малая его часть.

— Да, мистер Гамильтон, это действительно потрясающе. Особенно паровое отопление вашей больницы, — конечно Баранова заинтересовало в первую очередь оно, Аляска это не Калифорния, прямо скажем, там холодно.

— Я думаю, новое здание конторы Русско — Американской компании и резиденцию градоначальника мы сможем обеспечить не только ими, а и электрическим освещением. Зачем вам свечи и камины, в качестве источника тепла и света, всё будет по последнему слову науки и техники.

Баранов прибыл в Новоархангельск вчера, не удержался и спустился к нам на свежестроенной шхуне «Паллада». Обрато он со своими людьми пойдет на «Святой Луизе» а «Палладу» мы переоборудуем под паровую машину.

С Барановым, помимо обслуживающего персонала экскаватора отправятся две сотни солдат из числа индейцев олони во главе с Шиаем, один из наших новых горных инженеров десятков два десятка пленных, они будут работать на угольном карьере и двадцать стражников с капралом семинолом. Раз уж у нас есть пленные и угольный карьер, можно и нормальную каторгу устроить, тем более что именно этих я отправляю на север не просто так.

Большинство из попавших к нам в плен роялистов оказались вполне вменяемыми людьми и, приняв «условия игры» отправились строить наш новый форт «Алькатрас». Как только они закончат, то будут свободными людьми, которые смогут включиться в нормальную жизнь нашей колонии.

Но в каждом стаде всегда найдётся паршивая овца, в нашем случае таких овец было двадцать. То ли они были такими рьяными сторонниками Карла Четвертого, то ли просто не хотели работать, но в строительстве они никакого участия не принимали и только и делали, что подзуживали других заключенных.

Делать было нечего, и для их исправления я прописал трудотерапию в условиях крайнего Севера, для Калифорнии, конечно. Так — то Новоархангельск на широте Санкт — Петербурга находится.

Помимо «Святой Луизы» в Новоархангельск пойдет и один из захваченных нами кораблей роялистов. Флейт «Веракрус», наконец, был отремонтирован и получил паровую машину, точно такую же, как на «Селии» Именно «Веракрус» станет основным средством снабжения Аляски.

Я достаточно опрометчиво пообещал Баранову обеспечить его стройматериалами для строительства кирпичных зданий в Новоархангельске, если на небольшое здание мы еще можем привезти все необходимое из нашего поселка, то вот для того чтобы построить настоящий город этого уже недостаточно. Поэтому, мы будем ставить кирпичный завод и лесопилку там.

А город там будет, раз уж мы решили основную проблему русской колонии на Аляске, а

именно снабжение продуктами, то нет никаких причин, для того чтобы он не начал развиваться по настоящему, прирастая заводами, школой, больницей, церковью и жилыми кварталами.

Оставался вопрос с жителями Новоархангельска, но новенькая шхуна «Надежда» уже ушла в Охотск. На ней отплыл Иван Александрович Кусков, ближайший сподвижник Баранова, очень деятельный и радеющий за свое дело человек. Ему Баранов поручил договориться с охотским градоначальником, думаю, что несколько семей он мне привезет сразу, а в следующий раз в Россию отправится значительно более вместительный корабль, способный взять на борт намного больше переселенцев.

Солдаты отправляются на Аляску не просто так. У Баранова снова начались проблемы с тинклитами, с этим индейским племенем русские уже воевали и воевали, прямо скажем, не очень удачно. Только появления Резанова с его моряками помогло переломить ситуацию в прошлый раз.

Тинклиты в прошлом году вроде как притихли, но возросшая активность русских им категорически не нравилась, и они снова начали нападать на промысловиков русско — американской компании.

В общем, Баранов здраво рассудил, что раз уж у него появился мощный союзник, то проблему тинклитов надо решить раз и навсегда. Я с его предложением согласился. И мои новобранцы получают необходимый боевой опыт, и Баранову помощь окажу.

Никакую резню мы там устраивать не собираемся, а вот показать, что с русскими лучше не связываться, надо. Кроме того, использование олони должно иметь еще пропагандистский эффект. Тинклиты воинственный народ, и если они увидят то, что их бьют не русские, а другие аборигены, глядишь и пойдут на поклон к «Большому Белому Президенту».

Кроме того этот поход это отличная возможность проверить новые орудия в боевых условиях. Мы отправляем на Аляску одну батарею, четыре орудия вместе с расчетами и одним из помощников Костаса, который должен будет составить подробный отчет обо всех недостатках нового орудия.

Создатель орудия, Костас Лендакис сам очень хотел отправиться с Барановым, посмотреть, как поведет его детище в реальном бою. Но я волевым решением ему запретил это делать, солдат у меня хватает, а вот хороших инженеров кот наплакал, так что Костас обиделся, смотрит на меня и Луку волком и что — то мастерит у себя в мастерской, если у него получится что — то стоящее, я готов, хоть каждый день его «обижать».

Второй корабль, захваченный у испанцев, фрегат «Святой Хуан», мы также ввели в строй, так что теперь у нас три фрегата и два флейта, плюс пять куттеров, которые использовались для мелких грузоперевозок и рыболовства. Практически целый флот.

В связи с тем, что у меня появились такие возможности, я подумал и решил, что можно попробовать провернуть авантюру и отправиться в Чили за селитрой. Ну а что, хоть это технически и территория испанской колонии, а с Испанией мы в состоянии войны, но там — то полное безлюдье, приставай к берегу, ищи месторождение и копай, сколько тебе вздумается.

А чилийская селитра, пожалуй, лучшая из мне доступных. Выход азотной кислоты из нее будет намного больше, чем из наших селитряниц. Так что когда Резанов и Плетнев вернутся из Китая, я отправлю оба моих флейта с фрегатом в Чили, за селитрой.

Испытания паровоза прошло успешно, но возникла проблема. Рельсы, изготовленные из стали из болотной руды выдерживали нагрузку максимум десять тонн на погонный метр, а я хотел, как минимум тридцать пять, а лучше семьдесят. Привезенной из Китая руды не хватит для наших планов, а значит, придется ждать, пока Ортега не наладит добычу нормального железа. Так что, пока паровоз стоит на заводе Фултона и ждет, пока мы наладим производство рельсов.

Зато, полным ходом шли работы над пароходом. «Калифорния», идейная наследница «Флориды» получила смешанный корпус, обшивка деревянная, а набор стальной. Грузоподъемность порядка тысячи тонн, мощность машины в триста лошадиных сил и скорость двенадцать узлов.

Отличный корабль, способный не только обеспечивать наши потребности в грузоперевозках внутри залива, но и совершать регулярные рейсы в Новоархангельск. Три наших фрегата трудятся не покладая рук, совершая одно плавание за другим, притом в совершенно несвойственной им роли грузовых судов.

Для плавания в Китай или в Новую Испанию фрегаты были необходимы, вероятность встречи с теми, кто захочет покуситься на корабли непризнанной Калифорнийской республики, крайне велика. А вот тут, по месту, так сказать, гонять их туда — сюда в высшей степени не разумно.

Так что, «Калифорния» будет только первой ласточкой, если с ней всё будет хорошо, то мы сначала построим еще два однотипных парохода, а затем займемся специализированным угольным танкером.

А потом, я так думаю, наши фрегаты встанут на переоборудование. У Фултона практически готова машина тройного расширения, это серьезный прорыв и его необходимо использовать.

Горные инженеры сразу показали свою полезность, выход пирита с месторождения вырос практически вдвое, и это мы еще не приступали к полноценному строительству шахты и добывали его открытым способом. Дороги тоже начали строиться, одна будет от поселка до границы с Мексикой, через Монтеррей и Лос — Анжелес, а вторая от русской деревни Савелия до озера Тахо.

Технология, предложенная Ортегой, оказалось вполне рабочей, водоросли действительно дробили камни и очень успешно. Первую часть дороги, от поселка до Монтеррея уже начали строить, благо недостатка рабочих рук не было.

Моё «мудрое и справедливое» правление, которое, на самом деле выражалось в банальном предоставлении продовольствия и медицине, привело к тому, что индейское население Миссии Долорес стало расти достаточно быстрыми темпами. А так как я сразу для себя решил, что благотворительностью заниматься не буду, индейцы работали и работали много.

Впрочем, никто не жаловался, десятичасовой рабочий день и один выходной, эти

условия в обмен на стабильность, безопасность и сытость, для многих это было недостижимым идеалом. Пока что олони использовались в основном там, где не требовались какие — то продвинутые навыки, разнорабочие грузчики, и прочий низкоквалифицированный труд. Школа для них уже построена и совсем скоро начнется ликвидация безграмотности среди местного населения, а затем все желающие смогут получить хорошие рабочие профессии.

И это очень важно, особенно в свете того что я наконец начала экспансию на юг. Лос — Анджелес надо срочно включать в мою сферу влияния, а то у нас тут вроде как независимое государство, во главе с президентом, а в Миссии Архангела Гавриила, с которой в будущем Лос — Анджелес об этом ни сном ни духом.

Губернатором Лос — Анджелеса я, не долго думая, назначил его основателя тестя Николая Резанова, Хосе Дарио Аргуэльо. После свадьбы дочери тот как — то сник, надо его взбодрить, мужик то он еще не старый и вполне деятельный, а учитывая семейные обстоятельства еще и верный.

Хосе Дарио займется гражданскими делами в Лос — Анджелес. За промышленность, а там по началу нужно будет ставить как минимум кирпичный завод и лесопилку возьмется целая команда, во главе с Барри.

Осталось решить, кто будет заниматься оборонными делами, но у меня есть кандидат.

* * *

— Сеньор де Карраско, как вы видите свое будущее в независимой Калифорнии?

На самом деле этот вопрос надо было задать сразу же, когда я появился в Монтеррее, ну или как минимум после нападения роялистов. Но лучше поздно, чем никогда.

— Как вы понимаете, сеньор де Каса Альмендарес, я дворянин и офицер, смею надеяться неплохой, поэтому я бы хотел заниматься своим делом.

— Но вы итак им занимаетесь, у вас под началом полсотни солдат, притом не самых худших, — сказал я, имея ввиду испанцев, ранее служивших у губернатора.

— Простите за прямоту, маркиз, но у вас есть хорошие моряки, особенно этот ваш русский, Плетнёв, но вот армейских офицеров у вас, на самом деле нет, Шийай, наверное. будет очень хорошим вождем, да и воин он великолепный, особенно если говорить о рукопашном бое, но он не командир для современной армии. Пока у нас противники серьезно уступающие в вооружении и подготовке его умений хватит, но что будет, когда нашей республикой заинтересуются по-настоящему серьезные игроки, англичане или американцы? Вы уверены, что он справится с настоящим вызовом.

Интересные мысли высказывает де Карраско, и они в общих чертах повторяют мои.

Семинолами и олони руководил Шийай. И если первые подчинялись ему беспрекословно еще со времен Флориды, то для вторых он стал авторитетом за время прохождения моими рекрутами «курса молодого бойца». Брат Селии унаследовал лучшие качества своего отца и даже без моего участия стал бы одним из вождей семинолов. Теперь то и подавно он и будет.

Но в качестве «военного министра» Калифорнийской республики он, к сожалению, не подходил. Если бы речь шла исключительно об олони и других коренных проживающих в Калифорнии и на Аляске, то вопросов бы не возникло, лучшего руководителя для индейцев и представить сложно. Но рано или поздно сюда потянутся и европейцы, беженцы или просто

переселенцы из Новой Испании, русские, англичане и прочие. Для них Шиаи еще долго будет «очередным краснокожим», расизм тут объективная реальность, которую надо учитывать.

Да и отсутствие настоящего военного образования тоже не надо забывать, одно дело руководить индейской пехотой, пусть даже и вооруженной винтовками, а другое дело организовывать взаимодействие родов войск.

Поэтому, на формальную должность руководителя армии мне нужен другой человек и де Карраско с его опытом подходил практически идеально, тем более что он и сам прямо заявил о своих амбициях, абсолютно верно дал оценку наших перспектив и очень деликатно обошёл вопрос расизма.

Ну а то, что вчерашний майор станет фактически маршалом, то, что с того? Вон в Европе один выскочка артиллерист вообще императором заделался и ничего, правит и воюет.

Но сначала посмотрим, как он справиться с военным администрированием Лос — Анджелеса, нужно будет построить пару фортов, организовать рекрутский набор среди местных жителей, индейцев тонгва и многое другое. Если справится, то подумаю насчет военного министра.

— Вы знаете, сеньор, я с вами согласен, давайте договоримся с вами таким образом: вы становитесь военным губернатором Лос — Анджелеса, налаживаете его оборону, организовываете сухопутный коридор в Мексику, и потом мы с вами обсудим ваши перспективы в качестве военного министра республики.

— А когда вы планируете туда экспедицию?

— А я её вообще еще не планировал, вот и займитесь, наши наличные силы вы знаете, если что — то нужно, моя дверь всегда открыта.

— Как вы хотите это проверить? Морем или сушей?

— Предлагайте варианты, сеньор.

— Хорошо, маркиз мне нужна неделя.

— Отлично.

* * *

Третье ноября тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона, Калифорния.

Вчера мы проводили Баранова с Шиаем на Аляску, я так думаю, что результат военной кампании против тинклитов будет не раньше чем через три месяца, две недели до Новоархангельска, пара месяцев собственно кампания и две недели домой. Хотя о чем это я, «Веракрус» в любом случае скоро вернется в Калифорнию и привезет не только уголь, но и новости. Правда это тоже случится не раньше чем через месяц, но тут уж ничего не поделаешь.

Интересно, а насколько реально проложить подводный телеграфный кабель до Новоархангельска? Насколько я помню, такой кабель в свое время проложили из США в Великобританию. Там, конечно, технические возможности побольше чем у нас, но и расстояние тоже. Может быть это реально, а может и нет, надо озадачить Барри младшего этим вопросом. Но это точно проект на перспективу.

Потому что нам катастрофически не хватает собственной меди. Без неё любые проекты,

связанные с электричеством, мягко говоря, простаивают. И доставка её из Китая или Мексики проблему не решают, привозной меди будет хватать только на оружейное производство и на какие — то локальные электротехнические задачи. Для изготовления кабелей её в любом случае не хватит.

Корабль ушел вчера, а сегодня у меня плановая инспекция нашего банка и монетного двора. Сами монеты мы еще не начали печатать, но зато совсем скоро состоит запуск бумажных ассигнаций. Среди мастеров вывезенных Плетневым в прошлых раз из Китая оказалось пара специалистов по бумаге, вот они сейчас и колдуют над нашими бумажными деньгами.

Калифорнийские бумажные деньги будут на сто процентов обеспечены золотом, и на территории республики я планирую запретить хождение любых денег кроме них. Только бумажные доллары и медные центы, еще одна причина, по которой нам очень нужна медь.

Однако мне не удалось отправиться в банк, мой личный телеграфист принес сообщение, отправленное из южного форта.

«Обнаружены три корабля под английскими флагами», — вот это новости, просвещенные мореплаватели здесь.

Десятое июля тысяча восемьсот седьмого года. Комендантский дом, Вашингтон, Соединенные Штаты Америки.

Вчера английские войска, наконец, оставили разоренный и сожженный Вашингтон. Захватчики уничтожили практически все административные здания: Белый Дом, Капитолий, здание верховного суда, казначейство, первое патентное ведомство и прочее, прочее, прочее.

Фактически единственное, что пощадили англичане это Комендантский дом и здания казарм. Ходили слухи, что лично Брок, лейтенант-губернатор Верхней Канады распорядился пощадить эти здания в знак уважения к американской морской пехоте, которая доблестно себя проявила во время битвы у Бладенсберга.

Но почему Комендантский дом не сожжен совершенно не важно, самое главное, что он уцелел и значит, американскому правительству есть, где провести первое послевоенное заседание. На этом заседании «достойнейшие» представители американского общества решат, как жить дальше.

Заседание почти подошло к концу, когда вице-президент Мэдисон поднял очень важный и болезненный вопрос:

— Господин президент, — кивнул он Джефферсону, — господа сенаторы и конгрессмены. Думаю, все мы хорошо понимаем, что не в последнюю очередь мы проиграли эту несчастную войну из-за действий индейцев

Собравшиеся джентльмены одобрительно зашумели, Мэдисон дождался тишины и продолжил:

— Да, господа, рад слышать, что у нас есть единство в этом вопросе. Итак, индейцы, вернее два индейских вождя, а теперь два генерала британской армии: Текумсе, вождь народа шауни и Ахайя, вождь народа семинолов.

Текумсе нанес нам несколько поражений, включая тот разгром в Мичигане, а Ахайя взял Новый Орлеан. И знаете, что я могу вам сказать. Ни того ни другого не случилось бы без вот этого:

С этими словами Мэдисон выложил на стол перед собой поврежденную флоридскую винтовку и динамитную шашку.

— Это оружие широко применялось индейцами, начиная с битвы на реке Муами и взятии Нового Орлеана.

— И что, Джеймс? Что вы хотите этим сказать? — спросил президент Джефферсон.

— Я хочу сказать, господин президент, что наши враги воевали с нами оружием, которое для них создал человек, который хорошо знаком всем присутствующим. Я говорю об Александре Гамильтоне.

При звуках этого имени президент Джефферсон поморщился, именно он санкционировал передачу испанской короне информации о действиях Гамильтона во Флориде, итогом стал побег бывшего министра финансов в Калифорнию, чем он там занимается пока не ясно, но зная его буйную натуру, ничем хорошим.

— Более того, — продолжил Мэдисон, — теперь у нас есть неопровержимые доказательства того, что события на Ямайке, с чего собственно и началась война, тоже дело рук Гамильтона.

— Вы хотите сказать провокация на Ямайке, Джеймс? — поправил Мэдисона Джефферсон

— Нет, господин, это не производит впечатление провокации. Скорее все эти взрывы служили только для отвлечения внимания от порта, где тогда же был осуществлен захват ост-индского судна.

— Которое мои агенты видели на погрузке в порту Сент-Августина, господин президент, — добавил мистер Стивенсон, тот самый который и передал Гамильтону «черную метку». К сожалению, для американского правительства, этот хитрый лис был тяжело ранен в Луизиане в самом начале войны, а так глядишь, все могло повернуться и по-другому, — и грузился на него именно Гамильтон.

Джефферсон с удивлением и злобой смотрел на своего бывшего представителя, то что он здесь не сулило президенту ничего хорошего, особенно учитывая то, какие инструкции Джефферсон давал Стивенсону

— То есть, господин президент, я могу смело и уверенно заявить, что именно ваши необдуманные действия в отношении Гамильтона и привели в конечном итоге к этой войне и нашему поражению.

Эти слова вице-президента зал встретил гробовым молчанием. Никто и предполагать не мог что Мэдисон, ставший после смерти Берра верным сторонником Джефферсона, может столь резко встать в оппозицию к президенту.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Мэдисон?

— Я требую инициировать процедуру импичмента в отношении президента Томаса Джефферсона, тем более, господа сенаторы и конгрессмены, президент Джефферсон пытался шантажировать Александра Гамильтона. Присутствующий здесь мистер Стивенсон, бывший представитель президента Джефферсона готов под присягой дать все необходимые показания и предоставить доказательства.

И вот тут зал взорвался. Предложение Мэдисона частью собравшихся было встречено овациями и криками поддержки, часть наоборот яростно протестовала. Почтенные джентльмены превратились в каких-то торговцев на стамбульском вокзале.

Итогом заседания стала специальная комиссия, собранная для проверки доказательств и выводов Мэдисона. Который, в свою очередь, практически в полночь встретился со своими сторонниками.

— Поздравляю Джеймс, очень эффектное выступление, — Джеймс Монро открыл бутылку виски и щедро налил всем членам этого комплота.

— Думаю этот тюфяк Джефферсон не оправится, — это уже Уильям Гаррисон взял слово.

— Надеюсь, господа надеюсь. Томас сам виноват, очень глупо подставился.

Присутствующие, а тут были еще несколько очень влиятельных персон, закивали. Некоторые из них ранее были сторонниками действующего президента, но война изменила всё. Старые союзы полетели ко всем чертям, и какая будет конфигурация политической элиты Соединенных Штатов, никто пока сказать не мог.

— Можете не беспокоиться Джеймс, — сказал генеральный прокурор Сизар Август Родни, — я с моими ребятами раскручу это дело, так что Джефферсон не отвертится, импичмент это минимум что ему грозит. Наверняка вы скоро будете следующим президентом.

— Я согласен с Родни, — сказал Монро, — Джеймс, тебе пора подумать о

формировании нового кабинета и надо решать, что делать с Гамильтоном и его игрушками, — флоридская винтовка была в кабинете Мэдисона и все уставились на нее.

— А что тут думать, мистер Монро. Эту винтовку нужно всесторонне изучить и пустить в производство, раз уж Гамильтону удалось наладить производство этого оружия в болотах Флориды, то уж нам это сделать сам Бог велел. А что касательно самого Гамильтона, думаю, что нам нужно послать человека в Йорк. Англичанам давно пора узнать, кто на самом деле на них напал на Ямайке.

* * *

Двадцатое июля тысяча восемьсот седьмого года, Йорк (Будущий Торонто) провинция Верхняя Канада.

Было бы наивно думать, что англичанам неизвестно, кто стоял за событиями на Ямайке. Они поняли это еще в прошлом году, когда в Канаду прибыл сэр Ричард Горн, капитан спасенного Гамильтоном ост-индского судна. Его подробный отчет о событиях возле побережья Бразилии был тщательно изучен и британская колониальная администрация.

Кроме того, к моменту окончания войны британцы собрали обширное досье на Гамильтона, основанное на информации, полученной от индейцев. А её было предостаточно, начиная от вакцинации и парохода, заканчивая динамитом и винтовками.

Вообще, если говорить о винтовках, то информация о них медленно но верно распозлзлась по всему миру. Американцы, англичане, испанцы и французы, через своих агентов в Испании получили образцы для копирования. Это обещало сделать следующую фазу наполеоновских войн еще более кровавой. Безнадёжно отстающими выглядели, пожалуй, только австрийцы и русские. Но если последние вовремя взяли паузу, то вот подданным императора Франца второго можно было только посочувствовать. Тем более что, собственную разработку унитарных патронов и оружия под него, французы вели независимо от действий Гамильтона.

Изучив всю имеющуюся у него информацию, Айзек Брок решил отложить в дальний ящик стола обиду, или даже месть за Ямайку и договориться с Гамильтоном. Обиды обидами, но национальные интересы Британии превыше всего. Раз уж этот странный американец помог разгромить Соединенные Штаты, то почему бы не попробовать вместе с ним откусить несколько жирных кусков от враждебной ему Новой Испании. А за Ямайку Британия еще успеет поквитаться, потом.

— Господа, вам не кажется, что нужно отправить посольство в Калифорнию? — задал вопрос лейтенант-губернатор Брок.

— Посольство? Слишком громкое слово, господин губернатор, — сказал бывший губернатор Верхней Канады сэр Френсис Гор.

После победы над Соединенными Штатами популярность Айзека Брока выросла практически до небес, и у Гора не было никаких шансов вернуть свое место. Он остался важным чиновником в Йорке но «Спасителя Канады» буквально ненавидел.

— Да, господин Гор, именно посольство. Нет никаких сомнений, что Гамильтон захватил власть в Калифорнии и провозгласил независимость. Во всяком случае, наши агенты в Мексике говорят именно об этом.

— Ваши агенты получают информацию с опозданием в пару месяцев, и еще столько она

идёт до нас. Может быть, в Калифорнии уже давно нет никакого Гамильтона.

— Это очень вряд ли, сэр. Исходя из того что мы знаем я делаю вывод что он вцепится в Калифорнию что есть силы. Там более что он самая большая лягушка в тамошнем болоте. Два фрегата, флейт и наш ост-индский корабль это очень большая сила, плюс его индейские солдаты с новым оружием. Скорее он там уже набрал или набирает армию из местных. А учитывая то, как легко он сошелся с семинолами, я скорее предположу, что у него как минимум тысяча, а то и две-три новых солдат. А это уже серьезно даже по нашим меркам.

— Прямо так и серьезно! Брок, вы слишком сгущаете краски. Дикари остаются дикарями, пусть даже и с винтовками.

— Да, серьезно. Вам напомнить, сколько этих «дикарей» было в битве за Новый Орлеан?

— Новый Орлеан взяла морская пехота адмирала Кокрейна.

Присутствовавший на этом совещании адмирал Кокрейн при этих словах поперхнулся вином и хотел что-то сказать, но Брок не дал ему этого сделать:

— Вы просто дурак сэр. Новый Орлеан захватил вождь семинолов Ахайя с четырьмя тысячами воинов, из которых только у нескольких сотен было оружие произведенное Гамильтоном. И, кроме того, вы видимо забыли доклад адмирала Кокрейна про то, что сделали с его эскадрой корабли Гамильтона возле Барбадоса.

— Господин генерал-майор, — вмешался в перепалку полковник Кокрейн, герой битвы у реки Муами, хочу вам напомнить, что в Мичигане индейцы Текумсе тоже очень активно использовали оружие из Флориды, с его помощью Текумсе лично взорвал мост.

— Да, Чарльз, спасибо, я помню. Как видите, господин Гор, даже небольшое количество оружия Гамильтона очень серьезно повлияло на ход войны. И в любом случае, я сейчас губернатор Верхней Канады, так что не вам решать как и что мне делать в отношении Калифорнии. И можете не сомневаться, я передам доклад в Лондон о вашей некомпетентности.

— В таком случае, мне тут делать нечего, — Гор резко встал и вышел.

Брок и остальные британские офицеры проводили его взглядом, а затем лейтенант-губернатор продолжил:

— Адмирал Кокрейн, сэр. Я прошу вас подготовить несколько кораблей для похода в Калифорнию.

— Конечно, господин губернатор.

— Только имейте ввиду, ваши корабли идут не воевать, а договариваться. Думаю, что командовать миссией нужно поручить капитану Горну. Он знаком с Гамильтоном лично и, в некотором роде обязан ему жизнью. По себе знаю, что спаситель зачастую более расположен к спасенному.

— Хорошая идея, господин губернатор, я тоже думаю, что капитан Горн будет лучшим вариантом.

— Вот и отлично. И подготовьте побольше товаров из Европы для подарков и торговли, в Калифорнии наверняка много мехов, а вот предметов роскоши толком и нет. Как сообщали наши агенты, Гамильтон взял на борт в основном различные станки и оборудование.

Корабли капитана Горна отправились в Калифорнию через неделю, три новеньких фрегата, только что прибывших из Метрополии. Их отличало повышенное водоизмещение и более мощные пушки. С такими кораблями Горн не боялся отправиться в это путешествие, он планировал отдохнуть сначала на Ямайке, потом в союзной Бразилии. Преодолеть мыс

Горн, через Магелланов пролив ему в любом случае не удастся пройти, испанцы не дадут. А потом, сделав передышку в какой-нибудь безлюдной чилийской бухте дойти до Калифорнии.

* * *

Двадцатое августа тысяча восемьсот седьмого года, Нагасаки, Япония.

— Огонь, братцы, огонь! Круши этих сукиных детей! — надрываясь, кричал Плетнев.

Шел третий час боя за Нагасаки. Набранная из охотников десантная команда давно высадилась в порту и завязла. Японцы, размахивая своими саблями из дрянного железа, перли как сумасшедшие и только орудия фрегатов позволяли десанту держаться...

Едва большие черные корабли капитана Плетнева показались на рейде Нагасаки, как тут же оттуда стали спешно уходить корабли европейских держав, вид двух фрегатов не оставлял никаких сомнений о том что сейчас будет происходить. Сегодня Резанов твердо решил поквитаться с японцами за свою недавнюю неудачу...

А началось все это еще в несколько месяцев назад, когда Николай Петрович приказал двум лейтенантам, Николаю Хвостову и Гавриилу Давыдову, взять под свое командование соответственно шхуну «Юнона» и тендер «Авось» и отправиться к берегам Курильских островов и Сахалина с целью прекращения рыболовецкого промысла японцев.

Резанов рассудил, что раз уж он на двух фрегатах отправляется в Китай, то можно и попробовать добиться-таки договора с Японией, и четыре корабля для этого лучше чем два, пусть и таких мощных как «Святая Луиза» и «Стелла Марис».

Свой замысел он рассказал Плетневу уже, когда они были в море, объяснив, что хочет быть не просто коммивояжером Гамильтона, но и русским дипломатом. Тот, будучи по натуре авантюристом, сходу согласился помочь «задушевному другу Николя». По прибытию в Кантон они сделали необходимые заказы и отправились к Сахалину, где бесчинствовали Хвостов и Давыдов...

Дождавшись, когда все нейтралы покинут рейд Нагасаки, калифорнийские фрегаты открыли огонь по вышедшим им навстречу углым суденышкам японцев, а затем, перетопив добрый десяток, приступили сначала к обстрелу порта, а затем и к десанту.

И вот уже битых три часа корабли вели огонь по японцам, которые отчаянно пытались сбросить десант в море. Пару раз им даже удавалось практически добраться до, невесть откуда взявшихся, врагов, но скорострельные винтовки не давали им никаких шансов.

Наконец боевой дух японцев был сломлен и показались парламентарии под белыми флагами. На следующий день Резанов, взяв предварительно заложников, которые остались на фрегатах, отправился в Токио ко двору императора.

В этот раз переговоры у Резанова получились намного более короткими и скоротечными, все-таки за спиной у него, внезапно для второй высокой договаривающейся стороны, чернели сеющие ужас тени его фрегатов.

Договор Николай Петрович подписал просто прекрасный. Россия и Калифорния получили право беспошлинной торговли на всей территории Японии, а не только в Нагасаки, как другие европейские державы. Кроме того русским разрешили открытие православных миссий и закреплялись права на Сахалин и все Курильские острова, японцам разрешалось заниматься там рыболовством, но Резанов взял за это плату на десять лет вперед.

Чтобы немного сгладить горечь унижения, Резанов преподнес японскому императору достаточно богатые подарки: аляскинские меха и сундучок с гавайским жемчугом. Это действительно помогло, и переговоры завершились достаточно благожелательно. Стороны подписали договор, копию которого Резанов обязался доставить в Санкт-Петербург. При этом, и это было очень важно, договор был составлен на нескольких языках и русская версия считалась основной.

Уже в порту Нагасаки несколько приближенных японского императора заикнулись по поводу чудо-оружия пришельцев, но Резанов заявил, что вести переговоры по поводу оружия не уполномочен, так как оружие и корабли это собственность Калифорнийской республики. Японцы сообразили достаточно быстро и, попросив подождать несколько дней, организовали посольство в эту непонятную страну.

Так что домой, в бухту Сан-Франциско корабли Гамильтона отправились с некоторым опозданием, но везя первое в истории Калифорнии официальное посольство.

Третье ноября тысяча восемьсот седьмого года, Поселок Гамильтона Калифорния.

Итак, к нам пожаловали сразу три английских фрегата. И я смотрю, англичане подготовились, к фортам приближается только один корабль, а два других остались на приличном удалении. Очевидно, они сделали правильные выводы из того разгрома у Барбадоса понимают, что мы их перестреляем пока они будут подходить на дистанцию открытия огня. И это очень хорошо значит, англичане пришли не воевать, а разговаривать. Что ж, это меня вполне устраивает, посмотрим, что они скажут.

Тем более что мне самому вообще не нравится идея воевать с сильнейшей морской державой мира. Если англичане захотят они нашу республику просто задавят численностью. Это обойдется им очень дорого, тем более что в Европе сейчас война, но они на это способны.

А так, посмотрим, послушаем, что они нам скажут. Жалко конечно, что на самом видном месте торчит корпус «Флориды», нашего ямайского трофея, но тут уж ничего не поделаешь. Да и вряд ли они не знают, кто умыкнул эту лошадку из стойла.

Я телеграфировал в военный городок, чтобы де Карраско срочно собрал всех наших свободных военных. Англичанам нужно показать мощь, чтобы в голову глупые мысли не лезли. Жалко, что под рукой меньше половины наших сил, но все равно четыре сотни стрелков это очень даже неплохо.

Через несколько часов англичанин приблизился достаточно близко и спустил шлюпку. Я к тому моменту уже был в южном форте и ждал, когда они приблизятся. Орудия обоих фортов и фрегата «Сан Хуан» Все это время были готовы открыть огонь. Белый флаг белым флагом, а разумные предосторожности никогда не помешают.

Когда шлюпке остались до берега несколько минут ходу, я не торопливо, без суеты и спешки, спустился к так называемому посольскому причалу. Всех подряд мы в сам залив не пускали, будьте добры сначала пройти процедуру «проверки благонадежности», по-простому говоря, получить разрешение на заход в залив.

Именно по этой причине залив прекратили посещать американские китобои, коих до нашего прибытия в Калифорнию было пруд пруди. Эти ребята никакого доверия не внушали, многие из них зачастую были сущими разбойниками. Такие гости нам были не нужны.

В шлюпке я увидел десяток морских пехотинцев, какого-то гражданского, полненького мужчину в очках, и смутно знакомого мне флотского офицера. Вглядевшись в него, я понял кто передо мной. Это был капитан спасенного мной от кори английского корабля. Надо сказать отличный выбор для переговоров.

— Мистер Гамильтон, — прокричал он мне, когда шлюпка еще даже не коснулась причала, — Я рад вас видеть! Моего спутника зовут мистер Эдвард Рэйнбоу.

— Взаимно, мистер Горн. Приятно познакомиться мистер Рэйнбоу. Мистер Горн, какими ветрами вас занесло в эти края, от Бразилии, где я видел вас в последний раз, до этого места несколько далековато, — Разговор продолжился, когда англичане уже были на земле

— Я капитан корабля его Величества Георга Третьего, и могу оказаться где угодно, если того требуют интересы короны.

— Логично, мистер Горн, логично. Так какие интересы у британской короны здесь. В столице независимой Калифорнийской республики?

— Мистер Гамильтон, мы можем продолжить в более комфортных условиях?

— Конечно, сейчас нам подадут лошадей, и мы поедем в мою контору.

— Могу я вас попросить разрешить моим морякам спуститься на сушу? Мы больше трех месяцев были в море.

— При выполнении некоторых условий конечно можно.

— Каких же?

— Орудийные порты ваших кораблей должны быть закрыты, ваши люди должны быть безоружны, и вы уж не обижайтесь, но для отдыха вам выделяют охраняемый нами лагерь. Почти тысяча английских моряков это очень много. Тем более что у нас очень мирный городок, где нет ни борделей, ни кабаков. Вашим людям там делать точно нечего.

— Вы не высокого мнения о британских моряках.

— Вовсе нет, я просто немного знаю людей, и прекрасно понимаю, чего могут хотеть молодые здоровые мужчины после трех месяцев в море.

— Хорошо, вы правы, мы здесь гости, а вы хозяева.

— Отлично, можете командовать своим кораблям, что они могут войти в залив.

Для отдыха англичан мы разбили небольшой палаточный лагерь охраняемый стрелками олони, а рядом с их кораблями постоянно дежурил фрегат «Сан Хуан», готовый немедленно открыть огонь, кроме того пушки форта «Алькатрас» также держали английские фрегаты под прицелом.

Наши вчерашние пленные его благополучно достроили, и я предложил им выбор кем они хотят остаться в Калифорнийской Республике. Большинство предпочли влиться в армию молодого государства, но порядка полутора десятков выбрали другие профессии. Один так вообще оказался судовым врачом и сейчас активно повышал квалификацию под чутким руководством мэтра Абенамара и моей жены. Так что мой план по поводу них сработал на сто процентов.

— А у вас тут очень хороший и благоустроенный город, мистер Гамильтон, — сказал мне Горн, когда его люди были, наконец размещены.

— Спасибо, мистер Горн. Мы старались, чтобы сделать его таким.

— Прошу, называете меня Чарльз, и скажите, а вы не боитесь давать в руки аборигенам оружие, тем более такое.

Только что мы медленно проехали по главной площади нашего поселка, где были построены три сотни моих солдат, остальные занимались охраной лагеря англичан. По Горну было видно, что он впечатлен внешним видом стрелков олони, и особенно их вооружением.

Новые винтовки системы Тамтакиса-Лендакиса, в девичестве однозарядная винтовка Ремингтона, мы решили не светить, и в руках солдат были старые Крнка, которые тут все называли винтовки системы Гамильтона.

— Нисколько не боюсь, Чарльз, это же мои люди. Вы вот не боитесь своих матросов?

— А чего мне их боятся?

— Я могу сказать тоже самое.

— Итак, зачем вы прибыли в Калифорнию, господа. Никогда не подумаю, что вы преодолели такой путь исключительно, чтобы поблагодарить меня за ваше спасение у берегов Бразилии.

— Конечно, нет, мистер Гамильтон. Я официальный представитель губернатора Верхней Канады сэра Айзека Брока, а мистер Рэйнбоу представляет здесь интересы «Компании Гудзонова Залива».

— И чем я могу быть вам полезен, господа?

— Вы, наверное, еще не знаете, но по результатам последней англо-американской войны британская корона получила значительные территориальные приобретения...

Следующий час Горн рассказывал мне последние новости с восточного побережья Северной Америки, и эти новости меня буквально вогнали в ступор.

Ай да англичане! Ну молодцы, они практически уничтожили возможности экспансии Соединенных Штатов на запад. Я даже и подумать не мог, что у них хватит сил не просто победить американцев, но и отнять у них Луизиану, Мичиган и другие территории. Фактически сейчас США ограничены бывшими тринадцатью колониями. Отличные новости, нечего сказать. И как я понял, в этом есть и моя заслуга, без моего оружия у них бы это не получилось. Вон как восторженно Горн рассказывает о действиях Ахайи и Текумсе.

Но кто бы мог подумать, что дед моего сына окажется настолько умелым воином и дипломатом. Он не только Новый Орлеан взял, но и с Текумсе в союз вступил, а через него и англичанами. Генерал Ахайя, звучит, черт возьми!

Правда неизвестно, как поведут себя британцы на вновь захваченных землях, может быть и они начнут скоро проводить ту же политику, что и американцы в будущем. Войны с индейцами, высылки их в резервации и прочие прелести очень прагматичного подхода. Но до этого еще дожить надо.

Наконец Горн закончил вводную часть своей речи и перешел к главному:

— Мистер Гамильтон, как вы оцениваете перспективы Новой Испании?

— А что мне их оценивать, мистер Горн? Пока испанцы не лезут на территорию независимой Калифорнийской республики, меня их дела совершенно не касаются, — ни к чему говорить что я поддерживаю сепаратистов, это лишнее.

— Позвольте с вами не согласиться мистер Гамильтон, вы же активно участвуете в этой войне, ваши корабли и десантники захватили для мятежников Сан-Блас, вы поставляете им оружие и даже приютили у себя раненых и семьи бунтовщиков.

— Отдаю должное мистер Горн, разведка у его Величества Георга Третьего работает превосходно. И что из этого следует?

— Мы думаем, что вы заинтересованы в поражении Новой Испании в этой войне и на определенных условиях готовы поспособствовать этому.

— И что это за условия? И самое главное, почему вы обсуждаете со мной? Почему бы вам прямо сейчас не отправиться в Акапулько? Там находятся лидеры сепаратистов, вот вы с ними и обсудите помощь Британии в их священной борьбе за независимость, — последние слова, не смотря на их очевидную комическую напыщенность, я произнес максимально серьезным тоном.

— Мы считаем, что вы, хоть и не участвуете в этом восстании напрямую, являетесь одной из его ключевых фигур. С вашего выступления в Акапулько оно началось, благодаря вашей операции в Сан-Бласе, бунтовщики контролируют достаточно большую территорию. Вы поставляете им современное оружие, превосходящее все, что есть у роялистов. Скажу

больше, в Йорке уверены, что стоит вас нейтрализовать и восстание против Карла Четвертого будет подавлено, — сразу видно что Горн не дипломат и не привык к таким длинным речам, в конце у него пересохло в горле и он выпил вина.

Интересно британцы оценивают мою роль в войне за независимость Мексики, прям серый кардинал, не иначе. В этом они ошибаются, сторонники независимости и без меня могут одержать победу, что они бы, собственно, и сделали бы, начнись эта война лет на десять позже. Но к чему Горн клонит?

— И что следует из ваших слов?

— Британия крайне заинтересована в расширении своего влияния в Карибском бассейне, кроме того мы опасаемся что Соединенные Штаты могут попытаться компенсировать поражение в войне с нами напад на Новую Испанию и захватив Флориду.

— С их стороны это было бы логично, если бы не одно но. Ахайя крепко дал им по зубам в Луизиане и наверняка может сделать это снова.

— Возможно, мистер Гамильтон, возможно. Но дед вашего внука в этой ситуации будет один против Соединенных Штатов и ему будет намного тяжелее им противостоять.

— И что вы предлагаете?

— В обмен на нашу помощь сепаратистам, они уступают нам права на Флориду и Кубу. Как только ваше, именно ваше согласие будет доставлено в Йорк, мы немедленно вводим войска на территорию Новой Испании, организуем плотную морскую блокаду и помогаем сепаратистам. Тем более нам для этого даже повод не нужен. Мы в любом случае в состоянии войны с Испанией.

— А почему решение об этом принимается именно в Йорке? Разве в Вест-Индии, в которой в этом случае отойдут, и Куба и Флорида нет своего губернатора?

— После победы над Соединенными Штатами авторитет губернатора Брока в Лондоне настолько велик, что фактически он руководит всеми колониями Британии в северной и южной Америке.

— Понятно, а какая моя выгода в этом деле?

— От лица Короны мы готовы признать ваше государство и открыть в нем официальное посольство.

— Международное признание вещь отличная, но это как-то мелко. Особенно в сравнении с Кубой и Флоридой.

— Кроме того мы готовы признать ваши исключительные права на всё тихоокеанское побережье Северной Америки вплоть до сорок девятой параллели.

Как мило, они отдают мне, что им итак не принадлежит, но только до той границы, которая была у Канады и США в покинутом мной будущем. Отличное предложение! Как бы мне его послать повежливее.

— Мистер Горн, честно сказать, мне не нравится это предложение. Размен неравноценен, всё, что вы мне предлагаете, кроме английского посольства, я и сам могу взять. К тому же, вы преувеличиваете моё значение и мое влияние среди руководства восставших в Новой Испании. Они вполне могут и не согласиться, особенно если говорить про Кубу.

— Они согласятся, особенно если вы пригрозите прекратить поставлять им оружие. И раз уж вы сомневаетесь, то у нас есть еще одно предложение. Мы готовы забыть, кто на самом деле напал на подданных его величества Георга Третьего на Ямайке.

Однако, капитан Горн очень жесткий переговорщик, фактически он предъявил мне

ультиматум сейчас. Молодец, на самом деле кто там кого спас это когда было, а интересы государства никуда не делись и всегда на первом месте. Можно только позавидовать.

Но принимать эти условия никак нельзя, если я соглашусь, то кто бы, ни победил в Мексике, он будет моим врагом. Да и в случае оккупации англичанами Кубы и Флориды мои позиции станут еще более уязвимыми. Что им помешает дальше на меня давить, фактически взяв в заложники семью моей жены? Да и не только её, англичане и сами могут развязать войну против семинолов, в которой Ахайя неизбежно проиграет.

— Мистер Горн, я понял ваши предложения и сразу не готов дать на них ответ. Я возьму паузу в несколько дней, и потом мы вернемся к этому вопросу. Вы не возражаете?

— Конечно, нет, мистер Гамильтон. Или вас теперь надо называть господин президент?

— Как вам будет угодно, для меня это не принципиально. Мистер Рэйнбоу, насколько я понимаю, у вас тоже есть ко мне предложения?

— Все верно, мистер Гамильтон. Но они носят исключительно торговый характер. Компания Гудзонова Залива заинтересована в открытии на территории Калифорнии и Аляски своих постоянных представительств, можно даже сказать факторий и готова обсудить с вами условия, на которых это можно осуществить. Кроме того, на кораблях капитана Горна есть достаточно много товаров из Европы, которые вас интересуют.

— Какие именно?

— Различные предметы роскоши, все, что может сделать жизнь здесь более приятной. Уверен, что ваша жена оценит их по достоинству.

— По поводу представительств, давайте обсудим это после того как я дам капитану Горну, а насчет товаров вам лучше переговорить с мистером Барри О'Салливаном, он вице-президент республики и вопросами торговли занимается именно он, — интересно, насколько Барри удивится когда узнает, что он теперь аж целый вице-президент.

* * *

Проводив незваных гостей, я собрал свой совет. Барри, де Карраско, Дукас, отец Нектарий, этот монах стал огромным авторитетом среди греков, тем более он был частично посвящен в мою историю, Мария Мануэла, с сыном сейчас были няня и кормилица, и Хосе Дарио Аргуэльо.

После пересказа ультиматума англичан я задал один единственный вопрос:

— Итак, сеньоры и синьорина, все понимают, что это ультиматум. Как нам на него отвечать?

— Позвольте мне высказаться первому, — взял слово де Карраско. Я кивнул и он продолжил:

— Мы можем уничтожить англичан, «Сан Хуан» и форт «Алькатрас» обладают достаточной огневой мощью, чтобы утопить все три фрегата, а наших стрелков хватит, чтобы уничтожить команды кораблей, тем более что они без оружия.

— Это ваше предложение?

— Ни в коем случае, просто чтобы вы понимали, если мы не найдем решения, то можем это осуществить.

— Ясно, а по сути, что вы можете сказать?

— Только то, что и принимать предложения нельзя и отказывать нельзя.

— А кто такой этот капитан Горн? Я помню, что ты спас его команду у берегов Бразилии, но все-таки? — спросила моя жена.

— Хороший вопрос, он пользовался большим авторитетом у англичан в Бразилии, но это все что я о нем знаю.

— Вот что я скажу, господин президент, — внезапно перебил меня Нектарий, но при этом чуть ли не первый в официальной обстановке назвал меня президентом, — вам нужно согласиться на этот ультиматум.

Я хотел обрушить на него резкую критику, но Нектарий продолжил:

— Но согласие это только первый шаг, дальше нужно будет еще кое-что сделать.

— Необходимо согласиться на предложения англичан, но сначала потребовать от этого Горна выполнения всех дипломатических процедур. Раз уж вы президент независимой страны, не хуже иных и прочих, то пусть британцы поступают как положено.

— Гениальная мысль, ваше преподобие. Я сам хотел нечто подобное, но вы очень четко все сформулировали. Пусть они плывут себе обратно в свой Йорк за вверительными грамотами и официальным текстом договора, а потом возвращаются обратно, но уже с нормальным посольством, — как же хорошо, что я перетащил этого Нектария на свою сторону. Умнейший человек оказался.

— А что потом, господин президент? — спросил Хосе Дарио.

— У нас будет год, чтобы как следует подготовиться, вот что дальше будет. Перевооружим форты, построим новые. Проведем еще один, а то и несколько наборов добровольцев среди олони и остальных индейцев. Много всего нужно будет сделать.

— А когда они явятся снова, будем воевать? — спросил Дукас.

— Если потребуется, то да. Этот договор, нельзя подписывать ни при каких обстоятельствах, — к тому же, Наполеон совсем скоро начнет свою пиренейскую эпопею и из метрополии много войск англичане сюда не перебросят. Об этом я тактично умолчал.

— А вот о торговле договориться нужно уже сейчас, — сказал Барри, — ни к чему вызывать опасения англичан.

— Но только после дипломатического признания Калифорнийской Республики Британской Империей. Иначе они прямо сейчас оставят тут своих людей, и мы себе под бок несколько получим несколько профессиональных шпионов.

— Хорошо, господин президент, — то ли в шутку, то ли в серьез ответил Барри.

— Но что они там привезли нужно купить, только платить не золотом, а мехами с Аляски.

— Само собой.

На этом совещание усеченного состава моего «госсовета» завершилось.

* * *

Привезли с собой англичане действительно много всего, но в основном всякие предметы роскоши, из тех, что мы не можем произвести, зеркала, коньяк, серебряная посуда и прочее. Особенно пришлось ко двору огромное количество женской одежды, все-таки у нас ничего подобного пока не производилось, да и не из чего было.

Привезенные из Китая семена хлопчатника мы пока в дело не пустили. Как объяснил мне, через переводчика естественно, один из китайцев, Ли как-то там хрен выговоришь, условия в заливе Сан-Франциско не самые подходящие.

Резанов привез многолетний хлопчатник, а он очень требователен к температуре, если, не дай Бог, температура опустится ниже нуля, то все, пишите письма. Так что пока мы не закрепимся южнее Лос-Анджелеса, то и думать нечего о хлопке.

С шелком ситуация чуть лучше, китайцы облазили все окрестности Миссии Долорес

и Монтеррея и таки нашли что-то похожее на шелковицу. Надеюсь, что совсем скоро у нас появится калифорнийский шёлк.

Вот с чем дела действительно обстоят хорошо, так это с бумагой и картоном, это производство выходцы их Кантона развернули достаточно быстро. Это будет очень важно в свете того что нам, возможно, понадобится очень много картона для производства гильз для патронов.

Но о подготовке к возможной войне с англичанами будем думать потом, сначала надо их отсюда сплавить.

На следующий день переговоры продолжились. Видимо Горн с Рэйнбоу решили, что немного перегнули палку и решили подсластить пилюлю. Правда, несколько своеобразным образом.

— Господин президент, — начал Рэйнбоу, — я вижу, что вы уже наладили связи с Китаем, об этом говорит китайские фарфоровые чашки, из которых мы пьем китайский же чай, да и вон те вазы явно оттуда.

— Да, все верно, мы торгуем с Китаем.

— Компания Гудзонова Залива может выступить заказчиком товаров оттуда и арендовать у вас склады для хранения, а также выступить вашим представителем для Калифорнийской торговли в Европе. После завершения войны с Наполеоном, конечно. Кроме того мы готовы открыть для вас вербовочные конторы и заняться доставкой переселенцев сюда. Думаю, что в Ирландии найдётся немало желающих поселиться в этом краю.

— И как вы себе это представляете? Везти людей через мыс Горн?

— Нет, конечно, зачем. У нас будет как минимум два варианта, или через Мексику или через Канаду. Оба вполне осуществимы, — понятно, спасибо, мистер Рэйнбоу, вы мне сказали очень многое. Англичане не собираются останавливаться на захвате Флориды и Кубы, это если говорить про Новую Испанию. И они уже или вышли, или вот-вот выйдут на западное побережье Канады. Вот почему была оговорка про сорок девятую параллель.

— И позвольте добавить, господин президент, взял слово Горн, — Великобритания готова выступить гарантом вашей независимости. База флота Его Величества остудит горячие головы, которые могут попробовать напасть на вас.

— Это, действительно, очень интересные предложения, — правда, в результате реализации этих предложений Калифорния будет английской колонией, но это, в сущности, мелочи. Да и главная опасность для нас это как раз британский флот, а не какие-то гипотетические горячие головы, — мы, безусловно, их рассмотрим. После установления дипломатических отношений между Калифорнийской республикой и Британской Империей. Тоже самое относится и к вашим вчерашним предложениям.

— Разве того что я являюсь представителем губернатора Брока не достаточно, чтобы обсуждать наши предложения?

— Боюсь, что нет. Ваши предложения слишком серьезны, чтобы подписывать их, фигурально выражаясь, на коленке. Калифорнийской Республике нужно официальное признание. Вот после того как Британия откроет здесь посольство мы с радостью подпишем договор о разделе сфер влияния на территории Новой Испании.

— То есть, сейчас вы не будете ничего подписывать?

— А подписывать нечего, господин Горн. Калифорния независимое государство, я его правитель. Вы же не к туземцам в Африку приехали. И я хочу вам дать совет.

— Какой же?

— Я очень хочу заключить с вами договор, о котором мы говорили. Он мне необходим, — на самом деле нет, кто кого признает, по большому счету не важно, тем более что и без английского короля найдётся, кому Калифорнию признать. Вон у меня тут цельный посол и камергер постоянно ошиваются, — поэтому когда к нам прибудет посольство вашего короля. будет лучше если на договоре уже будет стоять подпись Георга Третьего.

— На договоре, которого, по вашим словам сейчас нет.

— Так в чем проблема? Давайте составим его проект. Вот его-то вы и отвезете в Лондон.

* * *

Не знаю, что там себе думали англичане, но однозначно они поняли, что прямо сейчас им ничего не добиться. Поэтому следующие пару дней мы вместе работали над проектом договора.

Помимо всего уже вышеперечисленного в него вошли еще несколько пунктов, как-то: право беспощинной торговли английских купцов на нашей территории и добровольный отказ Калифорнии от торговых отношений со странами находящимися в состоянии войны с Британской империей. Кроме того официальной валютой республики становился английский фунт.

В обмен на это флот его величества был обязан обустроить у нас военно-морскую базу пригодную для стоянки и обслуживания десяти трехпалубных кораблей, и Великобритания брала на себя обязательство по защите Калифорнии от внешней агрессии.

Пожалуй, единственной преференцией для Калифорнийской республики являлся право пользование английской патентной системой и безусловный приоритет наших патентов в доказанных ситуациях. Правда, этим еще надо было суметь воспользоваться.

На самом деле, это проект абсолютно кабального договора. Если он будет принят, то положение нашей республики будет не намного лучше, чем положение тринадцати колоний до войны за независимость. Притом, без малейших шансов на изменение этой ситуации в будущем.

Другое дело, что я не собираюсь его подписывать. На подобные условия соглашаются по результатам проигранной войны, но никак не добровольно. Так что сейчас я фактически делаю ставку только на то, что смогу отбиться от англичан когда, они сюда заявятся сюда в следующий раз.

Под конец визита Горна я показал ему немного из того что можно было показывать. Мы как следует настрелялись из винтовок и пистолетов моей системы, англичане её упорно называли флоридской, англичане осмотрели строящийся пароход, побывали на лесопилке и на этом всё. Остальное не для чужих глаз.

* * *

Десятое ноября тысяча восемьсот седьмого года, поселок Гамильтона,

Калифорния.

Наконец-то англичане отбывают восвосяи, из их присутствия здесь была парализована нормальная работа нашего маленького государства. Мои оружейные гении что-то там придумали, есть серьезные подвижки по антибиотикам, а я как будто выпал из рабочего процесса. Даже регулярную инспекцию золотого запаса не делал.

Два английских фрегата уже на рейде, а третий сейчас проходит пролив. Пушки обоих фортов выстрелили холостыми в прощальном салюте и на этом всё, визит просвещенных мореплавателей закончен, а наша работа только начинается.

Сейчас нам срочно нужно наращивать производство оружия и боеприпасов, пожалуй, даже в ущерб всему остальному. Поэтому мне нужно как можно быстрее на оружейный завод, посмотрим, чем меня может Лука обрадовать.

Но сначала банк, с утра как раз должны были привезти очередную партию золота. Обычно меня информируют о количестве привезенного по телеграфу, но я с утра не был в конторе, поэтому не знаю подробностей...

— Как его не было? А кто тогда сдал вам золото и когда?

— Никто, господин президент. Золото сегодня не поступало.

— Почему я об этом узнаю только сейчас? Вы должны были немедленно известить меня!

— Я и известил по телеграфу, как только понял, что происходит что-то неправильное. А лично сообщать вы запретили пока с вами эти англичане.

— Ясно, спасибо мистер Шварц, — вот же удивительное дело, среди шести сотен греков, отправившихся со мной в Калифорнию, затесался один крещеный еврей, помощник аптекаря, а в прошлом меняла, прогоревший как раз из-за своей принципиальности и честности. Я думал, что так не бывает, а вот и нет, честный меняла. Вот ему-то я поручил наш Первый Калифорнийский Банк, — на пристань вы телеграфировали? Запрашивали, прибыл ли куттер с золотом?

— Да, господин президент, там подтвердили, что он прибыл, и мистер Пападопуло был там со своими помощниками и четырьмя охранниками, все как обычно.

— Понятно, я отправляюсь в контору, держите меня в курсе, если будут новости.

Ситуация на самом деле серьезная, куда то пропал наш курьер, доставлявший золото и документы на него с приисков. Каждые две недели специально выделенный для этого куттер поднимался по реке Сакраменто до форта «Восточный», забирал оттуда золото и возвращался обратно. Золото сопровождается ответственным за него курьером, Иоаннисом Пападопуло, его помощниками и четверкой охранником семинолов, отобранных лично Шиаем. Схема хорошо отработанная и ранее не дававшая сбоев, но теперь что-то произошло.

Едва я вышел из банка, то буквально столкнулся с одним из моих курьеров, которые обычно доставляли почту:

— Господин президент, беда! Хуана убили!

— Какого Хуана?

— Вашего личного телеграфиста!

Сломав голову я помчался в контору и в телеграфном кабинете действительно обнаружил труп бедняги Хуана, ему чем-то тяжелым проломили голову. И тут же заработал телеграф.

«Недалеко от пристани обнаружены тела четырех воинов семинолов и одного помощника курьера» — вот что я прочитал в этой телеграмме...

— В общем, ситуация ясна, господин президент, — сказал де Карраско, —

злоумышленники, а это очевидно были Пападопуло с помощниками, напали на охранников, убили их, а затем скрылись, при этом один из них, зная что Шварц обязательно сообщит о том что золото не поступило, убил и вашего телеграфиста.

— А потом они скрылись, скорее всего, на одной из английских шлюпок, при погрузке там был такой бардак, что ничего удивительного нет в том, что их не заметили, — закончил я мысль испанца.

— Совершенно верно.

— Мистер Гамильтон, — обратился ко мне Дукас, — мы можем выслать в погоню за англичанами «Сан Хуан», он их быстро догонит.

— Догнать то он их догонит, но дальше что? Принудит остановиться для досмотра? А если они не подчинятся?

— А они, почти наверняка, не подчинятся, мистер Йоргис, — сказал де Карраско Дукасу. И что дальше делать? Драться? Вы видели эти фрегаты?

— Да, вы правы, одному «Сан Хуану» три этих громадины не по зубам, даже не смотря на машину и новые ядра.

— О том и речь, старина, о том и речь. Мы допустили несколько больших ошибок, и боюсь, нам дорого придется за них заплатить. Сеньор де Карраско, нужно немедленно усилить охрану приисков. Мы не знаем этого наверняка, но будем действовать исходя из того, что англичане узнали о золоте, они вполне могут попробовать пристать где-то к берегу и попытаться проникнуть на прииски по суше.

— Ты думаешь это возможно, дорогой? — спросила Мария Мануэла.

— Я не считаю это невозможным.

— Даже не смотря на то, что ты с ними договорился?

— Золото это такая штука, из-за которой легко нарушаются настоящие договоренности, не говоря уже о подобных нашим. Если информация о золоте попала в руки к англичанам, то мы уже сейчас можем считать себя в состоянии войны с ними.

* * *

В это же время, борт фрегата «Йорк», открытый океан в пятидесяти милях от поселка Гамильтона.

— Вот господин Горн, ваша доля, как и договаривались, — до нельзя довольный Пападопуло похлопал ладонью по небольшому, но увесистому, сундучку с золотом.

Этот грек пробрался в английский лагерь в первую же ночь и сразу рассказал о золоте. Сначала Горн ему не поверил, но у Пападопуло были с собой доказательства, парочка достаточно крупных самородков.

Зря Гамильтон надеялся избежать духа золотой лихорадки, да в его поселке, форте «Восточном» и других поселениях все было прилично, но вот на прииске Колома царил форменный бардак, с подпольными азартными играми и прочими прелестями. Эти два самородка Пападопуло как раз и выиграл в каты.

Хитрый греку отчаянно надоела скучная жизнь в заливе Сан-Франциско, и он жаждал удовольствий и развлечений. По меркам более цивилизованных мест он и так был уже достаточно богат, а еще и англичане предложили ему сделку: Пападопуло похищает доверенное ему золото, делится им, а они обязуются доставить его с подельниками в Йорк,

откуда он уже может отправиться в Европу. Условия сделки устроили обе стороны и Горн с Пападопуло ударили по рукам.

В этот раз Пападопуло должен был доставить золота больше чем обычно, поэтому помогать ему должны были аж пятеро. Он достаточно давно вел с ними разговоры о несправедливости происходящего и что Гамильтон богатеет за их счет. Поэтому, когда помощники слышали его слова, то они легли на хорошо подготовленную почву.

У Пападопуло все получилось, и вот он на борту фрегата «Йорк» который доставит его поближе к настоящей цивилизации.

— Спасибо, мистер Пападопуло, сказал капитан Горн и пошел на мостик, за спиной у него зазвучали выстрелы, это его матросы просто и без затей застрелили незадачливых грабителей. Зачем довольствоваться частью, если легко можешь получить всё.

Когда тела Пападопуло и его поделщиков были скинуты в воду, к Горну обратился Рэйнбоу.

— Что вы теперь планируете делать, капитан? Прикажете развернуться?

— Нет, конечно. Гамильтон не такой дурак и наверняка уже обнаружил пропажу этого глупца. Охрана на его приисках наверняка будет усилена, да и штурмом взять его городок мы не сможем.

— А если высадиться где-нибудь и попробовать захватить прииски?

— А дальше что? Да и не получится это сделать. Мы же видели, Гамильтона местные индейцы чуть ли не на руках готовы носить, что очень странно.

— И что с того?

— А то, что мы не сможем добраться до его приисков незамеченными. И даже если и захватим их, не сможем вывезти оттуда золота. Да и вообще, главная цель банк, по словам этого Пападопуло там уже очень много золота. Так что нам нужно как можно скорее вернуться в Канаду и подать полный отчет губернатору. Я очень надеюсь, что буду в составе экспедиции, которая положит конец игрушечной независимости этой игрушечной республики.

Двадцатое ноября тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона, Калифорния.

— Господин Танака говорит, что согласен с вашими предложениями, господин президент, — сказал отец Игнасио, монах бенедиктинец, которого японцы привезли с собой в качестве переводчика.

— Прекрасно, тогда мы можем подписывать договора.

— Заскрипели перья, и мы с господином Танакой по очереди поставили подписи. Бумаг было так много что у меня выдалось время, чтобы вспомнить несколько прошедших дней...

Что сказать? Удивили меня Резанов и Плетнев, это ж надо, практически хрясь топором и всё, прощай самоизоляция Японии. А уж, какой договор Резанов силой принудил подписать японцев, просто любо-дорого глядеть. И это отличное предупреждение. Вот что ждёт нас, если мы не будем готовы к следующей встрече с англичанами.

А вообще, сегодня знаменательный день. Япония стала первой страной, с которой Калифорнийская республика официально установила дипломатические отношения и подписала первые международные договора.

Которые в целом повторяли то, что подписал Резанов, за маленьким исключением. Но обо всем по порядку.

Как рассказал мне японский посол, господин Танака, черные корабли капитана Плетнева так сильно впечатлили и Императора и всех его приближенных, что у них сформировалось единое мнение.

Которое выражалось в двух словах: Никогда больше. Мои фрегаты буквально вскрыли технологическую отсталость страны восходящего солнца и показали, что с ними могут сделать представители европейских держав. Поэтому японцы хотели от нас буквально всего: технологии, станки, оружие притом любое, включая кремниевые ружья, пистолеты и даже сабли с палашами. Последнее меня, кстати, очень сильно удивило.

Я-то думал, думал, что катана, это прям такой чудесный холодняк, с чего-то ведь возник культ её поклонения. Но Иван Петрович меня маленько посвятил в нюансы их молодецкого налета и рассказал, какое это на самом деле паршивое оружие. Конечно это из-за качества тамошнего железа, вернее, его отсутствия. Собственно, из-за низкого качества катан, у японцев такая своеобразная фехтовальная техника.

Как и Российская Империя, мы получали право беспошлинной торговли на всей территории Японии, право свободного захода в любой японский порт и право открывать свои представительства в любом японском городе, притом не только торговые или религиозные, но и сугубо светские, центры культурного обмена так сказать. Кроме того, мы брали в аренду территорию сразу для двух военных баз. Одна будет на Окинаве, а место для второй мы выберем, когда произведем оплату аренды.

А вот тут начинается самое интересное, в качестве платы мы обязались обучить полторы тысячи японцев современным методам войны, включая использование наших винтовок, конечно.

Притом обучать мы их должны будем на территории Калифорнии и срок этого обучения три года. Фактически, мы получаем два полноценных полка, пехотный и кавалерийский.

Которые будет необходимо экипировать, вооружить и обучить, за счет японцев конечно.

Для нас это очень большое подспорье, но при этом и риски. Полторы тысячи хорошо обученных и подготовленных воинов запросто могут захватить всю Калифорнию. Японцы это понимали, поэтому сами предложили выход. Заложники, вернее заложник. Один, зато какой! Наследный принц Аяхито следующие три года проведет под моей опекой. Надо только определиться, кто будет его воспитателями. Представляю, какая будет драка между Нектарием и его католическими коллегами.

Шутка ли, целый наследник хоть, прямо скажем, отсталой, но немаленькой державы. За три года из него можно вылепить практически что угодно. Не знаю, почему окружение императора на это пошло, сам-то он фигура не очень, вернее совсем, не самостоятельная. Но нам это подходит. Тем более что в Японии император это фигура божественная, жизнью мальчика точно не будут жертвовать ради сиюминутной выгоды.

Еще одним условием договора стало то что выполнять наши обязательства мы начнем только после того как японцы выполнят свои и предоставят место на Окинаве и мы построим там военную базу, но не позднее чем через два года. Это было уже мое требование. Во-первых: нам себе бы сначала оружие произвести, а только потом японцам, а во-вторых, мои корабли возле Японии будут гарантией того что наши новые союзники не начнут тут же какой-нибудь поход в Китай или Корею. Ну, или если они решат пересмотреть соглашение с Российской Империей, в свою пользу конечно.

Вот только где их взять, эти корабли. Имеющихся у меня сейчас категорически не хватит для этого. Если только у испанских сепаратистов их купить, если вдруг они их захватят у роялистов

Сепаратисты, кстати прибыли буквально пару дней назад, привезли почти шестьсот мушкетов и две сотни пистолетов на переделку, забрали три сотни, пятьдесят пистолетов, патроны, порох и новые ядра. По старым у сеньора Морено были серьезные нарекания, кстати. Мощная штука, но дюже капризная, четыре пушки взорвались при выстрелах. Я его успокоил, заверив, что недочеты исправлены и теперь все будет в лучшем виде. Кроме оружия на переделку, испанцы, вернее теперь уже мексиканцы опять привезли раненых, детей и женщин.

Новости про то, что скоро тут будет очень жарко, сепаратистов не обрадовали но не сказать, что очень уж шокировали. А вот про золото они очень сильно хотели со мной поговорить.

Шила в мешке не утаишь, и эта новость очень скоро расплзется по всему миру. Я уже пожалел, что начал золотодобычу так рано. Того и гляди выстроится целая очередь охотников за «презренным металлом», сначала англичане, потом испанцы, неважно какие, португальцы, французы и прочие, прочие, прочие.

Молодая Калифорнийская республика в кольце фронтов, вот что может получиться, а все из-за моей торопливости. Но, что сделано, то сделано, теперь будем крутиться.

Ну так вот, испанцы едва узнав от своих товарищей о том что тут такое твориться тут же захотели поучаствовать в добыче, отдавая мне процент, конечно. Аргументация у Морено была, конечно убойная: «Сеньор де Каса Альмендарес, вы сами не справляетесь, по слухам. Что вы как собака на сене?»

Примерно это он мне и сказал. И получил афронт. Хотите золота, привозите то, что будет по-настоящему ценно для меня. Например, свинец, цинк, медь, чилийскую селитру и хлопок. Вот за эти товары я готов платить золотом и даже по немного завышенным

расценкам. А что-то там с вами вместе добывать, ну уж нет!

В связи со всем этим, предложения японцы со своими предложениями ну прямо очень вовремя появились. Если все сделать быстро, то сепаратисты в следующий раз очень удивятся моим вооруженным силам. И кстати, можно японцам предложить и побольше японцев обучить, второй поток так сказать.

Ну всё, с бумагами закончили. Через переводчика приглашаю на торжественный обед.

* * *

— Мистер Гамильтон, помните, я у вас спрашивал о различных странностях, — ну надо же Плетнев вспомнил о нашем разговоре перед его первым путешествием в Китай.

— Конечно помню, Иван Петрович.

— Мне бы очень хотелось получить ответы на мои вопросы.

— Давайте поступим так, только сразу прошу меня извинить, поговорите с отцом Нектарием, он вам расскажет. Это очень долгая история, а у меня сейчас просто нет времени, вы же видите.

— Хорошо, конечно.

— Спасибо. Как себя показали наши корабли?

— Выше всяких похвал, японцы были очень впечатлены.

— Это точно, честно сказать, когда вы привезли целое посольство я очень удивился, но когда этот господин Танака начал озвучивать их предложения, то вообще потерял дар речи! Видать, вы их очень сильно не только впечатлили но и напугали.

— Это точно. Кстати, а Николая с вами еще ничего не подписал?

— Нет, а должен?

— Конечно. Он же имеет на это полномочия и собирался подписать с вами договор о дружбе, сотрудничестве и там еще много всего. И посольство он планирует здесь открыть.

— Вот как? Интересно, это у нас тут целый посольский квартал скоро будет. И сплошь посольства различных империй: Российское, Японское, Британское. Оно у нас тоже будет, но сначала надо будет, как следует лаймам рога пообломать.

— Уже решили, когда я снова в Японию и Китай пойду?

— С чего вы решили, что я отправлю вас? Вы мне тут нужны. Рекрутов кто будет обучать? Вы же у нас хоть и моряк, но самый главный специалист по фехтованию.

— А кого пошлете?

— Яниса с братом. Им тоже надо пощупать, что такое Тихий Океан.

— Не бойтесь их отпускать?

— Ничуть, парни хорошо себя показали во время перехода из Флориды. Тут они тоже справятся.

— На чем пойдут? «Стелла Марис» и «Святая Луиза» нуждаются в ремонте.

— «Сан Хуан» и «Селия», оба корабля только недавно прошли обслуживание.

— Ну тогда да. Вопросов нет.

— Кстати, Иван Петрович, зайдите к Дукасу в его контору. Мне нужно, чтобы вы осмотрели корпус «Флориды», нашего ост-индского бегемота. Вдруг удастся и её в строй поставить.

— Там хорошее дерево, уверен, что всё получится.

— Это было бы очень хорошо. У нас скоро каждый корабль на счету будет.

— Как думаете, скоро англичане вернуться?

— Не знаю, от семи месяцев до года, в зависимости от того какие силы они решат задействовать. Это если мы говорим про флот. Но я не исключаю, что они и по суше попробуют нас достать.

— Каким образом?

— Сейчас они условно контролируют Манитобу, то есть, грубо говоря, половина пути из Йорка до побережья Тихого океана у них относительно изучена и безопасна. Возможно, что где-нибудь в апреле следующего года они попробуют организовать сухопутную экспедицию. Раньше вряд ли. Это все-таки англичане, а не русские, которым только дай по снегам попутешествовать.

— Чем планируете вооружать японцев?

— Ре..., блин, чуть не сказал ремингтонами, — винтовками и револьверами Луки и Костаса, мы их выпускаем уже в достаточно больших количествах.

— Да, хорошие игрушки у наших греков получились, этого не отнять. Удобней вашей винтовки.

— Но и про неё не нужно забывать, переделочные винтовки нам тоже понадобятся. И хорошо, что вы привезли свинец и медь, теперь хоть нормальные пули будем изготавливать.

Да, поигрались мы с различными вариантами и поняли, что свинцовая пуля в медной оболочке является лучшим вариантом. Стальная сильно калечит ствол, а свинцовая его загрязняет. Так что Лука с Костасом разработали и построили целую линию для производства нормальных пуль. Оболочечная будет использоваться в винтовочном патроне, а экспансивная, очередная инициативная разработка Костаса, в пистолетном.

Он таким нетривиальным образом решил задачу по увеличению останавливающего действия наших пистолетных патронов. Теперь его пистолет и медведя на задницу посадит, наверное, никто в здравом уме подобные испытания проводить не будет, но вот в лошадиной туше он оставляет хорошие такие дырки.

* * *

Двадцать восьмое ноября тысяча восемьсот седьмого года, Поселок Гамильтона, Калифорния.

— Сеньор Норьега, вы блестяще справились с реорганизацией добычи пирита. Как и договаривались, вот ваша премия, — чек на круглую сумму благополучно переключал в руки горного инженера, которому Ортега поручил разобраться с проблемой пирита.

Тот с ней справился, теперь там правильно организованный карьер, пока мы добываем пирит открытым способом, но при необходимости и шахту там построим.

— Спасибо господин президент, что дальше?

— Дальше сеньор Норьега, я хочу отправить вас в форт «Восточный», что бы привели в порядок добычу золота там, — ишь ты как глаза-то забегали, еще бы магическое для этих мест слово произнесено.

— А почему именно там, тут наверняка есть масса других месторождений, да и прииск в Колеме перспективней.

— Потому что на прииске возле «Верного» обнаружили еще и платину, а она мне очень

нужна.

— Это не удивительно, золото и платина часто встречаются вместе.

— Это хорошо, но мне нужна гарантированная добыча платины.

— Тогда понятно. А для чего она вам нужна, позвольте спросить?

— Как ни странно, для того же для чего вы организовывали добычу пирита. Для производства серной кислоты.

— Это как, господин президент?

А вот так, Лука экспериментировал с различными газами, в основном конечно с угольным светильным газом и сернистым ангидридом. Не знаю как, он уже значительно лучше меня разбирается в химии, но Лука дошел до теоретического обоснования более продвинутого получения серной кислоты, правда у него ничего не получилось, но тут уже я подключился и вспомнил, что для подобных штук нужен катализатор, например платина.

А тут и новый золотой курьер вместе с очередной партией золота привез пару самородков платины. Пазл у меня в голове сложился, и мы с Лукой попробовали его новый способ. Результат получился намного лучше, выход серной кислоты из аналогичного количества пирита вырос, чуть ли не втрое, да и скорость получения тоже радовала

— Это вам лучше обсудить с мистером Тамтакосом. Он вам все объяснит.

— Хорошо, господин президент.

Разговор с Норьегой у меня состоялся под вечер и если бы не очередное изобретение Луки, газовый светильник, в кабинете давно было бы темно.

Этого парня давно пора снимать с оружейного завода и отдавать ему всю химию. Он у меня самый сильный химик и, пожалуй, что гений, успешный во многих областях знания, Михайло Ломоносов греко-калифорнийского разлива. Если мы когда-нибудь дорастем до академии наук, он у нас точно академиком станет.

Да, его давно пора перепрофилировать, но грядущая война с англичанами это сделать не дает. Производство оружия и боеприпасов намного важнее. Впрочем, у нас тут все, так или иначе, связано с оружием.

Завтра у нас с Лукой назначено испытание нового пороха, из Китая Плетнев привез его достаточно много и так как выход хлопок это практически стопроцентная целлюлоза, то вполне логично использовать его для производства бездымного пороха. Труд и времязатраты должны быть намного меньше, чем сейчас, мы же сначала изготавливаем целлюлозу из древесины, а только потом её нитрируем.

Но это будет завтра, инспекцию банка я провел, всего в банке сейчас девять тонн золота, из них мне принадлежат семь, а еще две это вклады различных граждан республики, старателей, коммерсантов и других. Вполне неплохо, учитывая крайнюю ограниченность наших людских ресурсов.

Да, инспекцию я провел, так что надо закончить одно дело, вернее два, но они связаны и отправляться домой, крошка Хуан там наверняка уже заждался родителей.

Мария Мануэла наконец-то получила первый в мире антибиотик, мы его без затей назвали пенициллином и сегодня, закончила серию испытаний на лабораторных животных, а именно на мышках и кроликах.

Для меня это очень важно, так как завтра мэтр Абенамар будет меня резать, доставать стальную пластину, которая до сих пор у меня в руке. Кстати, в этой сфере платина тоже практически незаменима, подобные моей пластине импланты лучше делать именно из неё, она же не практически не окисляется, и, значит, не отравляет организм.

— Давай показывай, что тут у тебя! — сказал я жене после продолжительного и очень многообещающего поцелуя.

— Вот, смотри, — сказала она и подала мне кипу листов исписанные её аккуратным почерком. Я сделал газовую лампу поярче, и приступил к чтению...

Так, хорошо, а что у нас с контрольной группой? Вообще замечательно. В принципе мне все понятно.

— Поздравляю госпожа первая леди республики! Вы вписали свое имя золотыми буквами в скрижали медицинской истории. Это эпохальное открытие. Ничего важнее в медицине еще не придумали! — немного шуточный и вместе с тем пафосный тон, но это не преувеличение. У нас есть антибиотики!

— Спасибо, господин президент. Но это только испытание на животных, — Мария Мануэла сбилась с пафосного тона и перешла к нормальной речи, — дорогой, ты, же сам говорил, что это только первая фаза испытаний, прежде чем применять это лекарство, необходимо провести опыты на добровольцах.

— Да, и от своих слов не отказываюсь, но я уверен, что результаты будут блестящими. А испытания на людях мы начнем завтра, с радостью побуду твоим подопытным кроликом.

— Ты думаешь, что мэтр Абенамар допустит бактериальное обсеменение во время завтрашней операции?

— На самом деле это форменное чудо, что этого не произошло в первый раз, учитывая экспериментальность его метода. Так что да, будешь колоть мне пенициллин. Умирать от заражения крови, когда у нас есть это лекарство, я не собираюсь.

— Хорошо, как скажешь. Пойдем, посмотрим, что там у него и домой, я ужасно скучаю по сыну.

— И ревнуешь его к кормилице?

— Нет, конечно.

— Не обманывай.

— Если только немного. Я намного больше ревную тебя к ней.

— Разве я давал повод?

— Нет, но ты иногда так смотришь на её, хмм, выдающиеся достоинства.

— Клянусь это не специально!

— Да знаю я, знаю! — За этой шуточной пикировкой мы пришли к мэтру Абенамару.

У него все было готово к завтрашней операции, гальванические элементы в лампах поменяли, инструмент на месте, схему операции, а я настоял, чтобы мэтр все продумывал заранее и записывал в виде схемы, он тоже знал наизусть. В общем, всё готово.

Пятое декабря тысяча восемьсот седьмого года, поселок Гамильтона, Калифорния.

Чертов мэтр Абенамар, руку мне буквально вывернул наизнанку пока доставал эту пластину. Теперь еще месяц, а то и больше буду одноруким. Как выяснилось, это было необходимо, пластина уже порядком окислилась и потихоньку начала меня отравлять. Но теперь все должно быть хорошо.

И как же здорово, что у нас теперь есть платина, в дальнейшем можно будет обойтись без этого живодерства, я имею ввиду извлечение имплантов. Платина практически не окисляется и человек годами сможет проходить с такой пластинкой.

Конечно, возрастает риск переломов, упругость костной ткани и металла разная, но даже с пенициллином соотношение риска и пользы от такой сложной, да еще и повторной операции не в пользу пользы. Была бы эта пластина платиновой или золотой, фиг бы я согласился на еще одну операцию, но сталь мне выбора не оставила.

И кстати, учитывая что, у нас полномасштабная война на носу надо будет озаботиться изготовлением большого количества различных имплантов из платины. Раненые большое нам спасибо за это скажут.

Но это когда будет, а сейчас я неделю провалялся на больничной койке, Всё-таки занесли мне инфекцию, но творение моей жены работает отлично. За эту неделю у нас случилось сразу два события.

С Аляски вернулся Ший со своими солдатами. Война с тинклитами закончилась нашей победой. Те оказались серьезным противником и за то время пока мои солдаты были на Аляске, состоялось несколько упорных сражений. В одном из них тинклиты даже прорвались на позиции нашей артиллерии и уничтожили пару орудий, прежде чем их уничтожили.

В этом бою здорово отличился приданный Шиаю инженер, мой тезка Александр Милос. Он, вместе с артиллеристами, вступил в бой с прорвавшимися тинклитами и подручным шанцевым инструментом зарубил троих. Правда его самого ранили и врачу, который был придан отряду Шиая, пришлось ампутировать ногу.

А вообще это удивительно, как семинолы, дети болот жаркой Флориды показали себя в противоположных условиях Аляски. А показали они себя хорошо, даже очень. Тинклиты впечатлились моими воинами и согласились подписать вечный мир с их вождем.

Они имели в виду Шиая, но тот поступил правильно, и привез вождей тинклитов в Калифорнию, ко мне, это со мной они будут подписывать договор, и мне они будут клясться в верности, когда я встану с кровати конечно.

Потеря двух орудий это неприятно, но не смертельно, намного важнее, что мы проверили новые пушки в очень суровых условиях. И они прошли проверку. Шрапнель и фугасные гранаты продемонстрировали высокую эффективность, а сами орудия оказались достаточно удобны в эксплуатации и достаточно надежны.

Так что пушки испытаны, и можно разворачивать их массовое производство. Лука и Костас уверяют меня, что мы можем производить аж четыре, а то и пять орудий в месяц. Я этим прожектерам не очень верю, но даже если они будут выдавать мне два орудия в месяц, то за восемь месяцев у нас будет, аж шестнадцать орудий, четыре батареи.

Вполне хватит для вооружения нашей армии, особенно если учитывать могущество боеприпасов и дальность стрельбы.

Второй новостью стала шхуна «Надежда», которая пришла из Охотска. Иван Александрович Кусков привез сразу четыре десятка русских переселенцев с семьями. И это было просто прекрасно для нас, потому, что это не просто переселенцы, это казаки во главе с сотником Семеном Игнатовым.

Как сказал Кусков, этот сотник был настоящей занозой в заднице и у местного градоначальника и у казачьего сотника. Поэтому, когда капитан Надежды сделал, подкрепленное золотом предложение, то лучшие люди Охотска даже не колебались. В итоге они и Игнатова сплывили, притом не куда-нибудь, а аж за океан, и денег себе в карман положили.

Кусков договорился с ними о том, что в марте апреле придет еще один корабль из Калифорнии и тоже заберет будущих переселенцев.

Как рассказал мне Резанов, перед которым Кусков держал подробный отчет, Игнатов достал свое начальство неумемной энергией, которая была у него буквально через край. Этому двадцатипятилетнему казаку хотелось драк, богатства и славы. А какую славу можно заработать на берегу студеного моря, на самом краю необъятной Империи? Да никакой.

На сегодня он у меня будет первый посетителем, надо посмотреть на этого молодца, что-то, а драк тут у него будет столько, что на троих хватит. Если он хорош, то и слава с деньгами приложатся.

* * *

— Проходите сотник, садитесь, и можно без чинов, зовите меня мистер Гамильтон, — выглядит этот казак очень внушительно. Высокий, широкоплечий и видно, что сильный. Лицом он тоже удался, про таких еще говорят, что они бабам нравятся.

— Хорошо, мистер Гамильтон, что у вас с рукой? Ваши люди сказали, что вы были ранены?

— Да, все верно, один испанец, собака в упор выстрелил.

— Что ж вы его подпустили-то на выстрел?

— А он выстрелил уже после того как сдался. Кто же знал что он такой бесчестный.

— Да уж. Но я бы успел ему эту руку отрубить, — вот как! Каков орел!

— Вы хороший боец на саблях?

— Еще ни разу не встречался с тем, кто может меня одолеть.

— Это вы удачно зашли, секундочку. Доктор, можно вас на минутку, — позвал я мэтра Абенамара.

— Слушаю вас, господин президент.

— Капитан Плетнев сейчас должен быть в порту с Дукасом. Телеграфируйте туда, пожалуйста. Он мне нужен.

— Конечно, господин президент, — сказал Абенамар и вышел.

— Если капитан Плетнев в порту то через полчаса мы посмотрим, как хорошо вы фехтуете.

— Этот Плетнев он кто? Пехоцкий или драгун? Вряд ли тут есть кто-то из гвардии.

— О нет, он моряк.

— И вы хотите сказать, что мне с моряка надо будет на саблях биться? Это ерунда какая-то.

— Сотник, вы азартны?

— Есть такое дело.

— Знаете, я тоже, поэтому, давайте так. Если вы этого моряка победите, то я вам золота там, полпуда.

— А если проиграю?

— А тогда вы будете мой с потрохами, бесплатно служить будете там, где я скажу.

— А почему это я буду вам служить? Я служивый человек государя нашего, Александра Первого.

— А я попрошу камергера Резанова, и он вас сюда прикомандирует, тем более что у нас тут скоро война с англичанами начнется, а я вашему императору скоро союзник буду.

— Это как вы будете союзником государю-императору?

— Господин Резанов сегодня завтра подпишет со мной союзный договор, и все, сотник, вы будете мой до последней косточки.

— А это точно, что вы, а англичанами воевать будете, мистер Гамильтон?

— Наверняка.

— А зачем им эта Калифорния?

— Об этом чуть попозже. Главное что война будет. И у нас есть месяцев восемь, чтобы подготовиться.

Тут меня прервала моя очаровательная супруга:

— Давайте, мистер Гамильтон, подставляйте ягодицу.

— Сотник, выйдите, — сказал я Игнатову. Тот встал, и, выходя из комнаты очень внимательно, с голову до ног оглядел Марию Мануэлу.

— Ты видел, как он на меня смотрел?

— Конечно, видел. И мне это не понравилось. Еще один такой взгляд и я его вызову.

— Не по чину тебе, милый, дуэлировать с этим офицером. Ты же президент нашей маленькой страны.

— И что? Я стрелялся на дуэли с Берром, он был вице-президентом.

— А сколько дуэлей было у Джефферсона?

— Ни одной.

— Вот! Ты сам ответил на свой вопрос.

— Все равно, надо будет взять парочку уроков сабли у Плетнева.

* * *

А вот и сам Иван Петрович, он действительно был в порту, и тут же прискакал в больницу.

— Как здоровье, господин президент? — почему-то все окружающие, даже те, кого я считаю, своими друзьями называют меня «господин президент», может быть это и правильно, но как-то грустно.

— Спасибо, Иван Петрович. Не сказать что хорошо, но куда деваться. Скоро вернусь к работе.

— Вы хотели меня видеть?

— Да, видели в коридоре казачка?

— Игнатова? Этого медведя трудно не заметить.

— Он тут говорил, что на саблях хорошо дерется, и очень скептически отозвался о вас.

— Даже так? — удивился Плетнев. Затем он высунулся в коридор и громко, с вызовом крикнул,

— Ей, казачок, давай прогуляемся, да посмотрим, какой из тебя рубака.

— Капитан, что вы тут орете, как у себя на палубе, это больница, не мешайте нашим пациентам.

— Простите, простите...

Посмотреть на то, как Плетнев уделает казака вышли буквально все, кто мог ходить и я в том числе. На фоне Игнатова Иван Петрович смотрелся очень даже скромно, но когда они сошлись, я понял, что у сотника шансов практически нет. Он был намного сильнее, но Плетнев быстрее и выносливее.

Я это уже видел в Луизиане, когда бандиты Уилкинсона схватили Селию. Плетнев наседавал на Игнатова все быстрее и быстрее и в результате приставил к его горлу обмотанный тряпками клинок.

— Спасибо Иван Петрович, это было как всегда великолепно. А вам сотник, я могу только посочувствовать. Но давайте вернемся в больницу, что-то мне дурно.

Через пару минут мы продолжили:

— Когда я говорил что вы будете служить у меня, я нисколько не лукавил, но можете не переживать, жалование вы получать будете. Мне ваша полусотня, назовем её так, будет нужна в качестве кавалерии. У нас её сейчас практически нет.

— Лошадей у нас нет, всех в Охотске оставили. Хотели взять, но Кусков не разрешил.

— И правильно сделал. Тут этого добра навалом, тысячами голов отстреливают.

— Не понимаете вы мистер Гамильтон, что такое конь для казака. Это не скотина какая-то это считай что друг.

— Не переживайте, в следующий раз в Охотск пойдет более вместительный корабль, или даже два. Если к тому моменту ваши кони будут там, то мы их привезем.

— Вот за это большое вам спасибо.

— Можете пока не благодарить. Так вот, кони у вас будут, сабли у вас свои имеются, а вот пик и ваши ружья с пистолетами вам без надобности.

— И что это будет за казачья полусотня без пик и ружей? Много ли мы одними саблями навоюем?

— А кто сказал, что вы будете только с саблями, новые винтовки и пистолеты вы получите в арсенале. Старое оружие сдадите туда же. И уверяю вас, вы не пожалеете.

— Понятно, а кто будет моим командиром.

— Сеньор Бартоломео де Карраско, он мой заместитель по военной части, практически военный министр.

Из-за угрозы войны с англичанами нам пришлось отложить на неопределенный срок планы насчет Лос-Анджелеса. Учитывая ограниченность наших сил, мы не можем «размазывать» их по огромной территории, все должно быть в кулаке.

— Понятно, а этот Бартоломео по-русски говорит?

— Нет, конечно, зачем ему это. Все русские, с которыми он общается, знают как минимум испанский.

— И как же быть?

— Придется и вам с вашими казаками его выучить. Отец Нектарий вам поможет. Не смотрите, он нравом крут, на саблях, конечно, не дерется, но посохом своим за непонятливость приложить может, были уже случаи.

— А с семьями нашими что?

— Переговорите с моим бывшим камердинером, Барри О`Салливаном, он подскажет где вам можно будет поставить станицу, и сразу говорю, земли тут хватает, но чтоб местных жителей не ущемляли и не дай бог кто из вас им водки или вина предложит, за это у нас смертная казнь.

— А с ним мне как договариваться?

— Можете не переживать, он говорит по-русски. На этом всё.

— Тогда я пойду.

— Идите, и имей в виду, Семен Игнатов, еще раз так посмотришь на мою жену, я тебя самолично застрелю. Понял?

— Понял мистер Гамильтон, понял.

— Вот и хорошо. Иди...

Да, вот такие дела. Калифорнийское казачье войско, звучит как-то шизофренично, но оно, считай, уже есть. Сейчас этот лихой сотник построит станицу, и начнем потихоньку верстать в казаков местных олони и прочих индейцев. А почему бы и нет, на самом деле? Будут границы охранять вахтовым методом.

* * *

Седьмого декабря количество международных договоров Калифорнийской республики увеличилось еще на два. Сначала был подписан договор с тинклитами, по нему мы обязались предоставлять им продовольствие, а они обязались осуществлять охрану Новоархангельска от возможной атаки с суши.

Никакие тинклиты мне в Калифорнии были и даром не нужны, а вот если они прикроют русских, будет хорошо. Я вполне допускал, что англичане могут попробовать добраться до нас из Верхней Канады, естественно, что Новоархангельск тоже может быть их целью. Там я тоже планирую поставить гарнизон, но чем больше сил, тем лучше.

Размещений Калифорнийского гарнизона на Аляске стало возможным благодаря военному союзу, который Российская Империя, в лице Камергера и посла Николая Петровича Резанова заключила с Калифорнийской республикой.

Я сильно сомневался, что у Резанова имелись необходимые для этого полномочия, но предпочел закрыть глаза на эту формальность. Есть, нету, какая разница? Главное чтобы действовали мы заодно. Враг-то у нас теперь общий. То, что в Тильзите подписан договор между Францией и Россией Горн узнал на Ямайке и любезно сообщил мне эту новость.

И мы действительно начали строить посольский квартал. Правда полноценное посольство там будет только одно, японское, русское же, фактически будет представлять собой особняк Резанова, совмещенный с конторой Русско-Американской Компанией.

А вот японцы начали строиться на совесть. Комплекс зданий в традиционном стиле и даже маленький синтоистский храм. Как я и говорил, на территории моей республики была свобода вероисповедания, да и вообще-то территория посольства экстерриториальна.

Хлопковый бездымный порох Лука получил и без меня, получилась хорошая замена тому, что мы производили до этого и самое главное, процесс его изготовления был значительно менее трудоемким.

Производство винтовок и пистолетов нового типа шло полным ходом, трудоемкость из изготовления была действительно намного меньше, чем у флоридских винтовок, поэтому к концу года мы перевооружили всех наших солдат на новое оружие и стали готовить запасы оружия для «иностранный японского легиона» за которым вот-вот должны будут отправиться сразу три корабля. Фрегат «Сан Хуан», флейт «Селия» и возрожденная «Флорида»

Всего, без учета японцев, которых пока у нас не было, мы располагали порядка тысячи ста солдат и офицеров, включая гарнизон четырех фортов. В каждом мы расквартировали по сотне солдат, то есть собственно в поле можно вывести порядка семиста человек. Неплохо, для Калифорнии, критически мало, чтобы отразить нападение англичан.

На море после возвращения экспедиции из Японии у нас будет три полноценных боевых корабля. Наши фрегаты будут обладать превосходством в маневренности против любого противника.

К сожалению, этого же нельзя было сказать про вооружение. Те корабли, на которых англичане прибыли в первый раз мы, конечно, утопим, и, наверное, без потерь, но я хорошо понимал что, скорее всего на захват золотоносной Калифорнии лайми отправят не только фрегаты, но и линейные корабли, против которых мы будем иметь бледный вид. Там совсем другие калибры и соответственно вес и разрушительность залпа будет побольше. ДА и дальность стрельбы наверняка тоже.

За счет маневренности мы конечно можем и с линкорами прободаться, при необходимости, но англичане кто угодно но не дураки и наверняка сделали выводы из того разгрома у Барбадоса.

НО если с сухопутными силами мы еще что-то могли сделать, то вот возможностей резко усилить флот у нас не было.

Был еще вариант попробовать перевооружить форты прикрывающие залив Сан-Франциско на новую артиллерию. Правда самой новой артиллерии у нас еще не было, Лука не соврал и его завод действительно делал по пушке в неделю, если все так и получится то после того как мы вооружим армию, то попробуем сделать орудия береговой обороны.

Может быть, что и получится из этой идеи, дополнительных производственных мощностей у нас все равно нет и вдать их неоткуда. Золота полно, а профессиональных рабрчих не хватает, вот такая вот коллизия. В отличии от всего остального мира, здесь в Калифорнии люди ценятся намного больше золота.

Интерлюдия 5

Джонни Фист считал себя везунчиком. Ничем кроме везения нельзя объяснить что, он выжил и даже ни единой царапины не получил в войне с англичанами, хотя он принимал участие сразу в трех неудачных сражениях американской армии.

Он был и при Кингстоне, в тысяча восемьсот шестом году, когда тогда еще полковник Брок наголову разгромил отряд генерала Хамптона. В следующем году он поучаствовал в битве на реке Муаме, а «вершиной» его военной карьеры стал Бладенсбург, там Джонни, похорошему, должны были убить. Одна пуля выбила из рук на тот момент уже капрала мушкет, а вторая попала в медную табакерку.

После этого парень твердо уверовал в свою счастливую звезду, но при этом уволился из армии. По условиям мирного договора США не могли иметь сколько-нибудь большие вооруженные силы и Джонни в них места не нашлось.

«Что ж, не получилось стать военным, стану кем-нибудь еще», — подумал парень и отправился в Бостон. Там он сел на судно, отправляющееся на остров Нантакет, и первого августа тысяча восемьсот седьмого года сошёл на берег.

Его родной дядя Фрэнк давно говорил, чтобы Джонни приехал к нему. Фрэнк служил боцманом на китобое «Веселая пастушка» и чуть ли не в каждом письме к непутевому племяннику расписывал прелести этой работы.

— Вот и ты парень, — проворчал Фрэнк, когда увидел Джонни на пороге собственного дома, — сколько раз я тебе говорил, давай ко мне, устрою тебя на настоящую работу!

— Как видишь, вот он я.

— Да, не прошло и четыре года. Но я от своих слов не отказываюсь. Проходи, чего встал. Бетси, детка, — закричал Фрэнк куда-то вглубь дома, — Джонни приехал! Налей-ка нам выпить и сообрази чего-нибудь на стол.

— Тебе только дай повод, старая пьянь, — на пороге появилась тетушка Бэт, жена Фрэнка. Она откровенно недолго любила Джонни, а тот отвечал ей взаимностью. Впрочем, парню казалось, что она всех ненавидит, не только его.

— А приперся, непутевый. Ну проходи, чего встал, — проскрипела она Джонни и тот зашёл в дом.

За ужином Фрэнк рассказал, что уже завтра-послезавтра его «пастушка» уходит в южную часть Атлантического океана на промысел и пообещал устроить Джонни матросом.

На следующее утро Джонни предстал перед капитаном веселой пастушки, мистером Френсисом Смитом.

— Что ж парень, эта винная бочка, — капитан указал на Фрэнка, — попросил нанять тебя матросом. Ты хотя бы плавать умеешь?

— Конечно, сэр! Дядюшка Фрэнк научил меня.

— А что насчет морской болезни? Мне не нужен матрос, который заблюет мне всю палубу, едва мы выйдем в море.

— Можете не беспокоиться, сэр. Мой желудок такой же крепкий как у дядюшки. Если мы не говорим про уничтожение нескольких бутылок виски, сэр.

— Ну в этом умении с Фрэнком никто не сравнится на этом вонючем острове. Хорошо, считай, что ты принят. Жалование я тебе положу, как и всем салагам, восемь долларов в

месяц. Но это только когда мы в море. На твое счастье эта чертова война, наконец, закончилась, и завтра мы выходим в море.

— Я очень рад это слышать, сэр!

— погоди радоваться. Билли, — обратился капитан Смит к первому помощнику и по совместительству суперкарго китобоя, тот как раз зашёл в контору, — это племянник Фрэнка, и наш новый матрос. Возьми его и отправляйся на «пастушку». Дай ему самую черную работу, какую только найдёшь.

— Хорошо, сэр. Пошли парень, — обратился, Билли к Джонни и вышел с ним на улицу.

— Сейчас вся команда готовит нашу пастушку к плаванию, — начал объяснять старпом новому матросу, — грязную работу я тебе поручать не буду, не хочу ссориться с твоим дядей. Но вот как следует потаскать мешки, тебе придется. Но ничего, ты вроде парень крепкий, справишься.

— Конечно сэр! Спасибо.

— Что ты так орешь? Из бывших солдат что ли?

— Да, сэр. Закончил службу капралом, сэр!

— Держи язык за зубами, парень и никому об этом не рассказывай. У многих из наших большой счет к таким как ты.

— Но почему, сэр?

— Потому что дезертиры, вот почему. Если они узнают что ты бывший капрал, то смотреть не будут, что ты племянник Фрэнка. Мигом окажешься за бортом, да не просто так, а с перерезанным горлом. Так что, отвыкай от этих армейских привычек. Здоровее будешь. Меня называй мистер Брукс, а капитана: господин капитан, понял?

— Да, сэр! Ой, простите, да мистер Брукс.

— Хорошо, вот мы и пришли.

Мистер Брукс велел Джонни помочь с загрузкой корабля и тот до самой ночи таскал мешки с ящиками, да катал бочки. Ночевать парень остался на китобое и на следующий день, в замечательное безоблачное утро, они вышли в море.

По плану капитана Смита «Веселая пастушка» должна была заняться промыслом у берегов Бразилии а потом отправиться в Тихий Океан, обычное дело для американских китобоев того времени.

* * *

Смита интересовали кашалоты, как и многие другие капитаны китобойных судов, он специализировался на этих гигантах. Ворвань, спермацет, амбра и зубы кашалота, вот чем он зарабатывал себе на жизнь.

И зарабатывал вполне успешно. Его «веселая пастушка» названная так в честь первой любви капитана, по праву считалась одним из лучших китобойных судов Нантакена.

Н счету этой двухсотпятидесятитонной шхуны, с экипажем всего в двадцать пять человек было уже двадцать четыре кашалота. Фрэнк даже сказал своему племяннику:

— Джонни, на каждого на борту «пастушки» приходится по одной этой чертовой рыбины. Кроме тебя, парень. Так что, как только мы увидим первого же кашалота, будешь в команде китобойной шлюпки.

— А как это, не страшно?

— Что ты как баба? Как будто не воевал? Не дрейфь парень, справишься...

Вот только справляться в Атлантике оказалось не с кем. Во время войны с англичанами китобои оказались заперты на своих островах. И как только опасность, исходившая от британского флота исчезла, несколько сотен китобойных судов буквально заполонила просторы атлантического океана.

Так что за первые полтора месяца плавания «пастушка» встретила очень много китобоев и ни одного кашалота...

— Что будем делать, джентльмены? — обратился капитан Смит к своим офицерам, когда судно оказалось уже возле мыса Горн.

— А что тут думать, — сказал Фрэнк, — надо огибать этот чертов мыс, и идти на север. Возле берегов Калифорнии мы наверняка свое возьмем, как и всегда.

— Фрэнк прав, — ответил Билли, — назад идти смысла нет. Там будет только больше охотников.

— Хорошо, я такого же мнения и рад, что мы единомышленны. Как пройдем мыс Горн причалим к берегу, а потом пойдем дальше на север.

Через три недели китобои, пройдя мыс Горн и отдохнув, снова вышли в море.

* * *

Двадцатое октября тысяча восемьсот седьмого года. Тихий океан. Двести миль северо-западнее Чилийского побережья.

Наконец-то китобоям улыбнулась удача, красавец кашалот прямо по курсу. Судя по всему здоровый, с такого можно много взять и ворвани и всего остального.

— Ну всё, Джонни, прыгай в шлюпку и хранит тебя Бог, — кричит племяннику враз повеселевший Фрэнк.

— Давайте, парень, твой первый кашалот и двадцать пятый для «пастушки», — вторит боцману первый помощник, — хватай гарпун.

— Нет, вы что, с ума сошли? Посмотрите на этого гиганта, место салаги на веслах, — вмешался капитан Смит, — пусть мистер Батчер сегодня поработает с гарпуном.

— Хорошо, капитан, сделаю, — ответил Смиуту Батчер, самый опытный гарпунер «Пастушки».

— извини, парень, — сказал он Джонни, — в следующий раз.

Шлюпка отошла от борта корабля, приблизилась на положенное расстояние к кашалоту, мистер Батчер как следует размахнулся и бросил гарпун...

Который попал как нужно и куда нужно, но кашалот к ужасу всех китобоев что есть силы рванул к шлюпке, протаранил ее, а затем, не снижая скорости, он её даже скорее набрал, понесся к «Веселой пастушке» и со всей своей чудовищной силой впечатался в борт корабля.

Раздался страшный грохот и получившее огромную пробоину судно начало тонуть. Кашалот же, выполнив свою чудовищную миссию мщения, нырнул в воду и был таков...

Видимо, счастливая звезда Джонни горела в тот день особенно ярко, потому что он, хоть и был в шлюпке но, в отличие от остальных не получил даже царапины.

Более того, он оказался единственным кто оказался в живых на следующий день. Парень крепко вцепился в какие-то обломки и беспомощно дрейфовал в открытом море...

Двадцать первое октября тысяча восемьсот седьмого года. Двести двадцать миль к северо-западу от побережья Чили. Борт шлюпа «Нева»

— Леонтий Андрианович, гляньте-ка, вроде бы какие-то обломки в воде, — обратился к лейтенанту Гагемейстеру, командиру шлюпа «Нева» его первый помощник, также лейтенант Берг.

— Дайте-ка я посмотрю, Мориц Борисович, действительно обломки, и там, по-моему, труп.

— Что будем делать, командир? — спросил Берг.

— Братец, — обратился Гагемейстер, — к Рулевому, лево руля, надо подойти поближе.

— Слушай, господин лейтенант.

Спустя полчаса русские спустили на воду шлюпку, и вскоре лейтенант Берг громко лично выловил из воды Джонни Фиста, парень к тому моменту потерял сознание, но спасительные обломки так из рук и не выпустил.

— Командир! Да он живой, просто духа лишился!

— А ну давайте его на борт, да поживее.

Когда Джонни доставили на «Неву» им тут же занялся корабельный врач, обрусевший немец Карл Фридрихович Мордгорст.

— Что там у вас, доктор? Жить будет?

— Будет Леонтий Андрианович, будет. Сейчас я его в чувство приведу.

И действительно, Джонни пришёл в себя и рассказал своим спасителям об ужасной трагедии, случившейся вчера. Русские тут же взяли курс на предполагаемое место гибели «Веселой пастушки», но больше живых не нашли, только несколько трупов да обломки.

Корабельный капеллан, отец Феодосий отслужил короткую заупокойную службу, погибшие хоть и были не православными, но все-таки христианами и шлюп отправился дальше на север.

Его целью был Новоархангельск, куда Гагемейстер должен был доставить, помимо груза двух лейтенантов, Берга и Козлянинова, доктора Мордгорста и комиссионера Русско-Американской Компании Захарова.

Перед этим «Нева» посетила Австралию, и вообще-то должна была сейчас быть совсем в другом месте, но два подряд шторма вывели её точно на счастливого Джонни. Это сбilo все планы экспедиции, и вместо Новоархангельска восьмого декабря того же года шлюп показался на рейде Сан-Франциско.

Первое ноября тысяча восемьсот седьмого года. Профестаун, столица конфедерации Текумсе. Индиана, Северная Америка

После отмены Гринвилльского договора на территории Огайо и Индианы сложилась крайне запутанная и опасная обстановка. За двенадцать лет, пока эти земли принадлежали США, сюда переселилось несколько сотен тысяч американских колонистов, и теперь все эти люди оказались брошенными и лишними.

Брошенными они были для своей страны, для США, которая не могла им ничем помочь в случае чего, и лишними для новых-старых хозяев этой земли, для индейцев. За это время они постоянно подвергались лишениям и гонениям и теперь, взяв реванш на полях сражений, горели желанием поквитаться со своими обидчиками.

В результате, практически сразу же началась резня. Мелкие группы и относительно большие отряды индейцев стали нападать на поселения колонистов, грабя и убивая всех, до кого смогут дотянуться.

Для части американских переселенцев это стало достаточным поводом, для того чтобы собрав пожитки тронуться на восток, в США. Эти люди решили, что не стоит рисковать своими жизнями и начать новую жизнь на территории тринадцати колоний, которые хоть и многолюдны, но свободного места там было еще достаточно.

Другая часть колонистов, притом намного большая, решила наоборот, не отдавать своего. Нравы на этом американском фронтире царили достаточно простые, оружия в руках этих суровых мужчин, а зачастую, и женщин было навалом. Они начали самоорганизовываться вокруг наиболее решительных и жестоких лидеров и постепенно Огайо с Индианой начали погружаться в самую настоящую войну на уничтожение.

И именно в этот момент на территорию конфедерации Текумсе прибыл друг и союзник её основателя, великий вождь семинолов Ахайя, который прибыл не один, а с целым отрядом, дочерью и внуком.

* * *

— Приветствую тебя Текумсе, вождь Шауни и многих других народов.

— Приветствую тебя Ахайя, вождь народа семинолов. Я рад, что ты здесь. НО что привело тебя на север?

— Я пришёл предупредить тебя об опасности, но судя по тому, что я видел, пока добирался до твоего города, я опоздал.

— О чем ты говоришь, Ахайя?

— Я говорю о том, что твои люди убивают белых, а те отвечают им взаимностью.

— И в чем опасность этого? Ответ мне Ахайя, ответ мне человек, без которого мой брат не победил бы белых на Муаме, — спросил Тенскватава, брат Текумсе, известный также как Синий мундир, — чем больше наши воины убьют белых, икк, тем лучше!

После победы над американцами он снова вернулся к своей пагубной привычке пить алкоголь, и сейчас был уже прилично пьян. Тенскватава был очень не приятен Текумсе и если бы не его слава и репутация шамана, вождь народа Шауни давно бы изгнал бы брата.

— Твой брат пьян, Текумсе, и не понимает что говорит.

— Это я не понимаю? — возмутился пьяный и хотел встать и подойти к Ахайе. В руках у него была очередная бутылка и трофейный американский тесак.

Текумсе ловко отобрал у брата и то и другое и бросил бутылку в огонь. Та разбилась и пламя весело вспыхнуло.

— Уведите моего брата, ему нужно отдохнуть, — сказал вождь Шауни.

— Это был мудрый поступок, Текумсе, — сказал Ахайя, когда охранники увели Тенскватаву, — я бы не стал говорить с ним.

А ошибка в том, что нельзя пытаться повернуть время вспять. Белые уже на твоей земле

и они на ней и останутся. Как бы тебе не хотелось изгнать их или убить, это не получится. Они пришли сюда навсегда. Если резня продолжится, то синие мундиры скорее объединятся с красными против вас. И тогда твой народ, и остальные народы великих озер просто исчезнут.

— Думаешь, я это не понимаю?

— А почему ты ничего не делаешь, чтобы остановить это?

— Потому что, я не ты.

— Что это значит?

— Тебе проще, ты вождь одного племени, а я многих. Пока мы боролись с американцами моя власть была абсолютной. Но сейчас мне подчиняются только шауни, да и то, они всё чаще слушают моего неразумного брата, который призывает убивать белых и жить только старым порядком.

— Это путь в никуда. Вы не сможете их всех убить, нужно научиться жить с белыми рядом.

— Ты думаешь, я это не понимаю? Понимаю, но пока мои люди слушают моего брата и подобных ему, бойня будет продолжаться. Выиграв войну, я проиграл мир.

— Ничего ты еще не проиграл Текумсе. Убери всех, кто не согласен с тобой и договорись с лидерами белых живущих на твоей территории. Места всем хватит. Если хочешь, я и мои люди помогут тебе.

— А тебе это зачем?

— Я уже говорил тебе, нам нужно быть вместе. Поэтому я помогу тебе, а ты поможешь мне.

— Чем?

— Мне нужно отправить моих людей на запад, к Белому Духу, отцу моего внука. В новой Испании идёт война и через её территорию они не пройдут, по великим равнинам тоже.

— Команчи? — спросил Текумсе,

— Команчи, они никому не дадут пройти на запад. Остается только один путь. и если семинолы пройдут его вместе с Шауни, у них может получиться.

— А зачем тебе к Белому Духу?

— Приближается новая война. Твои союзники англичане хотят взять под себя мой дом, Флориду. И испанцы не смогут им в этом помешать, а я смогу. Но мне нужно оружие, поэтому мне нужно к Белому Духу. Он это оружие даст.

— Ты так спокойно говоришь о том, что будешь воевать с моим союзником, почему?

— Потому что мы оба знаем, на самом деле, англичане тебе тоже не друзья, так, временные попутчики. И если они обломают зубы во Флориде, то и тебе будет проще с ними разговаривать.

— Хорошо, я понял. В твоих словах есть истина. Давай наведём порядок на моих землях, а потом отправим наших людей на запад.

Восьмое декабря тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона, Калифорния.

Количество русских у нас в республике снова прибавилось. Как снег на голову появился шлюп «Нева», на борту которого целый выводок птиц различной степени важности, начиная аж тремя лейтенантами и заканчивая новым комиссионером Русско-Американской Компании.

Плыли они изначально в Новоархангельск, притом из Австралии, а попали к нам, целых три штурма «Нева» собрала и слегка сбилась с курса. Но это и к лучшему, судьба русской колонии в Северной Америке все равно решается здесь.

При этом абсолютно не важно, что она от нас полностью зависит сейчас, особенно после моего мира с тинклитами. Нет, важнее то, что англичане, наверняка будут ассоциировать русских в Америке со мной. И если я, не дай Бог, проиграю, это будет означать конец Русско-Американской Компании. Особенно теперь, после подписания Тильзитского мира, официально сделавшего Российскую и Британскую империю врагами.

И это значит, что мне надо озаботиться, в том числе, и об обороне Новоархангельска. Понятно, что для англичан он будет второстепенной целью, но все равно его нужно обезопасить.

Для этой цели мы с Резановым приняли решение укрепить форт на замковом холме в столице Русской Америки и перевооружить его новыми орудиями в боекомплект которых будут входить новые ядра и порох.

Здесь, правда мы уперлись в недостаточное количество орудий, и это была общая проблема, даже наши собственные, стратегически важные для обороны залива Сан-Франциско форты. «Южный», «Северный» и «Алькатрас» имели всего по двадцать пушек, притом всего лишь восемнадцатифунтового калибра.

Сушая ерунда, особенно если сравнивать их с вооружением любого английского линейного корабля. Даже корабли четвертого ранга имели по пятьдесят пушек, притом двадцать две из них калибром в двадцать четыре фунта.

А учитывая, что кораблей четвертого ранга у англичан, раз и обчелся скорее можно ожидать появления их старших товарищей третьего ранга, рабочих лошадок английского флота. Эти красавцы имели уже семьдесят четыре пушки, половина из которых тридцати двух фунтовые.

У нас, конечно, новый порох и снаряды, но разница в калибре орудий слишком уж большая. Англичане запросто могут подавить форты, а потом высадить десант. Что с этим делать я пока совершенно не представлял. Единственной мыслью было поручить Луке и Костасу разработку нового орудия, увеличенного калибра, которое позволит вести обстрел английских кораблей на запредельных, для последних, дистанциях. Правда, не было никаких гарантий, что из этой затеи хоть что-то получится. И времени почти нет, и самое главное, возможности.

Но поговорить с ними все равно нужно, и это, пожалуй, сейчас даже важнее чем знакомится с новоприбывшими русскими. Пусть с ними пока Резанов почирикает, а я на завод к Луке съезжу.

— Вот смотрите, господин президент, мы тут кое-что изменили, теперь винтовки мы будем делать на пятнадцать процентов быстрее.

— Отличные новости, а что насчет брака? Делать то оружие вы будете быстрее, но так же качественно?

— Конечно, мы же ничего не изменили в технологии, просто поменяли некоторым рабочим обязанности и расписание.

— Хорошо если так. Лука, скажи-ка мне, раз у вас получилась такая экономия времени, может быть, вы можете выделить больше людей для производства пушек?

— Если вы думаете про увеличение выпуска орудий и перевооружение наших фортов, то это не поможет. Мы изначально думали именно об этом, но посчитали и поняли, что ничего не выйдет.

— Почему?

— Во-первых, дело не в рабочих, а в оборудовании, мы уже вышли на наш максимум.

— Ясно, а что, во-вторых?

— Для береговой обороны нужны более мощные пушки, в сколько-нибудь разумные сроки мы не сможем его разработать. А если предположить что сможем, нужно будет новую технологическую оснастку изготовить, что невозможно. Калибры то другие нужны. Нужны будут минимум четырехдюймовые, или по-другому, стомиллиметровые орудия, а это уже выше наших возможностей.

— А почему именно сто миллиметров?

— Мы сделали расчеты. Они показали, что это минимум, который необходим для уверенного поражения британских двухдечных кораблей на недоступных для вражеской артиллерии дистанции.

— Ясно, очень жаль.

— Мне тоже, господин президент. К сожалению, единственный вариант это вооружать форты орудиями, производство которых уже налажено.

— Ладно, вы все равно молодцы, что увеличили скорость производства винтовок. Если это все, то мне пора.

— Нет, господин президент, это не все.

— Давай рассказывай-показывай.

— Сразу после того как англичане уплыли, ко мне зашёл сеньор де Карраско, — начал рассказывать Лука, когда мы прошли в его кабинет, и мы с ним очень плодотворно пообщались.

— Вот как? И о чем же?

— О пехоте, господин президент, вернее о её видах.

— Как интересно, а если поподробнее?

— Сеньор де Карраско рассказал, что он хочет попробовать разделить нашу пехоту на линейную, и штурмовую, для взятия инженерных сооружений и крепостей.

— Странно, он мне ничего подобного не говорил.

— Это была его частная инициатива. Как я понял, он хотел представить уже готовый проект.

— А ты ему, получается, весь сюрприз испортишь?

— Дьявол! Я об этом не подумал.

— Не выражайся. Я с ним еще поговорю по поводу подобных сюрпризов, мысль то правильная, но сейчас не до самостоятельности. Говори, давай, что вы с ним придумали.

— Все достаточно просто и логично. Линейная пехота, по его плану должна быть вооружена винтовками, а штурмовая пистолетами, тесаками и гранатами. Вот их-то я и хотел вам показать.

— То есть вы разработали гранаты?

— Совершенно верно, господин президент.

С этими словами Лука достал из оружейного сейфа несколько образцов ручных гранат.

— Вот, тут несколько вариантов, с разными взрывателями. Вот эти ударного действия, а эти с запальной трубкой. Ударные взрыватели конечно интереснее.

— Дураку ясно. Уже испытывали?

— Да, все прекрасно работает.

— Молодцы. С береговой обороной мы в полной заднице, а вот армия у нас точно будет вооружена лучше всех в мире.

— Я тоже так думаю. Кстати, один из моих работников, младший брат Костаса, Ангелос, придумал, как гранаты запускать с помощью холостых патронов. Вот его граната, её мы тоже испытали.

— Вообще здорово. Этот Ангелос у тебя кто?

— Бригадир патронного производства.

— Пусть готовит себе смену и переходит к тебе инженером. Идея великолепная, посмотри, что еще он может, глядишь и будет у нас еще один оружейник.

— Хорошо, господин президент.

Винтовочные гранаты действительно отличная штука, можно сказать, что это вполне рабочая замена ротному миномету. Пехота у нас будет отменно вооружена, практически на уровне русско-японской войны.

Так, у меня мысль промелькнула, но какая? Секундочку: винтовочные гранаты, ротные минометы, минометы, минометы. Твою мать! Мины!

— Вот что я тебе скажу Лука. Срочно вызывай Костаса с братом. Я придумал, как нам защититься от англичан!

Вырваться с завода мне удалось только через несколько часов. И судя по тому, как загорелись глаза у моих оружейников, идея им понравилась и они сделают действующий образец морской мины достаточно быстро.

Странно, что эта идея не пришла мне в голову раньше. И надо будет её творчески развить, добавив к морским минам противопехотные. Ужасное, конечно, оружие, но что делать, надо ведь как-то компенсировать наше отставание в численности.

А может и не надо, использование противопехотных мин это всё-таки варварство. К тому же, если сделать сплошные минные поля, то прорва ни в чем неповинных людей на них и подорвется, моих людей.

А вот морские мины это другое дело. Их использовать можно и нужно. Надо только прямо сейчас заняться промером глубин, мины нужно будет делать якорные.

Как-то само собой получилось, что у Русско-Американской Компании тоже сформировалась целая флотилия. Три шхуны, тендер и вот теперь шлюп. Из всех этих судов наибольший интерес представляла, новая шхуна «Паллада». Её Фултон укомплектовал паровой машиной и гребными колесами.

На мой вопрос, почему колеса, он ответил что винт, безусловно, лучше, но колеса проще обслуживать, что может быть оправдано в условиях эксплуатации шхуны в Новоархангельске.

Палладу мы решили использовать для регулярного сообщения с Гавайями, там объем перевозок небольшой, ни к чему гонять туда-сюда флейты или фрегаты.

Остальные суда компании, по большому счету остались не у дел, снабжением Аляски занимался паровой флейт «Веракрус». Поэтому, было принято решение отправить часть кораблей нести службу в Охотск. Там они займутся демонстрацией Российского флага, охраной границ и борьбой с китайскими и японскими браконьерами.

Часть вновь прибывших русских Резанов решил оставить в Калифорнии. Лейтенант Берг стал командовать нашим южным «фортом», а доктор Мордгорст пройдёт стажировку в нашей больнице и отправится в Новоархангельск, где возглавит её филиал. Кроме того, Николай Петрович поручил ему ознакомиться с нашими методиками оспопрививания. Раз уж русские окончательно помирились с тинклитами, то можно попробовать защитить воинственных аборигенов Аляски от этого страшного заболевания.

И кстати о русских, есть у меня одна идея, как нам защититься от англичан, она может сработать, не сейчас, конечно, но в будущем.

Пятнадцатое декабря тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона. Калифорния.

— Здравствуйте, мистер Гамильтон. Вы хотели меня видеть? — Резанов единственный, кто по прежнему называл меня по старому.

— Да, хотел. Проходите, Николай Петрович, есть разговор.

— Слушаю вас.

— Видите ли, Николай Петрович, как вы уже поняли, мне, далеко не безразлична судьба Русско-Американской Компании в частности и Российской Империи вообще. Об этой я и хочу с вами поговорить.

— Очень интересно, а зачем вам, в прошлом министру и генералу в США, затем испанскому маркизу и теперь президенту хоть маленькой, но независимой страны, думать о судьбах России. У нас и без этого есть, кому этим заниматься.

— Всё очень просто, дорогой Николай Петрович. Если бы я так и остался просто испанским маркизом и сидел бы себе во Флориде, мне бы Россия и даром не сдалась. Но ситуация изменилась, сначала когда я прибыл в Калифорнию, а теперь и подавно. На носу война с Англией, и мне нужны союзники.

— Честно сказать, вы их не там ищите. Никакой реальной помощи Российская Империя

вам оказать не сможет. Ну сходит Кусков еще раз в Охотск до того как сюда явится британский флот. Ну, привезет он оттуда еще сто, да пусть и триста казаков, или еще кого, не важно. Это ничего не изменит. С англичанами бороться на море нужно, а Россия им в этом деле не соперник. Да им после Трафальгара вообще никто не соперник.

— Это верно, Николай Петрович, но не совсем. Я думаю, что мы сможем отбиться от англичан. И они оставят нас в покое, на время.

— Так в чем же дело?

— А дело в том, что проблема никуда не исчезнет. Война в Европе рано или поздно прекратится, и у англичан появятся силы, которые они используют для захвата Калифорнии.

— Вы думаете, что они победят Бонапарта?

— А это не важно, главное, что он их не сможет победить. Без высадки на острова Англия не сдастся, а значит, что рано или поздно будет мир.

— Логично, продолжайте, пожалуйста.

— Так вот, Война в Новой Испании тоже рано или поздно закончится. И тут будет не протолкнуться от желающих захватить Калифорнию.

— Вы правы, золото это магнит.

— Именно. В одиночку мы не выстоим, и значит, нам нужен мощный союзник. Россия мне представляется именно таким.

— В теории так и есть, но как это будет выглядеть на практике?

— На практике я думаю, что Россия обладает достаточными возможностями для защиты Калифорнии.

— Как? Мы не способны послать флот через половину земного шара. У нас даже баз нет, где бы мы могли отдохнуть и пополнить запасы.

— А это и не нужно. Вот смотрите, — Я достал карту мира и развернул её перед Резановым.

— И куда смотреть?

— Вот сюда, — указка воткнулась точно в Каспийское море, — это Каспийское море. А это Астрахань, которая практически на его берегу. Ведь это достаточно спокойное море, я прав?

— Да, абсолютно.

— Отлично, по нему можно доставить достаточно количество войск, чтобы организовать поход в Персию, а затем и в Индию. Конечно, делать это вовсе не обязательно, но даже сама угроза подобного может быть достаточной гарантией для Калифорнии.

— То есть, вы предлагаете, чтобы Россия выступила гарантом независимости Калифорнии от англичан?

— Именно так.

— Ничего не получится. Планы похода в Индию уже были, это невозможно осуществить. Тем более что Император Александр Первый известный англофил.

— Что не помешало ему подписать не выгодный для англичан мир с Бонапартом. И к тому же, вы не учитываете одну вещь.

— Какую?

— Золото, друг мой, золото. Одно дело помогать за спасибо, а другое когда тебе за это платят. Вы уж простите, но Россия очень бедная, и технически отсталая страна. Зато у нее много природных ресурсов и большое население. Если мы заключим настоящий союз, тот за которым стоят реальные силы и обязательства, а не то, что у нас есть сейчас, то Калифорния

вполне может дать мощный стимул развитию российской промышленности и науки в очень многих отраслях. Особенно в медицине и в производстве оружия и взрывчатых веществ.

Кроме того, мы можем не только кредитовать Российскую Империю, но и вполне официально и добровольно платить ей. Допустим за военную базу на нашей территории. Десяток паровых фрегатов под Андреевским флагом будут отлично смотреться в заливе Сан-Франциско.

Думаю, что всё мной вышеперечисленное намного важнее, чем какое-то там англофильство вашего императора.

— В принципе, да. Если подать всё под этим соусом, то да. Император вполне может заинтересоваться союзом с вами. Только кто ему передаст эти предложения?

— Вы, дорогой Николай Петрович. Именно вы, как камергер, посол и совладелец Русско-Американской Компании.

— Хмм, интересная мысль, и, наверное, правильная. Тем более мне так и так надо в Петербург, доставить договор с Японией. Думаю, через пару месяцев я смогу отправиться в Охотск, а оттуда уже в столицу.

— Что за глупости? Сколько вы будете пробираться через вашу Сибирь, год?

— Как бы ни больше мистер Гамильтон. Сибирь наша чисто формально, и земля там очень суровая.

— Ага, закон тайга и прокурор медведь, — черт, не удержался и ляпнул фразочку из будущего.

— Простите, что вы сказали?

— Да это так, мысли вслух.

— Очень точное описание Сибири. Именно так и есть.

— Тогда зачем вам заниматься этой ерундой?

— Какой? Сибирь осваивать?

— Нет, ехать через неё в Петербург.

— А у вас есть другие варианты?

— Конечно есть. Идите морем, или через мыс Горн, или через мыс Доброй Надежды.

— Такое путешествие займет тоже очень много времени и нет никаких гарантий, что это будет безопаснее, скорее наоборот.

— Если вы используете что-то из того что имеется сейчас, «Юнону», или «Неву» Гагельмейстера то да. А что если я дам вам один из своих кораблей. Вернее не один, а два. Фрегат, и угольный танкер. Так вы сможете идти под парами всю дорогу и доберетесь намного быстрее.

И привезете вы императору Александру не только договор с Японией, меха и жемчуг, которые добыли Русско-Американская Компания. Нет, вы доставите и кое-что от меня.

— Что именно?

— Как что? Новое оружие, порох, снаряды и патроны. Черт возьми! Да я даже один экземпляр орудия отправлю в качестве образца. Это будет достаточным наглядной демонстрацией того что Калифорния может дать России. Ну и золото само собой. Немного, пудов пятьдесят-сто, в качестве аванса и дружеского подарка.

Ну что, Николай Петрович, что скажете?

Двадцатое декабря тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона, Калифорния.

— Простите, господин президент, я действительно не понимаю, чем нам может помочь Россия. Бедная страна без колоний и нормального флота.

— Не просто бедная, Барри, она практически нищая и технологически очень отсталая. Правда, дерутся как черти, но это сейчас не важно. И хватит меня называть президентом.

— Тем более, господин президент, простите. Тем более, мистер Гамильтон. Чем они могут нам помочь? Флота у них как такового нет, людей из России тоже много не привезешь. Плетнев говорил, что в этом Охотске тысячи полторы жителей. И если нет возможности сохранить независимость, так может она нам не очень то и нужна? Жили мы как-то ведь во Флориде, под властью испанской короны и ничего. Даже лучше чем сейчас, всё было.

— Как тебе сказать, дружище. Я не считаю, что мы не можем сохранить независимость. По большому счету, единственная опасность для нас сейчас исходит от Англии. И нам нужно просто нейтрализовать эту угрозу.

— И помочь вам в этом могут русские?

— Именно так. И помочь они нам могут уже к концу года.

— Сэр, каким образом? Я не понимаю. То, что вы предложили Резанову, так называемы восточный поход, это бред. Я почитал о Персии, у этого русского академика со смешной фамилией, больше подходящей для кулачного бойца....

— У Ломоносова?

— Да, у него. Так вот, восточные земли Персии сплошная пустыня. Неужели кто-то в здравом уме может решить, что через неё армия реально доберется до Индии? Сначала русским надо будет драться с персами, а потом пересекать пустыню. Если они это и сделают, то сколько их до туда доберется? Да и потом, до владений британской ост-индской компании лежат территории еще двух государств, Дурранийской империи и Маратхской империи. Это просто бред.

— Всё верно, мой друг, всё верно. Сама идея, что английским владениям в Индии может кто-то угрожать по суше с запада или севера, бредовая по своей сути. Я понял это буквально на следующий день. Просто у меня еще не было времени обсудить это с Николаем. Он все это время вводит в курс в дело своего нового подчиненного, комиссионера Федора Захарова.

— Тогда к чему ваши договоренности с Резановым?

— Восточный поход, как ты его назвал, действительно не нужен и невозможен. Но русские только что помирились с Бонапартом и присоединились к континентальной блокаде, — да по меркам неспешного девятнадцатого века события, произошедшие в июле, это только что. Особенно если ты находишься у черта на куличках, например в Калифорнии.

— И что значит Тильзитский мир для нас?

— А он значит то что, русские формально враги англичан уже сейчас, не удивлюсь, если британцы где-нибудь в Португалии интернируют какую-нибудь эскадру русских, — а они это действительно сделают. Лиссабон уже занят французами. Там сейчас, как назло,

эскадра адмирала Сенявина, которая в августе отправится в Портсмут под конвоем англичан.

— И? Простите, я не понимаю.

— Как ты думаешь, что сделают англичане, если узнают, что русские договорились с Бонапартом, и отправляют свои войска ему на помощь?

— Даже не представляю, для них это будет катастрофа. Основной ударной силой третьей коалиции были как раз русские, если они выступят в союзе с Бонапартом, то война в Европе будет закончена.

— Правильно, и закончена быстро. А теперь представь, в середине следующего года в Петербург прибывает Резанов и провозит своему императору, помимо мехов, добытых на Аляске, договор с непонятной Калифорнийской республикой и золото, немного, пудов пятьдесят. Я думаю этого золота хватит, чтобы склонить императора Александра к мысли о том, что надо нового союзника защитить. А защитить он нас сможет, приняв, страну Бонапарта в войне в Европе.

— Звучит логично.

— Еще как. Но это не всё. По дипломатическим каналам через Швецию сторонники Англии при дворе русского императора сообщат, что Россия останется в стороне, если Британская империя не тронет нас. На что ты готов поспорить, что ради неучастия русских в войне на стороне Наполеона англичане от нас отстанут?

— Даже спорить не буду, это очевидно. А что потом? Вы действительно хотите русскую военно-морскую базу у нас?

— Старина, побойся Бога! Как говорят сами русские: обещать, не значит жениться.

* * *

Да, «восточный поход» действительно бред, а вот идея про союз России с Францией вполне может сработать. Правда Александр на самом деле англофил и ему Тильзит поперек горла встал. С другой стороны англичане и правда, будут вести по хамски, так что еще неизвестно что там в голове у этого будущего «Благословенного». В этой смысле «Лиссабонский инцидент» с эскадрой Сенявина мне очень даже в жилу.

А еще в жилу моё участие в подписание договора с Японией. Как ни крути, это мои фрегаты обеспечили столь эффектное выступление Резанова. Который получается кругом мне должен. И с женитьбой я ему помог, и с выполнением задания императора.

Но чтобы всё получилось, Николая Петровича нужно еще доставить в Петербург. Для этого пора уже начать реализовывать проект углевоза. Благо мы с Фултоном много раз его обсуждали, но все время откладывали начало постройки в пользу более насущных дел.

Без него не обойтись, как-то так получилось, что и я и русские оттоптали очень много мозолей. Переход из залива Сан-Франциско должен быть вообще без заходов в порты иностранных государств.

По счастью Роберт практически закончил работу над своей «Калифорнией». Через пару недель пароход начнет совершать регулярные рейсы. А сегодня мы будем обсуждать новое судно. Как сказал мне Фултон, его непосредственное участие в доводки судна не требуется.

— Вы наконец-то решили дать добро на постройку углевоза?

— Да, Роберт, все верно. Вы же с Дукасом подготовили несколько вариантов? Я прав?

— Да, есть несколько проектов, которые мы можем построить.

— Давайте так: необходимо отправить корабль в Санкт-Петербург, само собой, что это будет пароходофрегат. Какой из этих проектов способен сопроводить один из наших фрегатов?

— Никакой, господин президент.

— Почему, Роберт?

— Потому что мы проектировали именно углевоз, да все эти варианты обладают достаточной судоходностью, чтобы совершать плавания в открытом океане, мы для этого их и придумывали...

— Так в чем же дело? Как я понимаю, грузоподъемность у всех вариантов, такая что угля, они могут взять столько, что на две кругосветки хватит.

— А как вы видите себе погрузку угля на фрегат где-нибудь в открытом Море? Два корабля встанут борт о борт и матросы мешки кидать будут? Или может быть, эстафету шлюпок устроят?

— Сарказм? Это что-то новенькое, мистер Фултон.

— Прошу прощения, видимо он был неуместен.

— Ничего-ничего, все нормально. Проблема только в этом?

— Это только частность. Для того чтобы была хоть какая-то гарантия нужно строить полноценное судно снабжения. Плавающий гибрид угольного и продуктового складов с мастерской.

— Ясно, сколько вам нужно времени, чтобы переработать один из этих проектов и построить нужный нам корабль?

— Это приоритетная задача?

— Пожалуй, что да.

— Хорошо, думаю, что через месяц мы сможем приступить к постройке и закончить к июню-июлю следующего года.

— Прекрасно, приступайте. И правильно ли я понимаю, что парусное вооружение у всех проектов чисто вспомогательное?

— Да, вы правы. Предполагается, что корабль все время будет идти под парами. Паруса должны давать, дополнительные два-три узла скорости.

— А вы в этом уверены? Может быть, будет лучше построить судно снабжения вообще без парусов, это же какая экономия веса получится, да и экипаж будет меньше.

— Возможно, вы и правы, просто мне пока трудно представить океанский корабль без парусов.

— Думаю, что рано или поздно, к этому придёт. Паруса будут не нужны для большинстве случаев.

— Возможно, возможно. Я подумаю.

— И я вот что думаю, вполне возможно, что скорость скорее вырастет. Можно ведь увеличить число кочегаров, они же люди и уголек в топку кидают вручную, и значит устают. Если их менять чаще, то и уставать они будут меньше.

— Интересная идея, я подумаю, — сказал Фултон. Я хотел обсудить с ним еще кое-что, но тут в кабинет вбежал мой новый телеграфист:

— Господин президент, срочное сообщение! Взрыв экспериментальной лаборатории на стекольном заводе!

— Роза, седи спокойно, мне надо обработать твои повреждения, — это было первое, что я услышал, когда вбежал в медпункт на заводе, говорила Мария Мануэла. Судя по её тону, я понял, что ничего страшного с дочкой Тома не случилось. Я хорошо успел изучить жену. Она внешне спокойна практически всегда, за исключением некоторых случаев, конечно, но все равно я чувствую, когда она волнуется, а когда нет. Сейчас всё было нормально.

— Доктор, что тут у вас? — спросил я Марию Мануэлу таким же спокойным тоном.

— Ничего страшного, господин президент, эту юную синьорину просто немного поранило осколками лабораторной посуды, и она получила небольшие ожоги. Правда прическу ты себе сожгла напрочь, — обратилась она к Розе. Та в ответ на эти слова заплакала.

— У меня же свадьба скоро! Что я наделала!

— Успокойся, милая. Уверена, что Барри младший любит тебя не за твои волосы и брови с ресницами, да и отрастут они скоро, — Мария Мануэла обняла Розу и взглядом показала мне, чтобы я вышел.

Как выяснилось, Роза, после того как Лука получил светильный газ, тоже заинтересовалась газами и побочными продуктами различных технологических процессов, таких как коксование угля. Не знаю, что там она хотела получить, потом расскажет, но полыхнуло знатно. Весь завод она не спалила исключительно благодаря чуду. И правильной организации пожарной безопасности.

Как только у нас было налажено практически поточное производство машин, мы тут же озаботились повторением флоридского опыта. Там же тоже было несколько пожаров, которые не стали фатальными для всего поселения исключительно благодаря системе пожарных прудов и насосов. Вот с помощью подобной системы работники стекольного завода и потушили лабораторию Тома.

В итоге минус сама лаборатория, её оборудование и роскошные волосы и ресницы Розы. Правда, все это дело наживное, так что ничего страшного.

Что характерно, Роза, когда пришла в себя, ну то есть успокоилась, категорически сказала, что будет продолжать эксперименты. Что-то там у нее интересное наклеивается, но вот что она категорически не стала говорить. Посмотрим-посмотрим.

Зато её будущий муж, Барри О`Салливан младший, кое-что сделал и с гордостью мне продемонстрировал на следующий день, когда я решил провести инспекцию пожарной безопасности у них в лаборатории. Роза же эксперименты продолжать будет уже на своем рабочем месте, мало ли что может случиться.

После того как я закончил с инспекцией Барри завлек меня на демонстрацию недавних достижений.

— Вот смотрите, господин президент. Вот то, что мы разработали вместе с мистером Фултоном, это все запасные приборы. На «Калифорнии» все уже установлено, подключено и

проверено.

Передо мной на большом столе разложена целая система управления кораблем с помощью электричества, вернее для подачи различных команд членам экипажа. Электрические звонки, световые сигналы и прочее. Очень правильная задумка и исполнение грамотное. Но все это я уже видел, пока ничего нового.

— Так, и что?

— Вот смотрите, что я придумал, пока мастерил электрические звонки. Там основной элемент электромагнит и он навел меня на одну мысль.

Барри достал из шкафа электромагнит, гальванический элемент, медный провод и емкость с ртутью, киноварь мы давно нашли и наличие этого жидкого металла меня не удивило. Едва только он начал все доставать я понял, что сейчас увижу. Я видел такое в детстве на уроках физики.

Сын моего камердинера собрал нехитрую установку и подсоединил гальванически элемент к проводу, погруженному в ванну с ртутью. На дне ванны лежал электромагнит и провод начал вращаться вокруг электромагнита!

— Вот, господин президент! Электрическую энергию можно преобразовывать в механическую! Это грандиозно! — голос Барри буквально дрожал от радости и гордости.

— Действительно грандиозно, Барри, — еще бы! Парень практически на пороге создания первого в мире электродвигателя. А это значит и динамо машины и вообще целого спектра очень нужных мне приборов и механизмов.

Когда у него получится, не если, а именно когда, производительность абсолютно всех наших заводов и мастерских вырастет буквально на порядок. Мы же сможем переделать станки с привода от паровой машины на электродвигатели.

— Как думаешь, мы сможем применить этот эффект на практике?

— Я уже начал работы над этим. Надо подумать, чтобы заменить паровую машину нужно возвратно-поступательное движение. Я сейчас как раз и думаю как это лучше осуществить.

— Барри, ты сделал гениальное открытие и тут же умудрился выставить себя дураком. Это же очень просто. Дай-ка лист бумаги и перо, — получив все требуемое, я размашистыми движениями нарисовал колесо с шатуном по типу тех, что мы изготовили для паровоза Фултона, моей персональной головной боли и мечте. Из-за грядущей войны проект строительства железных дорог пришлось отложить в долгий ящик. И это несмотря на то что его главная часть была уже готова.

— Что ты здесь видишь? — спросил я Барри.

— Колесо и шатун, господин президент. Такие у мистера Фултона много где применяются.

— Как движется шатун?

— Возвратно-поступательно.

— А движения колеса какие?

— Круговые. Всё, господин президент. Я понял. Возвратно-поступательно движение можно преобразовать в круговое и наоборот. Действительно очень просто.

— Вот и хорошо, как думаешь, если электрическую энергию можно преобразовать механическую, можно ли сделать наоборот? — надо брать быка за рога и загружать парня по полной, не дожидаясь пока он сам до всего дойдет. Может быть это и неправильно, но мне сейчас не до сантиментов. Эта чертова война и подготовка к ней занимает все мои мысли.

— Надо подумать. А зачем нам это? Когда я сделаю работающий электромеханический преобразователь, то его можно будет использовать в любом нашем станке, только нужно будет гальванические батареи менять.

— Которые будут размером с это помещение. Нет, нужно придумать другой источник электрического тока. Без этого твой преобразователь будет всего лишь любопытной лабораторной игрушкой, неприменимой на производстве.

— Так, вы правы. Ерунда получится с гальваническими элементами. Если предположить что механическую энергию можно преобразовать в электрическую, то на наших кораблях с паровыми машинами уже стоят источники энергии!

— Вот и я так думаю. Абсолютно нет необходимости все твою машинерию подключать к гальваническим элементам, если энергию по проводам передавать от единого источника для многих приборов. Телеграфные сигналы мы передаем и получаем по проводам, вот и в случае с энергией.

— Одна паровая машина для получения энергии, которая потом по проводам передается на электромеханические преобразователи, от которых, в свою очередь работают станки!

— Да, а еще электрическое освещение на улицах и в домах. Мне только надо будет решить вопрос с доставкой гуттаперчи или каучука, изоляции нужно будет много.

— А вам Роза не говорила, что она вообще делала в лаборатории Тома? Она как раз и ищет искусственные варианты изоляции. Вроде бы что-то получается.

— Тогда ладно. Если у нее получится, то не жалко и еще одна лабораторию спалить. Шучу, шучу. В общем работай.

Какие, однако, интересные вещи творятся в моей Калифорнийской республике! Но все это не будет иметь никакого значения, если мы не отобьемся от англичан. Надо снова вызвать к себе Резанова, а после разговора с ним на завод к Луке. Чувствую, я там буквально пропишусь, заказать, что ли себе складную койку?

Двадцать второе декабря тысяча восемьсот седьмого года, поселок Гамильтона Калифорния.

— И что я вижу, господа? Вы нагло манкируете своими обязанностями, и вместо разработки морских мин развлекаетесь, стреляя из пушек?

— Именно так, господин президент. Нагло манкируем и развлекаемся!

— Ладно, прощаю. А если серьезно, Лука, вы же действительно должны работать над минами.

— Так мы и работаем, вернее Ангелос работает. А мы с Костасом тут на полигоне, проверяем кое-что.

— Что именно? Рассказывайте.

— Мы же толком не изучили воздействие наших новых снарядов на различные цели.

— Как это не изучили? Для чего тогда с Шиаем отправился один из твоих инженеров? Бедняга Милос ноги лишился для чего? Чтобы тебе, дорогой друг, отчет составить.

— Он и составил, но война с тинклитами протекала в очень специфичных условиях, там наши пушки, ни разу не стреляли по укреплениям или стенам. А борт английского линкора ничем от стены, по большому счету не отличается. Вот мы сейчас и изучаем реальное воздействие наших снарядов на корабли.

— А почему, собственно решили этим заняться?

— Честно сказать, господин президент, мне не очень нравится сама идея массивованных минных постановок.

— А что в ней плохого?

— Нет, в качестве меры борьбы с англичанами мины очень хороши, слов нет. Но есть ненулевая опасность, что мы сами на своих, же минах будем рваться. Или придут к нам снова ваши друзья из Новой Испании, или очередной русский появится. Мы же даже никакой сигнал подать не сможем, что проход закрыт, а впереди мины.

— Но это единственный вариант, как я понимаю.

— Не согласен, господин президент. Вы зря недооцениваете наши с Костасом орудия. По дальности мы кроем любую английскую пушку как бык овцу. Точность у нас тоже хорошая и мы продолжаем работать над улучшением прицельных приспособлений. Осталось только проверить, насколько наши снаряды разрушительны для кораблей, если их действие достаточное, то можно, хоть сейчас перевооружить северный и южный форты.

— То есть ты предлагаешь вообще отказаться от идеи мин?

— Если артиллерия докажет свою эффективность, то мины не нужны.

— Согласен, но работы над минным оружием будут продолжены. Считайте это блажью самодура, но мины у нас должны быть. В конце концов, если англичан будет слишком много, просто вывалим мины на входе в залив.

— Хорошо, господин президент, но давайте вернемся к испытаниям.

Что сказать? День, проведенный на полигоне, меня несколько успокоил. Наши орудия уверенно поражают цели на расстоянии в четыре морские мили, а их фугасные снаряды отлично работают по деревянным мишеням, имитирующим борта и палубу английских кораблей. Пожалуй, зря я так сильно переживал, несколько попаданий и английский линкор

превратится в плавающий костер.

Вот только эти попадания еще надо сделать. А тут все не так хорошо, чтобы там Лука не говорил. Прицелы у нас есть только условно. Нет, если говорить о реальных для этого времени дистанциях бой, то все хорошо. Но вот дальше трех миль начинается плюс-минус шаманство, по другому не назовешь, то снаряд летит точно в цель, то дает такой промах, что диву даешься.

— Значит так, дорогие изобретатели, мне всё понятно. Признаю свою неправоту, наша артиллерия, действительно, вполне достаточна, чтобы бороться с английскими кораблями. Во всяком случае, сейчас. Но работы от этого вам меньше не становится.

— Что нужно сделать, господин президент.

— Работу над минами вам нужно приостановить, хотя вы её еще толком не начинали и сделать вот что: Первое, разработать станок для установки орудий в наши форты. Видели, как установлены пушки в форте Сент-Августина?

— Да, господин президент.

— Отлично, что-то подобное нужно сделать и для наших малышей. Сегодня же отправляйтесь в южный форт и определитесь с местами установки орудий. Каждое орудие должно иметь максимальный сектор обстрела. Понятно?

— Конечно, господин президент.

— Отлично, теперь следующее. Там же в фортах вам нужно будет провести инспекцию пороховых складов. Новые снаряды и заряды к ним должны храниться совсем не так как порох и ядра. Обсудите с комендантами фортов как правильно работать с новыми снарядами.

— Я думаю, что учитывая повышенное могущество наших новинок и, соответственно, повышенную опасность, пороховые склады нужно вообще переделать.

— Возможно, на месте разберетесь.

— Что-то еще?

— Да. Барри О`Салливан разработал интересную систему управления нашим новым пароходом. Пообщайтесь с ним и подумайте, как её можно адаптировать к управлению огнем береговых батарей.

— Можете пояснить?

— Нам нужен пункт управления огнем. Достаточно высокая башня, оборудованная мощными подзорными трубами и телеграфом. С нее наблюдатели смогут наблюдать за результатами выстрелов, и передавать информацию на батареи, а наводчики уже будут поправки делать. Так мы частично скомпенсируем несовершенство прицелов.

— Все верно, господин президент! Очень простое решение. Только таких башен нужно будет делать три, для каждого форта, и форты должны быть между собой телеграфом соединены. Чтобы, в случае необходимости, с башни одного форта корректировать огонь другого.

— Правильно. И последнее. Лука, ты теперь большой специалист по газам, как я понял. Газовые светильники это же твоя работа?

— Да, все правильно. Вы же знаете.

— Знаю, знаю. Раз ты такой на все руки мастер, то тебе дополнительное задание. Оно непосредственно не связано с артиллерией, но это с какой стороны посмотреть. В общем, дорогой ты мой, ты должен в кратчайшие сроки построить монгольфьер. С него обзор будет еще лучше, да и вообще, можно постоянные дежурства на нем устраивать.

— Хорошо, господин президент, займусь.

— Отлично, после того как с этим закончите, вернитесь к вопросу морских мин. Вернее нет, пусть Ангелос ими займется, посмотрим что у парня получится.

— Как вы думаете, сколько орудий на форт будет достаточно?

— Если каждое из них будет кругового обстрела, то думаю что по восемь.

— Если по восемь, то за шесть месяцев мы вооружим три форта.

— Если успеете перевооружить «Северный» и «Южный», этого уже будет достаточно. «Алькатрас» и «Восточный» точно не примут участия в отражении атаки британских кораблей на залив.

Да, ларчик просто открывался. Я, действительно недооценил то, что создали мои конструкторы, а все, потому что времени катастрофически ни на что не хватает, мечусь тут как белка в колесе, хватаюсь за все подряд и ни во что толком не успеваю вникнуть. Хорошо хоть умные люди вокруг есть, успевают поправить.

Эта история с артиллерией наглядно показала, что пора уже моей республике обзавестись нормальными органами власти. Правительство, министерства и прочее. Да, это в определенной степени формальность, населения то у нас, раз и обчелся, но надо уже начинать работать над этим.

Раз уж мы себя позиционируем как государство, вон аж да иностранных посольства у нас есть, то надо соответствовать.

Но делать это сейчас не очень правильно, надо сначала разобраться с англичанами, а потом уже правительство с парламентом придумывать. Хотя парламент не нужен, ни к чему пустую говорильню разводить. Тем более что у нас только на словах республика, а на деле чистой воды диктатура.

Сейчас нужно только по максимуму загрузить де Карраско. Раз уж он такой инициативный, что через меня какие-то проекты реализует с Лукой, то флаг ему в руки и барабан на шею.

* * *

Следующий день начался с того что ко мне заявился Ортега. Наш главный специалист по недрам и все что с ними связано был возбужден и выглядел очень довольным.

— Вот, господин президент, смотрите, что я нашёл! — интересно, что там у него. Неужто новое золотое месторождение.

Но вместо золота из наплечного мешка Ортеги появился уголь. Несколько крупных кусков бурого угля. Что для нас, на самом деле, даже ценнее чем золото. В данный момент, естественно.

— Откуда это? Вы нашли уголь где-то в заливе?

— Да, господин президент. Я проводил разведку на восточном берегу залива. И обнаружил достаточно крупное месторождение бурого угля. Он, конечно, качеством похуже будет, чем тот, что нам привозят с Аляски, но он вполне подходит для машин на наших заводах.

— Только для этого?

— Да, для выплавки чугуна он не годится, в качестве топлива для пароходов тоже, золы будет очень много.

— Понятно, но все равно, это очень ценная находка. Что-нибудь еще удалось обнаружить?

— Да, еще одно месторождение золота и месторождение фосфоритов. Золото недалеко от Коломы, а фосфорит на полпути от неё до русской деревни.

— Интересные у вас приоритеты, сеньор Ортега. Об угле вы рассказали раньше, чем о золоте.

— Что поделать, господин президент. Уголь у нас в большем приоритете, чем золото.

— Ясно, расскажите о фосфорите. Как быстро мы сможем организовать его добычу?

— А зачем?

— Зажигательные и осветительные снаряды, вот для чего, — плюс фосфор можно использовать для изготовления спичек и в капсулях с бертолетовой солью, что неизвестно сейчас, поэтому об этом я Ортеге не сказал.

— Понятно, господин президент, нам будет нужно два-три месяца, чтобы организовать добычу. Но руду оттуда очень сложно вывозить. Нужна нормальная дорога.

— Это общая проблема, сеньор Ортега. Без развитой сети дорог мы не сможем нормально развиваться, особенно учитывая то, что у нас очень большая территория и крохотное население.

— Вы хотите, чтобы мы форсировали строительство дорог? У нас нет на это ресурсов.

— Я знаю, или мы готовимся к войне с Англией, или строим дороги, третьего не дано. Но вам нужно продолжать изыскания, когда у нас появится возможность, мы приступим к дорожному строительству. Но добычу бурого угля организовать нужно уже сейчас, я распоряжусь.

— Конечно.

Да, месторождения угля это в заливе это очень хорошо. Мы по-прежнему испытываем нехватку топлива для машин, не критичную, но все же. Находка Ортеги эту проблему снимает.

* * *

Двадцать пятое декабря тысяча восемьсот седьмого года. Поселок Гамильтона Калифорния.

Сегодня очень важный день. В Японию уходят сразу три корабля включая, нашего ост-индского бегемота. Когда они вернутся, мы сразу же приступим к обучению экспедиционного корпуса, который нам предоставит японский император.

Плетнев божится, что до Японии идти чуть больше трех недель. То есть на круг два с половиной месяца, учитывая загрузку там. В Кантон или на Гавайи эскадра заходить не будет, некогда. Только заберут будущих стрелков с драгунами и высокопоставленного заложника с его свитой.

По идее, мы должны успеть к моменту появления англичан и тысячи четыре хорошо вооруженных и обученных солдат у нас будет. Правда первоначальные планы по оснащению армии артиллерией придется существенно скорректировать.

Приходится выбирать, или вооружать полевые части или форты береговой обороны. И, конечно, второе намного важнее. Правда, у де Карраско совсем другое мнение.

— Господин президент, то, что вы уверены в подавляющем превосходстве наших новых

орудий над палубной артиллерией англичан это, конечно хорошо. Но у нас получается черти, что в плане полевой артиллерии. Нам же придется использовать и старые пушки и новые. Логичнее было бы использовать что-то одно.

— Что поделатъ, сеньор, что поделатъ. Надо чем-то жертвовать.

— У меня другое мнение.

— Какое?

— Вообще не использовать старые пушки.

— А не слишком ли это кардинально?

— Не слишком. Новые орудия, помимо всего прочего, намного мобильнее старых.

Оставив только их, мы получим несколько меньший вес залпа, но выиграем в скорости передвижения армии. Учитывая её малочисленность, это будет только в плюс.

— К тому же ваша инициатива со штурмовой пехотой принесла еще и дополнительные плоды.

— Вы имеете в виду винтовочные гранаты?

— Да, именно их.

— Удивительная штука. Каждый стрелок превращается в пушку. Жалко, что много гранат на себе не унесешь, а большой обоз сводит на нет мобильность. Дорог то толком нет.

— К сожалению, вы правы. Да и производить винтовочные гранаты достаточно трудоемко, — тема дорог, вернее их отсутствия, в последнее время меня начала очень сильно напрягать. Сначала Ортега, теперь де Карраско, они как сговорились. Давайте сеньор, напомните мне еще о планах выхода к границам Новой Испании и присоединению Лос-Анджелеса.

— Я так думаю, англичане к нам пожалуют не раньше мая-июня, быстрее просто не собрать необходимые для победы над нами силы. Если все пройдет удачно, мы будем готовы. Вот только нужно будет быть готовыми к тому, что они высадят десант где-то вне зоны нашего контроля и попробуют захватить или северный форт или вообще по примеру роялистов ударят сначала по Монтеррею, а потом по нашей столице с юга. Или даже сделают и то и другое.

— А как бы сделали вы?

— А я бы вообще не нападал. Помог бы одной из сторон в гражданской войне в Новой Испании, а потом вместе с победителем задавил бы Калифорнию.

— Как то слишком сложно.

— Это потому что я знаю, что из себя на самом деле представляет наша армия. Они же этого не знают. Поэтому полезут. И получают по зубам.

— Понятно, что думаете о ваших новых русских подчиненных?

— Два лейтенанта очень даже ничего, хоть и флотские, но для командования фортами береговой обороны это скорее в плюс. Да и вообще, за береговую оборону ответственны, должны быть не армейцы, а моряки. Слишком там все специфично.

— Понятно, а как вам казак?

— Это сущий варвар, господин президент. Нет, я ничего плохого о русских сказать не могу, но этот! Не удивительно, что его с радостью спровадили в Калифорнию.

— Да, человек он своеобразный. Но меня больше интересует, какой он командир.

— Для своих людей он тут главный авторитет. Уж точно больший чем вы или я. Может быть, только Резанов сопоставим, и то исключительно из-за положения при дворе русского императора, и Нектарий, конечно.

— А как вам вообще казаки?

— Они кавалеристы от Бога, господин президент. С нашими винтовками они превратились в очень высоко подвижных конных егерей.

— А может поручить им охрану побережья? Будут курсировать туда-сюда. Так мы будем своевременно предупреждены о высадке британцев.

— Можно, но как к этому отнесутся местные?

— По первости можно сделать смешанные патрули, а потом оставить одних казаков.

— Вы знаете, господин президент, мне кажется, что есть в них что-то притягательное для местных. Может статья, что казаков у нас прибавится.

— Если так, то не вижу ничего плохого. Мне важно как можно быстрее встроить индейцев, а наше общество. Казаки, как ни крути, теперь одна из его частей. Надо только следить, чтобы они местных не спаивали.

— Об этом вам надо говорить с русским священником, с Нектарием. К нему они точно прислушаются.

— Хорошо, спасибо. Я так и сделаю.

* * *

Поручить японского принца я решил Нектарию. Это более правильно стратегически. Тем более что из Новоархангельска в Японию вот-вот отправится первая православная миссия, сразу три монаха, пяток крещеных алеутов, один помощник Баранова и два десятка солдат в качестве охраны.

Резанов мне жаловался, что некого отправить туда в качестве посла, поэтому полноценное русское посольство там не получится.

Зато получится организовать калифорнийское. Первым послом Калифорнии в иностранном государстве стал первый директор нашего банка Исаак Шварц. Дефицит кадров у меня жуткий, выбирать практически не из кого, а послать кого-то в Японию надо.

Так что Шварц сейчас мучается от морской болезни на борту «Стеллы Марис» а в его бывшем кабинете обустраивается новый человек. Василиос Фоцис, дальний родственник Дукаса и обладатель редкого дара быстро считать в уме.

А вообще это интересно и очень важно. Сколько на самом деле у нас осталось времени до появления англичан. И что там творится на востоке. Там же, все-таки мой сын и его мать.

Интерлюдия 6

Пятнадцатое января тысяча восемьсот восьмого года. Кингстон, резиденция адмирала Кокрейна, командующего британскими силами на Карибах.

— Значит, капитан Горн, вы говорите, что Гамильтон в Калифорнии нашёл много золота?

— Да, господин адмирал, тот грек говорил, что у него в хранилище несколько тонн золота.

— И вы этого информатора приказали застрелить.

— Все верно. Мы с мистером Рэйнбоу решили, что это уместно.

— Зря, губернатору Броку было бы интересно узнать эту информацию из первых рук.

— Я думаю, то золото, которое мы привезли с собой, является достаточным доказательством.

— Вы же понимаете, что вашу добычу придется сдать в казну губернатора.

— Конечно, но точное количество золота, которое было на борту помимо меня и мистера Рэйнбоу знало еще двое. По странному стечению обстоятельств, оба этих матроса умерли, когда мы были на рейде Рио-де-Жанейро.

— Действительно странно.

— Неизбежные в дальнем походе случайности, господин адмирал.

— Да, море опасное место, тут не поспоришь. Вы же понимаете, что я жду мою долю.

— Конечно, господин адмирал. Все здесь. Двадцать фунтов золота ваши.

— Себе и Рэйнбоу вы оставили такое же количество золота?

— Да, сэр. И еще девяносто фунтов мы передадим в казну губернатора верхней Канады.

— Думаю, этого более чем достаточно, губернатор Брок будет доволен. Отличная работа капитан!

— Спасибо сэр.

— Как Гамильтон отреагировал на ваши предложения касательно Флориды и Кубы.

— Ему они не понравились, это было видно сразу.

— Он отказал вам?

— Нет, сэр. Согласился подписать договор, но только с официальным послом от короля Георга.

— Вот как? И чем же он мотивировал такой ответ?

— Тем, что Калифорния независимая держава, а он её правитель и значит, договора надо подписывать на официальном уровне.

— Что ж, логично. Умный ход для того чтобы потянуть время. Но главное, что он дал свое принципиальное согласие. И значит, мы можем начать операцию.

— Какую, сэр?

— По возврату Флориды под руку британского монарха. Я немедленно распоряжусь, чтобы информацию о согласии Гамильтона на это узнали и во Флориде и на территории Мексики, как лоялистам, так и сторонникам независимости.

— А это имеет хоть какое-то значение?

— Конечно имеет. Пока вы плавали вокруг Южной Америки, кое-что изменилось в Мексике.

— Что же, сэр?

— Повстанцы разбили несколько крупных отрядов сторонников Карла Четвертого, теперь они наступают и окружили Мехико.

— А это важно? Зачем испанцам вообще это знать?

— Он снабжает их оружием. Наверняка новость о том, что он торгует тем, что они считают своим, внесет определенный раскол в ряды сепаратистов и роялисты смогут этим воспользоваться.

— Нам нужно, что бы Новая Испания осталась под властью Мадрида?

— Нет, британской короне выгодно, чтобы они как можно дольше убивали друг друга. Чем дольше продлится эта война, тем слабее будет её победитель, кто бы это ни был. И тем проще нам откусить от испанских владений кусок побольше.

— Очень умно, сэр.

— Это еще не всё. Уже сейчас испанцы не смогут помешать нам захватить Флориду. Мы контролируем Новый Орлеан, и наш флот господствует вокруг её берегов. Но в глубине полуострова все контролирует наш бывший союзник. Вождь семинолов Ахайя, чья дочь родила ребенка от Гамильтона. И чьи воины отправились с Гамильтоном в Калифорнию. Нам нужно, чтобы семинолы были нейтральны к нам и остались в стороне.

— Я понял, информация из Калифорнии предназначена в большей степени для этого Ахайи?

— Да, все верно. Если семинолы просто не выступят против нас, то мы уже победили. Но я хочу попробовать склонить их к союзу против испанцев. Тогда мы используем их как пушечное мясо для захвата Кубы и Техаса.

— Отличный план, господин адмирал.

— Я тоже так считаю. Через неделю эскадра отправляется к Сент-Августина, а завтра я отправлю парламентариев к Ахайе и Текумсе.

— Текумсе? Это же вождь Шауни, и руководитель целой конфедерации индейцев великих озер.

— Верно, и сейчас он во Флориде, Ахайя помог ему навести порядок в Индиане и Орегоне, Текумсе прибыл к нему с ответным визитом вежливости.

* * *

Семинолы действительно приняли самое активное участие в том, что разгорающаяся резня, на отбитых у американцев землях, была остановлена. Семинолы взяли на себя грязную работу и устранили наиболее одиозных сторонников изгнания и убийства белых, Текумсе же смог договориться с самопровозглашенными лидерами американских колонистов. Отток белых на территорию тринадцати колоний, конечно, был, но минимальный.

Естественно до создания настоящего государства, где коренное население мирно сосуществовало и сотрудничало с пришельцами, было еще очень далеко, но хотя бы стороны прекратили друг друга убивать. Это уже можно было считать успехом Текумсе.

А вот планы Ахайи отправить посольство в Калифорнию через север, наоборот, провалились в самом начале. Сразу несколько опытных следопытов из числа воинов Шауни в молодости путешествовали по западу континента и единогласно заявили, что пройти на север через горные хребты невозможно. Вернее, возможно, но путь займет не меньше года, и

нужно будет сначала подниматься чуть ли не до владений тинклитов, а потом спускаться вниз по побережью Тихого океана.

Но это не значило, что Ахайя отказался от планов отправить посольство в Калифорнию. Раз-уж нет возможности пройти через север, а центральные равнины опасны из-за самых воинственных индейцев Северной Америки, из-за команчей, значит, нужно идти через юг, Через Луизиану, Техас с север Мексики.

Текумсе и сам хотел отправиться на запад, чтобы самому познакомиться со ставшим уже легендарным среди индейцев Белым Духом, поблагодарить того за оружие, с помощью которого индейцы вернули Орегон и Индиану, и самое главное, за оспенного теленка и знания о том как бороться с корью.

Два этих страшных заболевания, которые буквально выкашивали целые деревни, благодаря Белому Духу отступили, и Текумсе, храбрый воин и справедливый вождь, чувствовал себя обязанным лично сказать спасибо за это. Благо, ему было на кого оставить свою конфедерацию на время этого «великого посольства»

Помимо Ахайи, чьи воины взяли на себя грязную работу, большую роль в замирении Орегона и Индианы сыграл Билли Колдуэлл полукровка, чья мать была индианкой из племени Потаватоми, а отец ирландским иммигрантом.

Билли занимался торговлей мехом на территории американской Индианы, но когда началась война, присоединился к племени своей матери и благодаря уму и личной храбрости быстро выдвинулся в число командиров армии Текумсе.

Ну а когда случилась отмена Гринвильского договора, настал звездный час Билли. Он фактически выступил посредником между Текумсе и американскими колонистами и обеспечил мир.

Вот на него Текумсе и ставил свою конфедерацию и вместе с почти тремя сотнями воинов отправился во Флориду.

* * *

Двадцать третье января тысяча восемьсот восьмого года. Центральная Флорида. Владения семиолов.

Только что посланцы адмирала Кокрейна убыли восвояси, и в доме Текумсе остались двое вождей, молодая женщина и её ребенок.

— Что скажешь, Текумсе. Тебе тоже кажется, что это был ультиматум? — англичане поставили Ахайю перед фактом того, что через неделю они начнут отбирать Флориду у испанцев. И попросили не вмешиваться, под тем предлогом, что это согласовано с Александром Гамильтоном.

— Да, это он и был. Мне интересно другое. Отец твоего внука действительно договорился с красномундирниками?

— Нет, конечно, — внезапно вступила в разговор Селия, Текумсе удивленно посмотрел на неё. В его доме женщины не могли говорить, пока мужчины не разрешат. Но у его союзника могли быть другие обычаи, — Александр бы никогда не согласился на такое. Он много раз говорил и мне и моему отцу не доверять белым. Я уверена, что это просто слова.

— Твоя дочь так хорошо знает Белого Духа? — пусть эта женщина говорит, Текумсе все равно задаст вопрос не ей, а её отцу. Он по праву старшего в ответе за все.

— Да, она знает его так же хорошо, как и я, а я доверяю ему полностью. Я тоже не верю англичанам. Скорее всего, у них, действительно, был разговор с Белым Духом, но он не мог согласиться на подобное.

— И что ты планируешь делать?

— Отправить к нему дочь с внуком и драться, если потребуется.

— Именно драться? Не остаться в стороне, а драться.

— Ты слышал мои слова. Да, ты считаешь красные мундиры меньшим злом по сравнению с синими, наверное, это так. Но меня вполне устраивают белые мундиры, которые носят испанцы. Если англичане потребуют от меня примкнуть к ним или пропускать их отряды через мою территорию я отвечу отказом.

— Ты думаешь, для тебя и твоего народа что-то изменится, если побережье перейдет в другие руки?

— Я думаю, что не могу им помешать в этом. Но вот дать им по зубам, если полезут на наши земли, надо обязательно. Если этого не сделать, они обнаглеют и скоро попробуют захватить весь полуостров.

— Ты же понимаешь, что я не готов начинать войну с англичанами из-за тебя.

— Понимаю, и не прошу тебя об этом. Если они остановятся на побережье, я не буду воевать с ними. Я попрошу тебя о другом.

— О чем?

— Ты не просто так прибыл во Флориду и собираешься на запад к Белому Духу. Возьми с собой мою дочь и её сына. Как мы и договаривались, я дам тебе две сотни и пятьдесят воинов. Отряд из пяти сотен воинов вполне способен добраться до Калифорнии. Селия, — обратился Ахайя к дочери, — я тебя не спрашиваю ни о чем, ты отправляешься на запад, к отцу своего ребенка. Там будет безопаснее, чем здесь.

Через два дня большой отряд под руководством Текумсе отправился на север. Перед ним стояла сложная задача, пересечь территорию британской Луизианы, Техаса, который условно контролировался испанскими роялистами и охваченную гражданской войной Мексику. Для такого крупного отряда это было возможно, в принципе, можно было даже попробовать пройти по территории контролируемой команчами, но Ахайя и Текумсе решили не связываться с этим непредсказуемым народом, представителей которого они считали дикарями.

План Ахайи был прост, он не мог помешать захвату англичанами побережья Флориды, но вот не пустить их вглубь полуострова было ему вполне по силам. А вот потом, когда Белый Дух придет помощь, тогда можно будет подумать и о заключении мира. Вождь семинолов даже не думал о возможности победить англичан, он решил если будет необходимость, попробовать им не проиграть.

То, что отец его внука поможет, вождь семинолов не сомневался. Сын Ахайи, Шийай, уже несколько лет, верно, служил Гамильтону и тот был обязан отплатить за эту верность.

* * *

Первого февраля тысяча восемьсот восьмого года английская эскадра из трех фрегатов и одного линейного корабля третьего ранга встала на рейд Сент-Августина и приступила к бомбардировке форта, охранявшего город. После того как пушки крепости были подавлены

англичане высадили десант.

Как и при штурме Нового Орлеана, адмирал Кокрейн использовал свою бригаду морской пехоты, составленную из чернокожих десантников. Они пошли в первой волне и практически потеряли практически половину.

Особенно большие потери англичане понесли при штурме греческого квартала, там почему-то в них стреляли практически из каждого окна, несколько домов пришлось даже уничтожить пушками.

Так или иначе, к утру следующего дня Сент-Августин был взят. Как это не было странно для англичан, но остатки греческой диаспоры бежали на запад, вглубь полуострова, на территорию контролируемую семинолами. Те приняли беженцев, а когда англичане, разъяренные потерями, понесенными в греческом квартале, попытались преследовать их, семинолы не дали переправиться через реку Сан Хуан, уничтожив почти два десятка британцев.

Адмиралу Кокрейну стало понятно, чью сторону выбрали семинолы. Это его удивило, но не слишком. Благодаря донесениям своих агентов, он имел достаточно точное представление о том что из себя представляет Ахайя и каково его отношение к греческим жителям Сент-Августина.

Так или иначе, адмирал Кокрейн достиг своей цели на восточном побережье Флориды. Сент-Августин был взят, и над его крепостью снова, как и двадцать пять лет назад, развивался британский Юнион Джек.

В середине февраля эскадра Кокрейна перехватила у берегов Кубы два испанских транспорта с войсками, но к удивлению и англичан и самих испанцев, адмирал пропустил корабли в Мексику. Ему было достаточно того что они следуют не во Флориду, а на помощь лоялистам в Новой Испании.

* * *

Первое марта тысяча восемьсот восьмого года. Йорк (Торонто), столица британской колонии Верхняя Канада. Резиденция губернатора Айзека Брока.

— Значит, на территории Калифорнии есть золото?

— Да, господин губернатор. И его там просто до неприличия много.

— Что ж, ваша миссия увенчалась полным успехом, капитан Горн. Я распорядюсь отправить подробный доклад в Лондон о вашей роли в этом деле, считайте, что по возвращению вас из Калифорнии патент на звание контр-адмирала и указ о предоставлении вам рыцарского звания будет у меня на столе.

— Правильно ли я вас понял, что мне предстоит еще один поход в Калифорнию?

— Да, все верно. Правительство Его Величества приняло решение усилить наш флот в колониях. Вы же видели эскадру на рейде Квебека?

— Да, господин губернатор, одиннадцать линейных кораблей это внушительная сила.

— Вот именно, капитан. В качестве поощрения я распорядюсь, чтобы один из этих кораблей передали под ваше командование.

— Спасибо, господин губернатор! — воскликнул тронутый до глубины души Горн.

— Пожалуйста, надеюсь, вы проявите себя с лучшей стороны, командуя этим кораблем. Через месяц эскадра отправляется в Калифорнию. Командовать операцией будет адмирал

Кокрейн, который присоединится к вам на Ямайке.

— Господин губернатор, а что насчет пехоты? У Гамильтона хоть небольшая, но очень боеспособная армия, к тому же вооруженная флоридскими винтовками.

— Об этом вы тоже можете не беспокоиться. Линейные корабли Кокрейна будут сопровождать транспорты, на которых мы отправим в Калифорнию достаточно мощный экспедиционный корпус. Пять пехотных и два драгунских полка. Это риск, американцы хоть и разбиты, но не уничтожены, но золото должно принадлежат тому, кто этого достоин, а не непонятному авантюристу, назвавшемуся президентом ивигрушечно республики.

Уверен, что когда в Лондоне получат мой доклад, то пришлют необходимое для защиты Канады, количество войск. Что до флоридских винтовок, то в арсеналах Йорка их имеется достаточно, они очень просты в производстве и я, не дожидаясь разрешения из Лондона, приказал наладить их производство. Разрешение, кстати, мною было получено.

* * *

Двадцатое марта тысяча восемьсот восьмого года. Вашингтон, Соединенные штаты Америки.

— Значит, в Калифорнии нашли золото, и англичане снаряжают эскадру для её захвата? — спросил Джеймс Мэдисон

Вот уже восемь месяцев Мэдисон занимал президентский пост. Он немного не так представлял себе свое президентство. Страна была раздавлена разгромом, потерей огромных территорий и гигантской репарацией, которые на молодую демократию наложили англичане.

— Да, господин президент.

— Как вы думаете, — обратился Мэдисон к Вильяму Гаррисону, тот совершенно неожиданно для всех занял вице-президентский пост, оттеснив считавшегося фаворитом Монро, — у нас есть шанс воспользоваться этим и взять реванш?

— Нет, господин президент, Брок уже посла запрос в Лондон, уверен, что там оценят его желание захватить такой ценный приз как золотonosную Калифорнию, и пришлют достаточное количество войск на замену.

— Даже, несмотря на войну с Бонапартом?

— Да, господин президент. Все понимают, какие выгоды дает золото, тем более что индейцы этого ублюдка Текумсе никуда не делись, хоть его самого и нет на территории Индианы.

— Ясно, очень жаль. Как вы думаете, джентльмены, у нас есть возможность урвать себе кусочек этого золота?

— Я так не думаю, господин президент. После разгрома Гамильтона англичане будут там полноправными хозяевами.

— А что если найдутся патриоты, которые на свой страх и риск отправятся в Калифорнию и попробуют добыть нам часть этого золота?

— А где гарантия, что эти гипотетические патриоты просто не оставят это золото себе?

— Заложники, Вильям, заложники.

— В таком случае это может сработать, господин президент, надо этот вопрос обдумать.

— Хорошо, займитесь этим.

Двадцать первое марта тысяча восемьсот восьмого года. Поселок Гамильтона, Калифорния.

— Итак, господа и дамы, — я кивнул Марии Мануэле, — корабли из Японии должны были вернуться две недели назад. Самое время обсудить, что мы будем делать, если они не придут.

— Я бы не паниковал, господин президент, — взял слово Плетнев, — и «Стелла Марис» и «Флорида» в хорошем состоянии. Когда они уходили, к машинам и корпусу нареканий не было. Япония все-таки за океаном. Мали что могло случиться. Никуда не денутся, вернуться.

— Но в любом случае, нам нужно быть готовыми к тому, что японцев у нас не будет, — ответил де Карраско, — сеньор де Ариллаго, мне будет нужна ваша помощь в наборе добровольцев среди олони.

— Конечно, когда вы планируете приступить к набору?

— Думаю, что первого апреля, всё-таки торопиться не стоит, вдруг да придут наши корабли.

— Как бы нам не опоздать, — отвечаю я де Карраско, — если вы начнете набор в апреле, то дай Бог к маю у нас будет еще тысяча новобранцев. Абсолютно не обученных новобранцев. Начинайте сейчас. Если японцы появятся, задействуем набранных олони в охране поселений на восточном берегу залива и усилим гарнизон в Монтеррее.

— Господин президент, у меня есть предложение, — наш главный горный инженер за последние четыре месяца серьезно осунулся и загорел.

Ортега практически все время пропадал на восточном берегу залива, практически в одиночку таща на себе строительство дороги от русской деревни до Коломы и форта «Восточный»

Технология индейцев с разрывом камней водорослями нам здорово помогла и сейчас половину пути до форта «Восточный» можно преодолеть по суше, по относительно нормальной дороге. Ни о каком твердом покрытии пока говорить не приходится, но даже то, что она ровная и широкая, это уже хорошо.

Параллельно этой грунтовке будет проложена железная дорога. Фултон и Ортега посоветались и решили, что нагрузка в 35 тонн будет более чем достаточна. Когда мы, наконец, выйдем на озеро Тахо и начнем разрабатывать там месторождение железной руды то, сначала, приступим к строительству ветки железной дороги, от нашей, пока еще безымянной, столицы до Монтеррея. А вот потом уже туда: на восток к Коломе и будущему железорудному руднику.

На самом деле, мое окружение все еще сомневается насчет перспектив паровоза, его же еще толком никто не видел в деле. Мы только-только закончили крохотное кольцо вокруг столицы. Завтра торжественное открытие первой в мире железной дороги.

Железная дорога у нас сразу будет иметь практическое значение, паровоз Фултона заменит гужевой транспорт и будет круглосуточно доставлять сырье и материалы на наши заводы, нужно будет только создать на каждом производстве зону погрузки-разгрузки, но опыт у нас имеется. Пароход «Калифорния», наша гордость, оборудована кранами.

— Слушаю вас, сеньор Ортега.

— Если японцы все-таки появятся, набранных добровольцев олонии можно будет использовать на строительстве дороги до форта «Восточный» и Коломы.

— Наверное, мы так и поступим, спасибо. Вы уже обговорили с Робертом строительство паромной переправы через Сакраменто?

— Да, господин президент, — ответил за Ортегу Фултон, как только это будет необходимо, мы сразу приступим.

— Отлично. Что ж, господа. Тогда до завтра, Напоминаю, что у нас завтра большой день. Открытие железной дороги и демонстрация новинок мистера Тамтакоса. Так ведь Лука?

— Да, господин президент. Все верно.

— Вот и хорошо. Тогда мы завтра с тебя и начнем.

* * *

С момента, когда мы приняли решение о перевооружении наших фортов на новые орудия, прошло около трех месяцев. За это время мы полностью перевооружили два форта. Как оказалось, трудоемкость сооружения стационарных станков для орудий оказалась сильно меньше чем для лафетов полевой артиллерии, к тому же эту работу могли выполнить не оружейники, а смежники. Вместо двенадцати орудий мы произвели шестнадцать и успели их к этому установить.

Наблюдательные башни тоже были готовы. Сейчас на них шёл монтаж оборудования, изначально на каждой башне мы установили телеграф и мощные подзорные трубы, но три недели назад начали установку новинок, достаточно мощных, но при этом простых прожекторов.

Так как Барри младший еще не закончил работу ни над электродвигателем, ни над его полной противоположностью, динамо-машиной, от идеи электрических прожекторов пришлось отказаться. Впрочем, замена в виде мощной лампы на светильном газе оказалась более чем уместной.

А вот с зеркалами пришлось повозиться. Как это ни странно, Том, будучи виртуозным стекольщиком никак не мог наладить их производство. Но раз уж зеркала необходимы для прожекторов а стеклянные сделать не получается, будем делать их золотыми!

Абсолютно бредовая и ужасно дорогая в любом другом месте мира идея. В другом, но не у нас, я сразу дал добро на изготовление золотых зеркал, благо материала у нас было полно. Зато фокусирующие линзы Том сделал на загляденье, с ними у него проблем не возникло.

Так что теперь ночную тьму рассекают сразу два «золотых луча», привод этих прожекторов ручной, но другой мы и не сделаем, будущий электродвигатель на него не поставишь. Впрочем, это и не требовалось.

Мы провели испытания, и выяснили, что прожекторы вполне справляются с освещением кораблей на расстоянии двух миль. Этого было вполне достаточно, чтобы предотвратить любую попытку ночного проникновения в залив.

Сразу после установки орудий береговых батарей и сооружения наблюдательных вышек начались учения. Расчеты пушек тренировались ежедневно, а с недавних пор еще и еженощно. Это доставляло значительный дискомфорт жителям столицы, но тут уж ничего

не поделаешь. Вполне возможно, что от мастерства артиллеристов гарнизонов фортов скоро будут зависеть сотни, а то и тысячи жизней.

* * *

Следующим утром я, Лука, Плетнев, Резанов, де Карраско и Ортега были на полигоне. Наш ведущий горный инженер составил компанию людям, от которых зависит оборона республики благодаря своему упорству.

Он довел дорогу до месторождения фосфоритов, и мы начали кустарную добычу этого минерала. Следствием этого стало производство фосфора, который мы решили использовать для производства зажигательных и осветительных снарядов. К сегодняшнему дню как раз произвели первую партию этой новинки, и мы начали испытания.

— Огонь! — скомандовал де Карраско и прозвучал выстрел. Деревянную мишень мы расположили на расстоянии в километр, первые три выстрела прошли мимо, а вот четвертый попал точно в цель, и она буквально скрылась в огненном облаке. Я вдоволь налюбовался зрелищем огромного костра и, закулив трубку, сказал всем собравшимся:

— Да, господа, не хотелось бы мне оказаться на борту корабля, по которому ведут огонь этими снарядами.

— Господин президент, может, не нужны нам такие снаряды? — внезапно сказал Плетнев?

— Как это понимать, Иван Петрович?

— Может быть это уже слишком? Мы же будем буквально жечь людей заживо.

Ничего себе! Да наш фехтовальщик виртуоз, оказывается гуманист! Никогда бы не подумал.

— Иван Петрович, разрешите спросить. Вы вчера на сон грядущий Петрарки с Русс обчитались? С чего бы у военного моряка, убийцы по своей сути, такие гуманистические взгляды? Вы когда своей саблей людей убиваете, тоже думаете, что это «слишком»?

— Одно дело воевать честно, а другое так.

— И что же не честного в этом оружии?

— Вам виднее, — с некоторым вызовом сказал Плетнев. Остальные с удивлением посмотрели на него.

В принципе, этот его маленький демарш понятен. Но только мне. Наверняка все дело в его разговоре с Нектарием.

Тот рассказал Плетневу о нашем разговоре, о будущем. Иван Петрович воспринял все всерьез и насел на меня с расспросами. Делать было нечего, пришлось мне поведать Плетневу кое-что из грядущего.

Но если Нектарию я рассказал об оскудении веры и судьбе Русской церкви, то Плетнев удостоился рассказа про ужасы Первой Мировой Войны. Все эти сплошные минные поля, напалм и ядовитые газы.

Наш brave капитан как пришибленный ходил почти месяц, потом вроде как отошёл, но очевидно не до конца.

— Да, Иван Петрович, мне действительно виднее. И я знаю, что нам нужно так врезать англичанам, чтобы они из своей Канады, даже взглянуть на запад без дрожи не могли.

— Иван, дружище, не узнаю тебя. Есть у мистера Гамильтона такое оружие и, слава

Богу! — поддержал меня Резанов, — когда ты из пушек японцев расстреливал, то не сомневался.

— Наверное, ты прав, Николя, приношу свои извинения, господин президент.

— Всё в порядке Иван Петрович. Я вас понимаю, это действительно ужасное оружие, — это ты еще не видел намного более веселые вещи, напалм например, — но оно нам нужно.

— Господин президент, — взял слово де Карраско, — я так понимаю, что снаряд детонирует при ударе, как и обычный фугас. Я прав?

— Это вопрос к Луке, он у нас главный по подобным вещам.

— Все верно, сеньор, — ответил Лука, — но мы работаем и над вариантом подрыва над целью. Как для осколочно-фугасного, так и для этого снаряда. Собственно, пока это зажигательный снаряд. А вот когда доделаем взрыватель, то будет и осветительный.

— И как успехи, мистер Тамтакос? — смущение, которые Лука испытывал, когда его называли, таким образом, давным-давно прошло, и он с достоинством ответил.

— Как это ни странно, господин президент, но разработать взрыватель для снарядов оказалось сложнее, чем сам снаряд. Но мы работаем над этим, вернее Ангелос работает.

— И как скоро мы сможем увидеть результат? Шрапнельные снаряды мы же еще со времен Флориды делаем.

— К сожалению, пока сказать ничего не могу.

— Ясно, жаль, ну что ж, будем ждать.

Расчет орудия сделал еще целую серию выстрелов, мы наслаждались видом уничтожаемых мишеней, а когда снаряды кончились, отправились на испытания еще одной новинки мистера Тамтакоса.

* * *

Вообще, Лука еще тот хитрец, у него на заводе появилось уже достаточное количество специалистов, которым он может скинуть, ту тили иную задачу, если она ему не интересна.

Именно это он и сделал с моим поручением по перевооружению фортов нормальной артиллерией, просто взял и спихнул это на Костаса с братом, при этом, я узнал позднее о том, что Костас даже отложил инициативную разработку. А сам Лука занялся постройкой воздушного шара, вернее аэростата.

Он мог построить два различных шара: монгольфьер, наполненный горячим воздухом, или шарльер, наполненный газом, а именно водородом. Оба варианта представлялись Луке осуществимыми. Водород он получил тогда же, когда и светильный газ, пропуская водяные пары над раскаленным коксом. Кроме того, существовал и еще один способ получения водорода, соответствующий этому времени: обработка железных опилок серной кислотой.

Правда, с водородом была проблема: отсутствие подходящего материала для изготовления шара, он без проблем просачивался сквозь любую доступную нам ткань, что лен, что шёлк, который мы, наконец, стали производить, для этой цели совершенно не годились.

Если бы мы все еще находились во Флориде, он просто покрыл бы шёлк раствором каучука в скипидаре, но в Калифорнии этот вариант не подходил, в связи с отсутствием каучука. Гуттаперча же, которую мы привезли с Филиппин, у нас уже практически закончилась.

Поэтому Лука решил строить монгольфьер. Но не просто шар с корзиной, в которой горит костер, нет. Он с самого начала даже не собирался. У него под рукой имелся светильный газ. Вот он и построил шар с газовой горелкой.

Сейчас помощники Луки как раз готовят монгольфьер к первому запуску. Его площадка возле южного форта, куда я и направился

* * *

По пути к южному форту я решил заехать за Марией Мануэлой в больницу, крошка Хуан сейчас с няней и кормилицей, а моя благоверная делает обход больных.

Вчера у неё и мэтра Абенамара была достаточно сложная операция, а именно удаление аппендикса. Мэтр оперировал, а Мария с доктором Мордгорстом. Тот вот-вот отправится в Новоархангельск. Там у него не будет таких условий как в столице, но наркоз, болеутоляющие и антибиотики доктор возьмет с собой.

По пути до больницы я задумался о том, почему Лука построил тепловой аэростат, а не водородный, а именно про отсутствие у нас каучука.

Скоро это может стать проблемой, каучук критически важен для развития промышленности, прокладки, изоляция, да много всего. Но вот где его взять это вопрос.

Самый простой вариант, бразильская гевея, для нас сейчас недоступен. В Бразилию перебрался двор португальского короля, а он союзник англичан. Неизвестно сколько мы с ними провоюем, может быть и несколько лет.

Надо искать другие варианты. Гуттаперча с Филиппин это, все-таки не равноценная замена каучуку. Правда, на гевее свет клином не сошелся. Я точно знаю, что каучуконосы растут, например, на острове Ява, сейчас там голландская колония, и с ними вполне можно договориться.

Этот вариант удобен, экипажи наших кораблей могут отдыхать в Японии, прежде чем отправиться с Явы через океан в Калифорнию. Черт, где мои корабли?

Там же на борту должен быть японский наследный принц. Если с ним что-то случится на пути сюда, это отменит все наши договоренности.

А нам очень нужны японцы сейчас, я уверен, что в Калифорнию отправят лучших из лучших и мы сможем без проблем их подготовить. Индейцы олони это, однозначно, неравноценная замена.

— Дорогая, ты закончила? — спросил я жену, зайдя в ее кабинет. После рождения сына Мария Мануэла стала еще красивей.

— Еще нет, — ответила она и, закрыв дверь, жарко меня поцеловала, — не переживай, без тебя всё равно не начнут, — что верно, то верно, хорошо быть главным...

— Вот теперь я закончила, — сказала Мария Мануэла, и мы отправились к форту.

* * *

— А вот и вы, — сказал Лука, когда мы, наконец, появились на площадке аэростата. Тот уже был готов к запуску и рвался в небо, удерживаемый лишь причальными канатами.

Оглядевшись, я увидел, что это событие собрало практически всех мало-мальски

значимых персон нашего государства. Пришлось Луке подождать, пока я со всеми поздороваюсь. Впрочем, парень портил это время с пользой, что-то увлеченно обсуждая с Барри и Розой.

— Можно начинать, — говорю я Луке.

Тот отдает команду своим помощникам, те уже в корзине и отдают концы. Аэростат сразу начал набирать высоту. Все присутствующие начали бурно выражать свой восторг. Вот канат удерживающий шар полностью натянулся и подъем остановился.

— Поздравляю, мистер Тамтакос, — громко говорю я Луке, — это безусловный успех.

— Спасибо, господин президент.

— Длина веревки каната какая?

— Пятьсот метров.

— Очень неплохо. Дай сигнал, что бы они спустились.

— Минутку, — Лука заряжает пистолет холостым патроном и стреляет, через пару минут шар начал спуск...

— Какая грузоподъемность твоей игрушки? Сколько человек поместится?

— Два, — ответил Лука.

— Отлично, президент Республики и его первая леди хотят осмотреть столицу государства сверху.

— Но господин президент, а как же..., — видно, что парню самому хочется воспарить в небеса.

— Лука, успеешь еще накататься. Дай нам развлечься.

— Да, конечно.

— Вот и молодец, — Я помогаю жене забраться в корзину и обращаюсь к Луке, — объясняй, что к чему.

Тот показал мне, как управлять горелкой и через несколько минут мы начали подъём...

— Как тут красиво!

— Да, наш город прекрасен.

Это действительно так. Сейчас я как на ладони вижу почти все, что мы создали в заливе. Вон по заливу ползет серая туша «Калифорнии», рыбацкие куттеры ловят парусами ветер, дымят трубы заводов и фабрик, а черная гусеница, первый в мире паровоз, медленно разводит пары.

— Иди сюда, — говорит жена, и мы снова целуемся, первый в мире поцелуй в воздухе!

Внезапно Мария Мануэла отстраняется и буквально кричит, вцепившись мне в руку:

— Смотри, смотри!

Я поворачиваюсь лицом к океану и вижу далеко на горизонте два корабля, над которыми черный дым.

Слава Богу, японцы здесь!

Конец второй части.

Больше книг на сайте - Knigoed.net